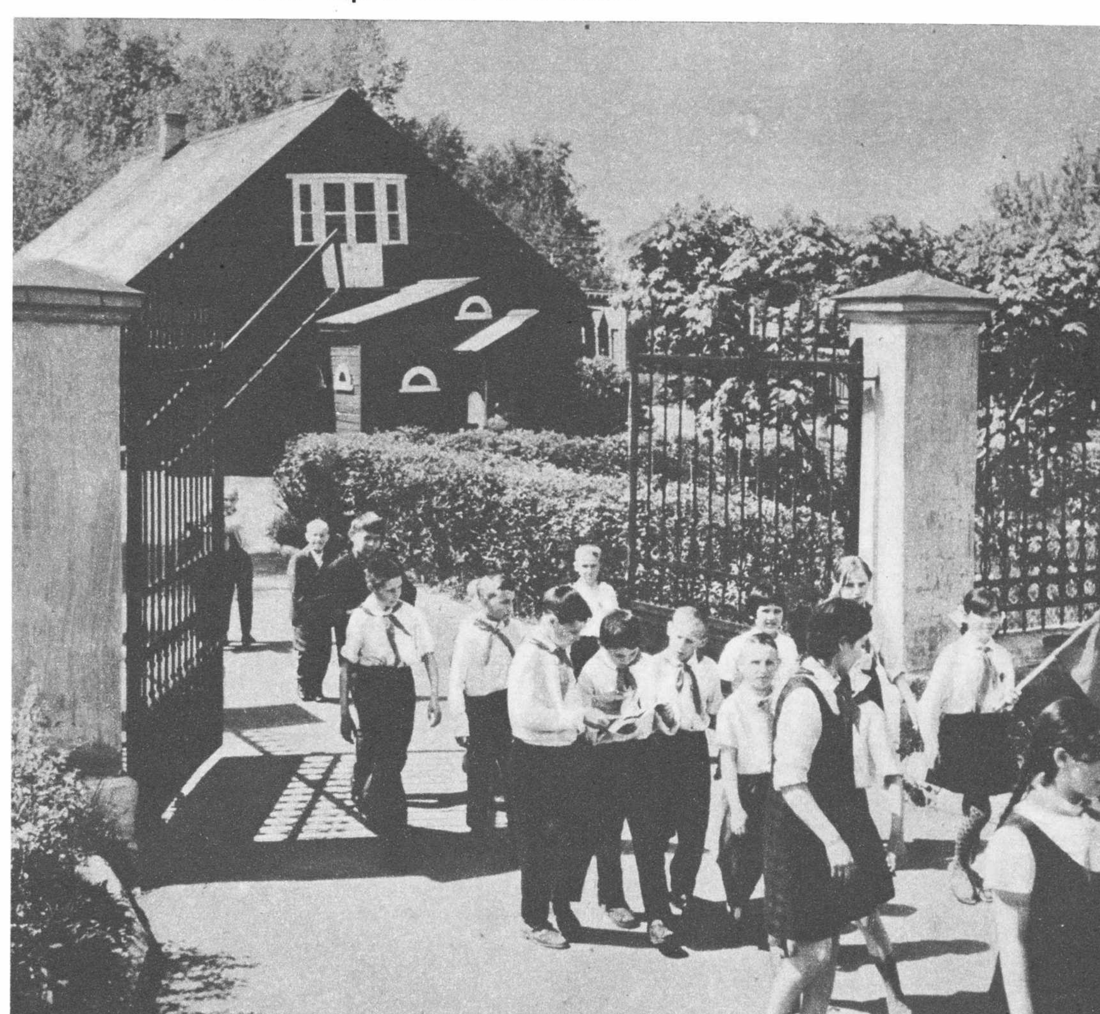
ОГОНЁК
№ 30 ИЮЛЬ 1969
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ЛЕНИНСКОМУ МЕРИДИАНУ

Казань — город вузов. Финансово-экономический институт — один из них.

ОГОНЁК
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
№ 30 (2195)
Основан 1 апреля 1923 года
26 ИЮЛЯ 1969

После пионерского сбора в доме-музее в деревне Ленино-Кокушкино — это место первой ссылки В. И. Ленина.



В новом районе столицы Татарии. Советская площадь.

ЧАЛО ПУТИ

Ф. ТАБЕЕВ,
первый секретарь
Татарского обкома КПСС.

Руководитель одной из многих иностранных делегаций, побывавших в Казани, как-то сказал нашим товарищам, сопровождавшим гостей: «Вы живете в удивительном городе, он как увлекательный учебник истории... История войн и революции, битв народов и классов, история науки, культуры».

Вероятно, в каждом древнем городе его гостей охватывает это всесильное чувство истории: камни улиц и домов чем-то напоминают каменную летопись, и шелест страниц ее будит в памяти великие имена и свершения. Мне думается, что гостей Казани это чувство охватывает с силой поистине необычайной. И не только потому, что тут бывали проездом, жили, учились, творили, боролись полководцы революционных сражений, корифеи науки, литературы, искусства — С. Аксаков и Г. Державин, А. Пушкин и Л. Толстой, М. Горький и В. Маяковский, глава русской школы органической химии А. Бутлеров и великий геометр Н. Лобачевский, А. Герцен и Н. Чернышевский, В. Качалов и Ф. Шаляпин; здесь звенела поэтическая лира Г. Тукая и Мусы Джалиля; тут учились С. М. Киров, Н. Э. Бауман и один из первых русских марксистов, Н. Федосеев; сюда приезжал по заданию партии в году 1905-м Я. Свердлов... Все, что связано с ними в Казани, нам дорого и близко. Но есть в нашем городе дома, улицы, к которым никогда «не зарастет народная тропа», места, свято хранимые, почитаемые и оберегаемые, места, к которым в эти дни юбилейного года нескончаемо тянутся потоки экскурсантов.

Казань — это начало революционного пути Ленина, город, в котором будущий вождь Октября получил первое революционное крещение. И когда проходишь мимо Казанского

Фото Д. Ухтомского.

Этот памятник студенту Владимиру Ильичу Ульянову стоит перед Казанским университетом.

университета, когда смотришь на его строгие белые колонны, мысль как-то невольно обращается к колоннам Смольного в Петрограде. Вспоминаешь во всех деталях запечатленный в фильмах, воспетый в поэмах, повестях путь Ленина к Смольному в незабываемую октябрьскую ночь 1917 года. И думаешь: а ведь начинался тот путь здесь, в Казани, в этом здании университета, путь длиной в 30 лет: летом 1887 года семья Ульяновых, навсегда покинув Симбирск, переехала в Казань, Владимир Ильич должен был поступить в университет.

Брату «государственного преступника», участвовавшего в покушении на царя, доступ в столичные университеты был уже закрыт. Анна Ильинична вспоминает, что хотя «прямого запрещения поступить в один из столичных университетов ему не было,— но директор департамента полиции дал понять матери, что лучше ему проситься в провинциальный университет и лучше, если он будет жить при ней». Так и был выбран один из старейших в России университетов — Казанский.

...Университетская Казань конца минувшего века слыла большим по тем временам городом. И немалую роль в его политической жизни играло студенчество. Студент Д. Каракозов, учившийся в Казани, стрелял в Александра II — событие, побудившее царское правительство еще более усилить надзор за «крамольным» городом с его «крамольным» университетом. В середине восьмидесятых годов тут возникают первые кружки марксистского направления — не только среди учащихся, но и передовых рабочих. Кружковцы имели свою библиотеку запрещенной литературы и помышляли о создании нелегальной типографии, и был у них единый центр во главе с Н. Федосеевым, который, по выражению Ленина, был необыкновенно талантливым и необыкновенно преданным своему делу революционером.

Казанские студенты — один из отрядов революционной молодежи России, тесно связанные с нею, горячо поддерживая ее, тянулись к активной политической деятельности. Горький писал о них в «Моих университетах»: «...Жили в настроении забот о русском народе, в непрерывной тревоге о будущем России. Всегда возбужденные статьями газет, выводами только что прочитанных книг, событиями в жизни города и университета...». По рукам ходили иногда напечатанные, а иногда в рукописях «Что делать?» Н. Чернышевского, «Исторические письма» П. Лаврова, статьи Д. Писарева. Правительство ответило контрмерами, открыв огонь по непокорному студенчеству России. Издается «Высочайше утвержденный устав» — казарменный устав, воспрещавший студентам участие в каких бы то ни было обществах, клубах. Учреждается должность специальных надзирателей, облеченных правами жандармов, издается позорно знаменитый циркуляр о недопущении в средние учебные заведения «детей кучеров, лакеев, поваров, мелких лавочников и т. п.».

Вот в какую пору поселилась в Казани семья Ульяновых. И, вступая в казанскую студенческую семью, Владимир Ульянов вынужден был, кроме всяких обязательств, данных в прошении университетскому начальству, выдать еще и специальную подписку: «...обязуюсь не состоять членом и не принимать участие в каких-либо обществах, как, например, землячествах и т. п., а равно не вступать членом даже в дозволенные законом общества без разрешения на то, в каждом отдельном случае, ближайшего начальства». Подписка была дана, формальность выполнена, но тут же Владимир Ильич включается в бурную деятельность Самарско-Симбирского землячества.

...С чувством трепетного благоговения входит сегодня наша студенческая молодежь в актовый зал университета. Здесь 4 декабря 1887 года состоялась знаменитая сходка студентов, призвавших стать «на защиту попранных прав наших университетов»: известие о расправе властей с участниками выступлений московского студенчества нашло живейший отклик в Казанском университете. Владимир Ильич был среди первых и главных «смутьянов», бросивших в лицо царским прислужникам свою гневную петицию. Позже инспектор доложит, что студент Ульянов «бросился в зал одним из первых, что он с товарищами первыми неслись по коридору 2-го этажа, махая руками, как бы желая воодушевить других». Будущий вождь и учитель многомиллионных масс трудящихся был среди первых в этом своем первом революционном выступлении.

Начало пути! Вот эти тихие, неширокие улицы нашего города, по которым 17-летний студент Ульянов декабрьским утром шел на сходку, улицы, по которым ночью везли его в тюрьму,— первый арест. Улицы, по которым в крытой кибитке, провожаемый полицейским чином, Владимир Ильич проследовал на хутор Кокушкино под негласный надзор полиции,— первая ссылка. Сколько бередящих душу чувств, светлых мыслей рождают эти дорогие нам места! И прежде всего в сердце, сознании юноши, жизнь обдумывающего, в жизнь вступающего: увы, не всем ведь дано в ранней молодости найти самих себя, определить главное свое направление, вдумчиво взглянуть в свое завтра.

«Ну, что вы бунтуете, молодой человек? — ведь перед вами стена!» — скажет Владимиру Ульянову сопровождавший его в часть пристав. И 17-летний студент, только-только вступающий в жизнь, уверенно ответит: «Стена, да гнилая — ткни и развалится».

Владимир Ильич готовился к грядущим революционным битвам и там, в глухой, занесенной снегом деревушке: жадно читал Белинского и Чернышевского, Добролюбова и Писарева, штудировал экономическую и общественно-политическую литературу, университетские курсы, надеясь, что ему разрешат вернуться в университет. Надежды оказались напрасными. Отказали.

Осенью 1888 года Ленин возвращается в Казань. Владимир Ильич начинает изучать «Капитал» Карла Маркса, быстро восстанавливает и расширяет свои связи с революционно настроенной молодежью, вступает в один из кружков Н. Федосеева и лишь по счастливой случайности избегает ареста: летом 1889 года полиция арестовала Н. Федосеева, разгромила все его кружки, но Владимир Ильич в это время уже был в Самаре, с Казанью он простился весной...

Так в нашем городе Ленин начинал свою революционную деятельность, чудесные плоды которой вместе со всеми народами Советского Союза пожинал и пожинает народ Татарии. Пройдет 30 лет, и в Москву, в Кремль, к Ленину приедет делегация работников Казанской губернии, чтобы решить вопрос о создании Татарской республики. 27 мая 1920 года ВЦИК принял Декрет: образовать Татарскую АССР, как часть РСФСР. Под Декретом стояла подпись — В. И. Ленин. Столетие со дня рождения Владимира Ильича мы будем праздновать в канун 50-летия нашей республики, все дела, успехи, радости, заботы которой озарены ленинской мыслью, ленинским гением. И прежде всего это относится к столице Татарстана, к древней и юной Казани.

...Ленин навещал город на Волге еще до поступления в университет: Ульяновы летом отдыхали в Кокушкине, принадлежавшем отцу Марии Александровны. И Володя Ульянов, бывая в Казани, любил подниматься на кремлевские башни, смотреть с высоты веков на город с его соборами и мечетями, с его захудалыми улочками, слободками, пустырями, с узенькой, мелководной Казанкой.

Мысленно я окидываю взглядом сегодняшнюю Казань с той же точки, с высоты башни Сююмбеки или Тайницкой. Более 50 лет прожила Казань при Советской власти, провозглашенной здесь буквально на следующий же день после Питера—26 октября; казанцы очень гордятся этим. Как неузнаваемо помолодела и похорошела столица Татарстана, ставшая портом пяти морей! Раздалась вширь, поднялась ввысь, и к стенам ее кремля волей советского человека наконец-то подошла волжская вода. Давно мечтали мы об этом. И вот настал день, когда плотина Волжской ГЭС имени В. И. Ленина, образовав грандиозное водохранилище, послала волжские воды мощным подпором к Казанке. Речушка эта стала широкой, многоводной, через нее перекинули новые мосты, ее берега одели в камень, ее воды тихо плещутся у искусственно намытых пляжей, у защитных валов и дамб, одна из которых соединяет центр города с новым его районом — Ленинским. О нем у нас говорят так: вот лучшее свидетельство индустриального и культурного роста столицы республики, вот воплощение в жизнь заветов Ильича. Ленинский район — это строители самолетов и моторов, химзавод имени Куйбышева, известный своею любительской кинофотопленкой; фотожелатиновое предприятие, построенное по последнему слову техники; взметнувшиеся ввысь эстакады завода органического синтеза. Ленинский район — это широкие, озелененные проспекты с многоэтажными домами, ресторанами, кафе, кинотеатрами, школами, клубами, с разветвленной сетью службы быта. И все это с помощью народов братских республик и прежде всего с помощью русского народа, правительства Российской Федерации поднялось на разбуженной окраине менее чем за одну трудовую человеческую жизнь. Еще недавно, в начале 30-х годов, здесь царило запустение, к мостику через Казанку приткнулись одноэтажные домики Козьей слободы, а дальше тянулись поля да пустыри.

В Казани поныне здравствуют и трудятся люди, закладывавшие первые камни в фундаменты промышленных корпусов и жилых домов, клубов и школ Ленинского района. Почти 40 лет строит наш город коммунист Алексей Александрович Санов. Начинал с простого возчика, потом стал каменщиком, а теперь большой мастер своего дела, бригадир комплексной бригады. Шагает Алексей Санов по проспектам Ленинского района, а рядом с ним — сын Владимир, избравший профессию отца. С гордостью говорит отец сыну: «Смотри, вот это мои дома, моя улица, мой микрорайон, я строил, в тридцатые годы начинал».

Канула в далекое прошлое Казань мыловаренная да ситцевая, какой она была в пору, когда здесь жил Ленин. Сегодня столица Татарстана — это город химии, машиностроения, приборостроения, легкой промышленности, город, в котором напряженно трудится штаб нефтяной промышленности республики, борющейся за выполнение почетного юбилейного обязательства — дать стране в 1970 году 100 миллионов тонн нефти.

Казань — город технического прогресса в самых разных его проявлениях. Среди творцов этого прогресса значительное место занимают национальные кадры. И как тут не вспомнить, что дореволюционная Казанская губерния по грамотности занимала 44-е место среди пятидесяти губерний Европейской части царской России. В письме Министерства просвещения на имя попечителя Казанского учебного округа есть такие строки: «Будет вполне правильным предоставить мусульманское дело самому себе, вне всякого стороннего воздействия в смысле улучшения и реформы этих учебных заведений. Предоставленные самим себе мусульманские школы будут по-прежнему пользоваться рутиной...» Единственная на всю губернию Публичная библиотека в Казани была закрыта для татар, они могли посещать лишь ее филиал. А татарок и сюда не пускали, лишь в 1913 году им дозволили входить в филиал библиотеки, да и то «по воскресным дням от 12 до 4-х часов пополудни».

Такова была царская политика «просвещения», обрекавшая татарский народ на духовное вырождение. Ленин, Советская власть спасли наш народ от этого вырождения, приобщили его к несметным богатствам человеческой культуры. Ныне Казань — город многотысячной армии студентов, педагогов, научных сотрудников, ученых, исследования которых уважает вся страна. А такие, скажем, имена, как Арбузовы — отец и сын,— известны всему ученому миру. Университет, где учился Ленин, у нас иногда называют самым старым и самым юным домом города. Здесь переплетаются его история, настоящее и будущее. За 113 дореволюционных лет университет окончили не более десяти татар, а сегодня на его факультетах учатся свыше трех тысяч татарских юношей и девушек. Если раньше в университете не было ни одного преподавателя-татарина, то сегодня к слову университетских профессоров М. И. Абдрахманова, Ш. Т. Хабибуллина, Г. Г. Тумашева, Х. М. Курбангалеевой прислушиваются ученые многих стран.

В ученом мире теперь бытует такое понятие, как казанская школа — химиков, физиков, математиков, механиков. Я мог бы назвать много имен ученых университета, институтов авиационного, химико-технологического, Казанского физико-технического института АН СССР. Среди этих ученых немало сынов и дочерей татарского народа, которые рука об руку с русскими братьями достигли высот науки, заняли такое место в жизни, о котором их отцы, деды и мечтать не смели.

Это дал им Ленин, это дала им Советская власть. Вот рассказ о жизни одного из таких сынов татарского народа — Гильма Камая, видного советского ученого, доктора химических наук, лауреата Государственной премии,

заведующего кафедрой Казанского химико-технологического института.

Мать — прачка, отец — грузчик, всю жизнь мечтавший обучить сына грамоте, чтобы стал писарем. Да так и не дожил он до той поры, когда его сын Гильмутдин пошел иной дорогой, чем отец. Умер грузчик в 42 года, оставив сыну в наследство крюк, потертую подушку грузчика и неосуществленную свою мечту — обучить грамоте маленького Гильмутдина. Когда мальчику исполнилось 8 лет, мать сказала: «Гильм, пора браться за работу». Это означало: «Сынок, брось думать о школе».

Я не стану описывать все мытарства юноши, который учился грамоте, по слогам читая названия пароходов,— его учителями были добрые русские парни из артелей грузчиков. Судьбе было угодно, чтобы первое русское слово, самостоятельно прочитанное Камаем, было слово «Фортуна» — так называлось судно. Но больше фортуна не улыбалась ему. До семнадцатого года, до того дня, когда по зову Ленина большевики установили в Казани власть Советов. Что такое Советская власть, он явственно ощутил в первые же дни ее существования — Камая приняли в учительскую семинарию и дали место в общежитии. Дальше все сложилось так, как складывалось в жизни тысяч юных сынов трудового народа. Комсомол, гражданская война. В декабре двадцатого года приняли в партию, а в 21-м демобилизовали и направили в Москву, в распоряжение Тюркбюро ЦК РКП(б). Камай бывал в Кремле, видел Ленина, слышал его выступление на X съезде партии. Потом судьба забросила в Сибирь. Партия послала учиться в Томский университет. Когда он окончил университет и одаренного юношу решили отправить в Казань, к Арбузову, в аспирантуру, кто-то из «спецов» запротестовал: «Что вы делаете, он же бывший грузчик, да к тому же татарин». «Спеца» не послушали. Так татарский народ дал стране талантливого ученого, которому теперь за шестьдесят, который вместе со своими учениками выполнил более 300 экспериментальных исследований.

Был в жизни профессора Камая такой случай. В связи с его назначением ректором Казанского университета он был вызван в Москву, к наркому просвещения товарищу Бубнову. Нарком сразу узнал в нем политработника, агитатора, с которым встречался в гражданскую войну на Перекопе. «Бойцы вспоминали минувшие дни», когда в комнату вошла Надежда Константиновна Крупская. Бубнов представил ей Камая и сказал: «Это наш советский профессор, из татар». И тут же поведал об их встречах на Перекопе. Крупская обняла Камая и сказала: «Как порадовался бы Владимир Ильич, глядя на вас!..»

Кто знает, о чем думала тогда Н. К. Крупская, не вспоминала ли в те минуты казанский период жизни Ленина, когда Владимир Ильич воочию видел, что означала для татарского народа национальная «политика» царского самодержавия?

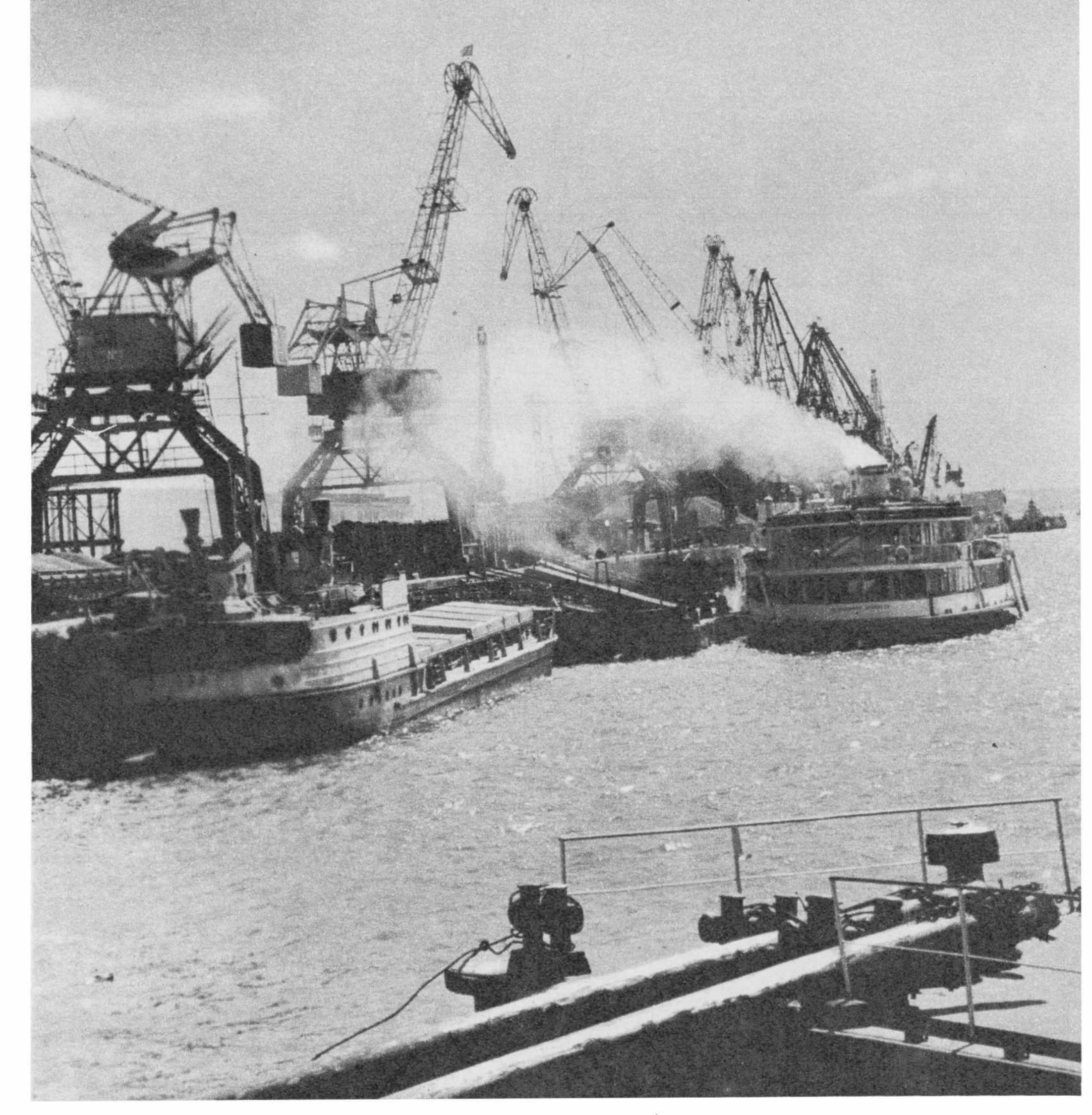
Я несколько подробнее, чем это позволяют рамки статьи, рассказал о судьбе одного татарского ученого. Ибо в ней и судьба народа и судьба республики. Это не исключительная биография. Кафедрой в Казанском медицинском институте заведует Абруя Хусаиновна Хамидуллина — дочь астраханского батрака. На комбинате «Спартак» до сих пор помнят сменного мастера Гумера Галеевича Тумашева, ныне крупного ученого, руководителя университетской кафедры.

Когда казанский кремль был резиденцией царского наместника, на воротах висело объявление, запрещавшее вход татарам. Сейчас там размещаются правительство и Президиум Верховного Совета республики, сейчас там работают министры — сыны и дочери трудового народа Татарии. Ленинская национальная политика навсегда уничтожила в нашей стране всякие социальные и национальные ограничения, создала безграничные возможности для расцвета национальных культур.

В годы первой русской революции известный татарский писатель Фатых Амирхан написал рассказ «Сон накануне праздника». Во сне автор попадает в татарский клуб, где встречает татарского профессора, композитора-татарина, писателей из татар. То была мечта, равнозначная несбыточному сну. Сон стал реальностью — гигантский революционный скачок совершили за годы Советской власти татарская литература и искусство. Это не дает покоя антикоммунистам там, на Западе. Некий Б. Мусабай опубликовал в западногерманском журнале статью «Современная татарская литература». Каких только небылиц не нагородил сей «ученый муж»! Мы-то и не догадывались, в состоянии какого жесточайшего «кризиса» пребывают и проза, и поэзия, и драматургия Татарии. А уж сколько оскорбительных слов сказано в адрес видных деятелей культуры Татарии. Пусть себе тешатся идеологи антикоммунизма. Татарский народ высоко ценит своих писателей, композиторов, художников, чьи произведения известны не только всей стране, но и за ее рубежами. Оперу народного артиста СССР Назиба Жиганова о Мусе Джалиле слышали в Москве и Праге. Со сцен театров Советского Союза и зарубежных стран не сходит балет Фарида Яруллина «Шурале». Нерушима дружба деятелей культуры Татарии и России, Татарии и других братских республик. В ней, в этой ленинской дружбе,—уверенность в лучезарном будущем нашего народа, нашей республики.

...В эти дни к нам приезжает много гостей — советских и иностранных. Едут, чтобы низко поклониться священным ленинским местам, побывать в доме, где жил Владимир Ильич, в аудитории, где звучало гневное слово студента Ульянова. Мы рассказываем гостям о Ленине, о жизни Владимира Ильича в Казани, рассказываем о торжестве ленинизма в Татарстане. Нам задают много вопросов, и товарищи иногда отвечают на них словами нашего поэта Сибгата Хакима:

...Спросите нас: — Откуда вы?
— Мы вольные волжане,
Из края, где избыто зло,
Где солнце Ленина светло
На веки вечные взошло
В свободном Татарстане.



Порт пяти морей.

Маленькая речушка Казанка стала широкой, многоводной, через нее перекинули мост, соединяющий центр города с новым районом — Ленинским.

Польская Народная Республика широко отметила свой национальный праздник — 25-летие возрождения Польши.

21 июля в Варшаве состоялось юбилейное торжественное заседание сейма. В нем приняли участие Первый секретарь Центрального Комитета Польской объединенной рабочей партии В. Гомулка, Председатель Государственного совета Польской Народной Республики М. Спыхальский, Председатель Совета Министров Польской Народной Республики Ю. Циранкевич и другие руководители ПНР.

Участники торжественного заседания горячо приветствовали гостей — Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева и Председателя Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорного, Первого секретаря ЦК КПЧ Г. Гусака и Президента ЧССР Л. Свободу, члена Политбюро ЦК СЕПГ, Председателя Совета Министров ГДР В. Штофа и члена Политбюро, секретаря ЦК СЕПГ Э. Хонеккера.

«Их присутствие на торжественном заседании нашего сейма,— сказал В. Гомулка,— символизирует общность наших исторических судеб, наших интересов и целей, нерушимость наших союзов, нашу принадлежность к социалистическому миру, прокладывающему человечеству путь в будущее».

С речью, посвященной 25-летию ПНР, выступил Первый секретарь ЦК ПОРП Владислав Гомулка.

С приветственной речью выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев. Обращаясь к польским друзьям, он сказал: «Ваш праздник советские люди воспринимают как общий праздник социалистических стран, как замечательное свидетельство победного шествия нашего общего социалистического, коммунистического дела».

На снимке: Н. В. Подгорный, Л. И. Брежнев, В. Гомулка во время встречи на Варшавском аэродроме.

Началась Декада узбекской литературы и искусства в РСФСР, посвященная 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. После выступлений в волжских городах — Горьком, Казани, Ульяновске — участники декады прибудут в Москву, где состоится заключительный концерт.

Многочисленные аудитории в эти дни сердечно встречают мастеров культуры братской республики и с живым интересом знакомятся с их новыми творческими достижениями.

СТРОКИ УЗБЕКСКОЙ ПОЭЗИИ

Аскад **МУХТАР**

СЕСТРА БЕССМЕРТЬЯ

Вот и снова дорогою прежней
Ты по медленной Волге плывешь:
О, как стар этот мир прибережный!
Но во всей этой прелести вешней,
Как по-прежнему, юн и хорош...

Или вправду — нам вечность навстречу,
Все столетья вобравшая сплошь?
Освещают березы, как свечи,
Берегов легендарное вече,
И меж ними ты
в Завтра плывешь...

Здесь в картинах, несущихся мимо,
Как времен ощутительна связь!
Это Волга Россию вскормила,
И надежда великая мира
Здесь у волжской воды родила́сь.

Все мы — мудрости ленинской дети.
Не с того ли на долгом веку
Так пейзажи мне помнятся эти?
И, живя в моем древнем Ташкенте,
Я на волжском живу берегу!

Слышу, слышу я голос машинный!
Как обилье земное, щедра,
Светлой мудрости дарит глубины
И ведет нас дорогой единой
Волга, Волга — бессмертья сестра.

Перевел А. Наумов.

МИРМУХСИН

ПАРТИИ

Когда о друге спросят у меня,
Что всех нужней в тревоге неминучей,
О друге, с кем, бессмертье разменяв,
Последнею поделишься минутой;
С кем вместе я свой каждый труд кончал,
Кто жил в душе, как брат —
не гость залетный,
И глину ту, что я обжег, гончар,
Умел покрыть бессмертной позолотой;
Кто, замогильный отрицая рай,
Грядущее земным возводит раем,
Кто край мой древний, мой родимый край
Не к центру ль мира вывел из окраин;
Когда о друге спросят у меня,
Что всех других роднее мне и ближе,—
Твой гордый образ, партия моя,
Духовным взором пред собой увижу.
Поверь, уста поэта не солгут —
Иначе строки мертвым грузом лягут.
Любой строкой я присягаю тут:
Мой ум и сердце вслед тебе идут
В годину счастья,
в годы бед и тягот.
И где бы я отныне ни стоял,
Перед тобой склонюсь в поклоне низко,—
Перед тобой, о партия моя,
О партия родная коммунистов!

Перевел А. Наумов.

Рамз **БАБАДЖАН**

АЛМАЗНЫЕ ГРАНИ

Алмазные грани,
Как пламя, горячи,
И чем острее грани,
Тем ярче их лучи!..
Не будь опаслив, друг,
Следи за каждой гранью,
Не думай:

Л. И. Брежнев выступает с речью на торжественном заседании сейма ПНР.
Телефото ЦАФ — ТАСС.

«Грань остра,
И руку я пораню...»
Отточенные грани
Сгладить не спеши —
Края их притупив,
Лучей не потуши.
Те грани драгоценны,
Скажу тебе заранее,
Быть может, зренье есть
У этих острых граней.
Иначе как могли бы
Они так точно видеть:
С какой рукой дружить,
Какую — ненавидеть.
Изрежут, искромсают
И обрекут на муку
Любую воровскую,
Неправедную руку.
Их может не бояться
Лишь сердце смельчака,
Лишь чистая, отважная,
Верная рука.
Когда клинок тупой,
Он режет равнодушно,
И рукоять продажная
Любой руке послушна,
С таким и трус бесчестный
Дружбу заведет —
Его влюбленно гладит,
За пазуху кладет...
Всегда, всегда на страже
Недремлющие грани,
И все грозней их лики,
Все пламенней сверканье,
И всеми остриями,
Как звездами, искрясь,
Пронзить они готовы
Любую дрянь и мразь!..
Да, друг мой, нет цены
Алмазным этим граням,
Честней и чище станем —
Себя мы не пораним,
Смотри же, эти грани
Сглаживать не смей —
Не притуши сверканья
Правдивых их лучей!

Перевел С. Северцев.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

ЗАРВАВШИЕСЯ АВАНТЮРИСТЫ ИЗ ТЕЛЬ-АВИВА

Спартак БЕГЛОВ

Недавно я прочитал сообщение о судьбе Кантары — маленького арабского городка, пленившего нас два года назад своей уютной красотой, несмотря на нависшие над ним тучи. Сегодня, говорится в сообщении, — это «город-призрак», в котором остались только стены и траншеи.

...Июль 1967 года. Берег Суэцкого канала. Маленький египетский городок Кантара казался мне неестественно зеленым на фоне пустыни. Еще в июне того же года перерезающая его голубая жилка канала была главным источником жизни. Теперь она стала линией смерти. Мы наблюдали в бинокль, как на той стороне под сенью мачты с израильским флагом группами ходили солдаты, выбрасывая из домов нехитрый скарб местных жителей. А жители на этом берегу еще не знали толком, что такое война. Они говорили о вчерашнем бое, о хлопотах сегодняшних суровых будней и делились с нами планами будущего благоустройства своего города, как будто все происшедшее — случайно налетевший шквал.

Но беда, которая пришла на Суэцкий канал, на Голанские высоты, на реку Иордан, зовется не шквалом. Она зовется агрессией, захватом, и каждый день «свершившегося факта», как называют дело своих рук тель-авивские «ястребы», приносит новые страдания, новые разрушения, новые смерти.

Что же дальше? Каждый день приносит новые вести о горячих схватках на линии, где остановлены агрессоры, о непрекращающейся артиллерийской перестрелке, о смелых рейдах арабских партизан, о подлых провокациях израильской военщины. У захватчиков горит земля под ногами. Арабские народы твердо дают понять, что никогда не смирятся с захватами. На их стороне симпатии сотен миллионов людей во всем мире, твердая поддержка и помощь Советского Союза и братских социалистических стран.

Не пора ли спеси уступить место разуму? Но нет. Тель-авивские экстремисты невменяемы. Что ни день, то новые воинственные призывы. «Израиль должен сохранить за собой Голанские высоты в Сирии, реку Иордан, сектор Газы в Египте и Тиранский пролив на Красном море», — твердит израильский военный министр Даян. Тель-Авив хочет сбить с толку собственный народ пропагандистским трюком насчет того, что линия захвата — это, мол, «граница безопасности». Эту «безопасность» и пытаются утвердить ценой лишения сотен тысяч людей их крова, бесцеремонного «освоения» чужих земель, ценой жизни других людей. Хороша «безопасность», ничего не скажешь! Не будет ли правильней сказать, что своим курсом на продолжение авантюры тель-авивские вояки ставят под вопрос не только безопасность?

Но тель-авивских руководителей, видимо, меньше всего интересует судьба людей, в том числе и собственных подданных. Если их и волнует чья-либо «безопасность», то речь может идти только о безопасности миллиардных долларовых вложений в эксплуатацию богатств Ближнего Востока. Именно иностранные монополии, а вместе с ними и международные организации толстосумов-сионистов орошают организаторов антиарабского похода золотым дождем, поощряют тель-авивских «ястребов» на неуступчивость.

Ставка на «золотого тельца» — это ставка азартных игроков. Но в мировой политике она теперь не приносит успеха, ибо в наше время не золото, а воля народов решает ход истории. Именно об этом говорит растущее сопротивление арабских народов, их решимость очистить свою землю от захватчиков. Даже в кругах, благосклонных к Тель-Авиву, все отчетливее сознают, что вместе с ростом международно-политической изоляции Израиля все больше усиливается решимость арабов к отпору агрессору. Под характерным заголовком «Империя, которую Израиль не в состоянии переварить» английская газета «Дейли телеграф» поместила недавно сообщение об усиливающемся движении сопротивления в оккупированных Израилем районах, в котором признала: «Массовые аресты, превентивные аресты без каких-либо конкретных обвинений, депортации — все это вызывает растущее недовольство арабов».

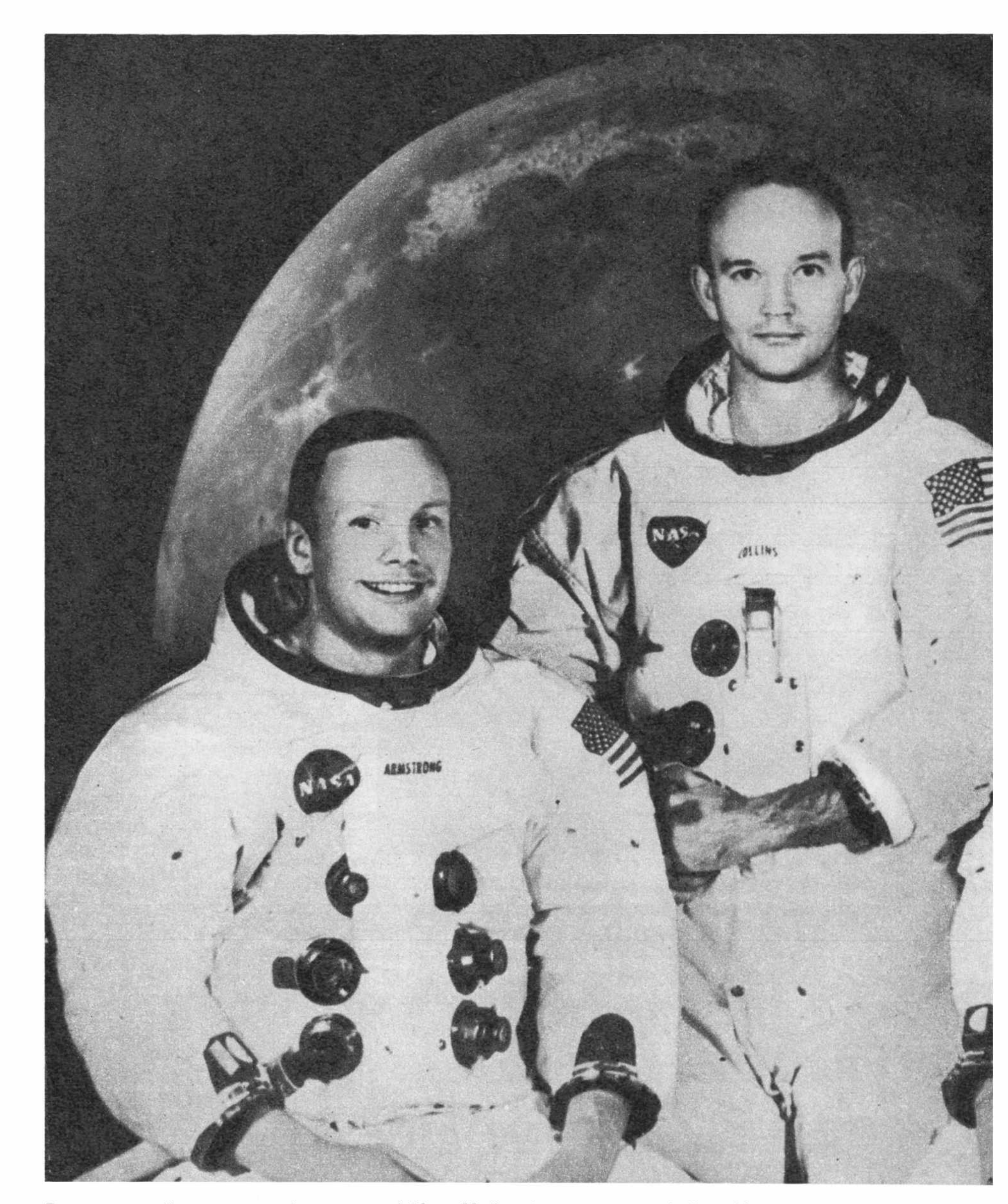
Имеется только один путь ликвидации последствий агрессии Израиля — вывод войск оккупантов со всех захваченных арабских территорий. Именно этого требует резолюция Совета Безопасности от 22 ноября 1967 года. Советский Союз предпринял важные усилия, чтобы в рамках переговоров четырех держав — постоянных членов Совета Безопасности ООН подготовить почву для выполнения этой резолюции на деле. Ни для кого не является секретом, что прозрению Тель-Авива могли бы не в малой степени способствовать другие великие державы. «При таком положении на правительстве Соединенных Штатов лежит большая ответственность, — подчеркивала английская газета «Файнэншл таймс». — Только оно одно могло бы оказать на израильское правительство достаточное давление и могло бы, если бы действительно захотело этого, заставить израильтян прислушаться к голосу разума».

Беспардонная агрессия Тель-Авива, опирающегося на поддержку мирового империализма и сионизма, вызывает осуждение всего прогрессивного человечества. Оно требует охладить пыл зарвавшихся авантюристов-игроков с судьбами народов и стран.

Дело мира и справедливости должно восторжествовать на Ближнем Востоке!

ЛУННАЯ ОДИССЕЯ „АПОЛЛОНА-11"

Кирилл ВЛАДИМИРОВ



Героический экипаж «Аполлона-11» — Нейл Армстронг, Майкл Коллинз и Эдвин Олдрин.

Закончился полет американского космического корабля «Аполлон-11». Сложная лунная одиссея завершилась триумфом.

Как же протекал этот важный в истории космонавтики полет? Кто эти люди, которые стали героями, прославив свою страну, науку и разум человека? Экипаж корабля «Аполлон-11» состоял из опытных космонавтов, которые отправлялись в путешествие не в первый раз: все они совершали уже полеты на космических кораблях-спутниках «Джемини». Командиром корабля был назначен Нейл Армстронг, авиационный инженер, опытный летчик-испытатель, обладающий великолепной реакцией и самообладанием, не раз проверенными в различных, иногда даже критических условиях, таких, как во время аварии с тренажером лунного модуля и в аварийном полете корабля «Джемини». Пилотом лунного модуля был Эдвин Олдрин, доктор наук по астронавтике, специалист по стыковке в космосе. Его знания в этой области нашли, естественно, практическое применение в полете корабля «Аполлон-11».

Третий член экипажа — пилот основного блока — это Майкл Коллинз, опытный летчик и мужественный человек, который после операции позвоночника вернулся в отряд космонавтов и добился того, что его включили для полета на корабле «Аполлон-11».

Этот экипаж 16 июля стартовал с полигона на мысе Кеннеди. Ракета-носитель «Сатурн-5» вывела корабль «Аполлон-11» на промежуточную, близкую к круговой, геоцентрическую орбиту. Затем, включив повторно двигатели третьей ступени, корабль набрал необходимую скорость и начал полет к Луне.

После выхода на трассу было проведено перестроение отсеков корабля. Основной блок был отстыкован от лунной кабины, отведен на некоторое расстояние от нее, развернут на 180° и вновь состыкован с лунной кабиной, которая находилась в переходнике третьей ступени ракеты-носителя. После выполнения этого маневра третья ступень была отделена от корабля.

В течение трех суток полета к Луне космонавты провели одну коррекцию траектории вместо запланированных трех. Этого оказалось достаточно для пролета Луны на расчетном расстоянии. При подлете к Луне был включен маршевый двигатель основного блока, и в полночь 19 июля корабль «Аполлон-11» был выведен на начальную эллиптическую окололунную орбиту с максимальным удалением от Луны в апоселении — 315 километров и минимальным — в периселении — 112 километров. Космонавты проверили бортовые системы основного блока и лунной кабины. Для этого двое из них переходили в кабину. Вслед за этим корабль был переведен на орбиту, близкую к круговой, с высотой над поверхностью Луны около 112 километров.

Вскоре Нейл Армстронг и Эдвин Олдрин перешли в лунную кабину, а Майкл Коллинз остался в основном блоке. Затем космонавты произвели отделение лунной кабины от основного блока и перевели ее на эллиптическую орбиту с минимальной высотой над Луной — 15 километров.

Приближался важный этап путешествия. Подходя к периселению, космонавты при помощи двигателя посадочной ступени лунной кабины совершили сход с орбиты, маневр и горизонтальный полет лунной кабины над районом посадки с целью выбора удобного места. 20 июля в 23 часа 18 минут лунная кабина в расчетном районе Моря Спокойствия совершила посадку на свои четыре лапы.

Последующие несколько часов космонавты посвятили отдыху, принятию пищи, подготовке систем к взлету и выходу на Луну. И вот 21 июля наступил исторический момент: командир корабля Н. Армстронг коснулся ногой лунной поверхности. Вслед за ним вышел и Э. Олдрин. Космонавты произвели осмотр и фотографирование окружающей местности, собрали образцы лунного грунта, установили научные приборы — пассивный сейсмометр, регистратор возможных «лунотрясений», и отражатель лазерных лучей, одним из реальных применений которого станет определение дрейфа материков Земли. Приборы останутся на Луне и будут вести изучение ее после отлета космонавтов.

С помощью телепередачи миллионы зрителей могли следить за выходом космонавтов на Луну и их действиями. Космонавты побывали на поверхности нашего естественного спутника и вернулись в лунную кабину. После отдыха они стартовали во взлетной ступени, оставив посадочную как памятник первого пребывания человека на Луне.

Состыковавшись с основным блоком, в котором М. Коллинз все это время ждал своих товарищей, космонавты устремились в обратный путь к Земле.

Полет космического корабля «Аполлон-11» — большой успех космонавтики, очередной важный шаг в трудном деле освоения космоса. Основное достижение «Аполлона-11» — созда-

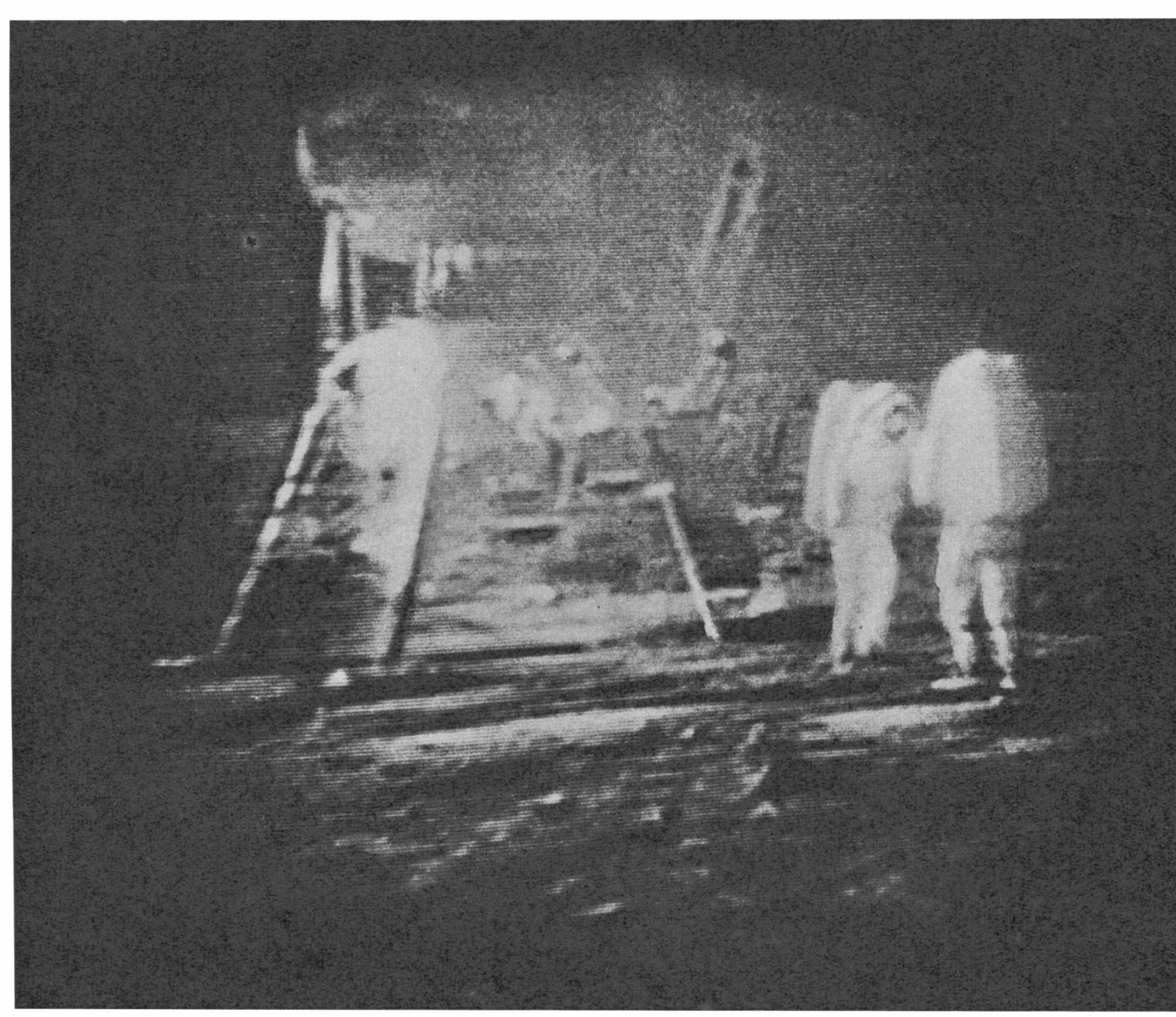


Фото ЮПИ и ТАСС.

Исторические шаги по Луне.

ние технических средств, при помощи которых стал возможен полет человека на Луну с возвращением на Землю. Полет имеет и научную ценность — это прежде всего доставка на Землю образцов лунного грунта. Непосредственное изучение лунного грунта, которое будет проведено в земных лабораториях, несомненно, расширит наши знания о структуре Луны, ее происхождении, даст материал для гипотез о строении солнечной системы в целом. Научные приборы, оставленные на Луне, продолжат ее изучение.

Работы по программе «Аполлон» велись в течение 10 лет, в ее осуществлении были заняты десятки тысяч фирм и организаций и сотни тысяч людей. Нужно было решить много научно-технических проблем, требующих постановки обширных экспериментов. Высокая надежность систем требовала тщательной наземной отработки отдельных агрегатов и комплекса в целом. Для этого была создана необходимая экспериментальная база. Проведение летно-конструкторских испытаний и штатных полетов потребовало постройки уникального стартового комплекса. Все это привело к миллиардным затратам, которые составили довольно заметную часть бюджета США.

Несомненно, что пилотируемый полет на Луну был подготовлен также всеми предыдущими достижениями космической науки и техники. Как известно, Советский Союз и Соединенные Штаты внесли основополагающий вклад в развитие космонавтики. Вот основные этапы ее развития: запуск первого спутника, первый полет человека на космическом аппарате, первый выход человека в космос, достижение второй космической скорости, первая мягкая посадка на Луну и выход аппарата на орбиту первого искусственного спутника Луны, облет Луны с возвращением на Землю пилотируемого и автоматического аппаратов, первая экспериментальная орбитальная станция.

Космические исследования в СССР и США развивались следующим образом.

Вслед за советскими «Спутником-1» и «Спутником-2» в США запустили «Эксплорер-1». Советский Союз послал в космос Ю. Гагарина и Г. Титова, США вслед отправили Д. Гленна. Кораблями «Восток» и «Меркурий» был проложен путь человека в космос. И в СССР и в США уделяли большое внимание полетам автоматических аппаратов к другим небесным телам и планетам. Советский Союз запускает к Луне аппараты типа «Луна», «Зонд», к Марсу и Венере — аппараты типа «Марс», «Венера», «Зонд»; США — аппараты «Рейнджер», «Сервейер», «Лунар орбитер» и «Маринер». Все это позволило получить ценную научную информацию о космическом пространстве, Луне и планетах, подтвердило перспективность исследований при помощи автоматических космических аппаратов.

Однако по мере того, как основные этапы были пройдены, наметились некоторые различия в подходах СССР и США к освоению космического пространства. Так, в США в последние годы основные усилия были направлены на программу пилотируемых полетов к Луне. Советский Союз продолжает акцентировать внимание на изучении Луны и окололунного пространства автоматическими аппаратами, как более дешевыми и надежными средствами для получения массовой информации. Они также требуют меньше времени для их создания и отработки и имеют другие важные преимущества: длительное время функционирования в космосе, работоспособность в широком диапазоне температур, давлений, радиации, перегрузок. Все это подтвердили полеты автоматических станций.

Наряду с программой исследований Луны с помощью автоматов в Советском Союзе ведется поэтапная отработка пилотируемых средств по программе «Зонд».

Значительное место в советской космической программе занимают пилотируемые полеты в околоземном космическом пространстве — создание многоцелевых орбитальных станций. Они позволят комплексно решать задачи изучения космического пространства и Земли. Такие науки, как астрономия, астрофизика, геофизика, геология, океанология, биология и метеорология, получат прекрасное средство для своего развития и совершенствования. Эти станции возможно использовать в народном хозяйстве — в рыболовстве, сельском и лесном деле, в поисках полезных ископаемых и т. д. Кроме того, орбитальные станции послужат надежным фундаментом для подготовки человека к дальним полетам, как лаборатории в космосе, в которых можно отрабатывать бортовые системы и будущие корабли, решать медико-биологические задачи.

Космос ставит все больше и больше проблем, и для их решения нужны самые разнообразные средства и подходы, которые все вместе позволят человеку выйти в околосолнечное пространство, а затем за пределы нашей Галактики. И каждая страна вносит свой вклад в дело прогресса, в дело изучения и познания Вселенной.

М. БАБИКОВ,
Герой Советского Союза

Мыс Крестовый

Перед нашими глазами — большой белый памятник. Два воина склонили головы над могилой павших. В постамент вмонтирована медная доска. На ней увековечены фамилии наших боевых товарищей — моряков-разведчиков, которые сложили здесь, на берегу Баренцова моря, головы в памятные дни осени сорок четвертого года.

Недешево нам достался бой на этом каменистом мысе осенью 1944 года, вон у тех по сей день сохранившихся бетонированных чаш, в которых тогда стояли вражеские батареи... За три дня до того боя вечером наш командир лейтенант Виктор Леонов и замполит лейтенант Иван Гузненков были вызваны в штаб Северного оборонительного района. Вызов в штаб — верный признак: предстоит операция. Не дожидаясь команды, мы принялись за подготовку. И точно: как только командир и замполит вернулись из штаба, дневальный обежал землянки и передал приказ собираться к выходу на боевое задание.

Проводить нас в поход пришел на причал член Военного совета флота вице-адмирал Николаев.

— Вы называетесь отрядом особого назначения,— сказал вице-адмирал.— Потому и задание вам поставлено особое. Сами понимаете, может, придется туго... Но разведчики не однажды выпутывались из тяжелейших положений. А потому командование и на этот раз надеется на вас. Вы будете не одни — фронт перешел в наступление.

Позже командующий Северным флотом адмирал Головко назвал эту операцию «вынесенной за скобки». Ее готовили в строжайшей тайне. Даже в штабе флота о ней знали не многие. Был посвящен в цель всего похода и наш командир. Но до поры он молчал...

А операция предстояла поистине невероятная: высадить десант — бригаду морской пехоты в глубине узкой, простреливаемой с обоих берегов Девкиной заводи прямо на причалы порта Лиинахамари. Для обеспечения этой операции нашему разведотряду особого назначения предстояло захватить батареи на мысе Крестовом.

По обыкновению мы вышли в море под покровом темноты. Позади остались причалы, у которых отстаивались наши катера, землянки, где мы прожили две зимы по соседству с катерниками.

Идем Варангер-фьордом. Стараемся проскочить к чужому берегу незамеченными. Моторы переключены на подводный выхлоп, сигнальные огни погашены, радиопереговоров никаких. Погода с нами заодно: метет пурга, снежные заряды укрывают катера от чужого глаза.

По левому борту, за перешейком, зарницами взлетают в небо огненные сполохи. Это эсминцы и бомбардировщики обрабатывают вражескую оборону на побережье Мотовского залива. Меж Пикшуевым и Могильным высадился и ведет бой еще один морской десант. Он отвлечет на себя внимание неприятеля.

Короткое время перехода пролетело незаметно. Вот мы у безмолвного, темного, чужого берега. С катеров выбросили трапы. Концы их чуть не достали до береговой кромки. Матросы-катерники первыми спрыгнули в воду и на руках удерживали сходню, чтоб помочь нам быстрей высадиться. Кое-кого окатило накатной волной, кто-то оступился на скользких камнях, загремел автоматом. Не без того. Ведь без малого две сотни десантников высадились на побережье. Два отряда: наш — штаба флота под командованием лейтенанта Виктора Леонова, и разведчики оборонительного района с Рыбачьего капитана Барченко-Емельянова. Этот отряд пошел обходной дорогой. Нам предстоит двигаться прямиком. Конечно, относительно. Разве можно по прямой преодолеть обрывистые сопки, болота, отвесные утесы, скалистые расщелины?

Встреча наших отрядов должна произойти у цели — у вражеских батарей мыса Крестового.

Запуржило еще сильнее. Все кругом бело. В маскхалате идти неудобно — заледенел, топорщится, мешает движению. Но ничего не поделаешь: скрытность — залог успеха разведчика.

За полночь небо к востоку от нас вдруг осветилось гигантским заревом. Следом донесся раскатистый гром артиллерии. Гранит охнул. Небо и земля загудели от разрывов тысяч снарядов и мин. Более двухсот орудий и минометов обрушили свой огонь на трехкилометровый участок прорыва вражеской обороны. Добавили свою порцию металла и корабли флота.

Наши ряды повеселели: немцам теперь не до нас...

Всю ночь шли без помех. Дорога незнакомая. В этих местах за всю войну мы еще ни разу не высаживались.

До рассвета прошли километров десять — это хорошо, в кромешной тьме, по такой дороге. Как рассвело — залегли, затаились в камнях. При свете идти опасно, можно запросто напороться на вражеских егерей.

Потеплело, заморосил дождь. Снег стал быстро таять. Кругом мокро, вязко, неуютно. Маскхалаты пришлось снять. На всякий случай засунули их в рюкзаки: вдруг еще понадобятся? Как только надвинулись сумерки (осенний день на севере совсем крохотный), мы снова двинулись в путь.

Груз на плечах как будто все прибавлялся и прибавлялся. Пятисуточный паек, полные диски с патронами, по десятку гранат, пачки патронов в рюкзаках, автоматы и пулеметы — все это навьючено на плечи, давит на спину, на поясницу. И тащить этот «сидор» шаг за шагом, переход за переходом. Тридцать километров, что прочерчены на карте по прямой, уже на исходе. Цель где-то близко. Но тут снова занимается день, и мы снова ждем, лежа без движения на мокрых и холодных камнях...

Наступила третья ночь. Отряд вплотную подошел к вражеским батареям на мысе Крестовом.

В кромешной темноте мы спустились с обрывистых утесов. В некоторых самых крутых местах ползли вниз по канату. Миновали лощину между сопками. Взобрались еще на один крутой, почти отвесный утес — его одолевали живой лестницей: один взбирался другому на плечи, цеплялся за какой-нибудь уступ, подтягивался, а потом, ухватившись за руку или за веревку, помогал подняться товарищу.

Наконец последний спуск. Одолеть его оказалось всего труднее. Канатов для всех не хватило. Один десантник, уцепившись руками за гранитный карниз, повисал над обрывом. Другой по его спине сползал вниз и, нащупав ногами опору, принимал товарища на руки.

До сих пор не понимаю, как ни один из нас не упал, не грохнул оружием о камни... Случись такое здесь, под самым носом у врага,— всем нам была бы крышка.

Но вот наконец мы наверху, на ровной каменистой площадке. Чуть слышно прошелестела команда: «Ложись! Не курить, не говорить, не кашлять!»

Лейтенант Леонов подозвал к себе командиров. Упрятавшись под плащ-палатками, фонариком мы посветили на карту. Пока все развивалось, как намечено. Распределили объекты, атаки. Взвод Никандрова принял влево. Наш взвод взял правее. Отряд Барченко-Емельянова, который тоже подоспел вовремя, остался на месте: ему предстоял захват береговой батареи.

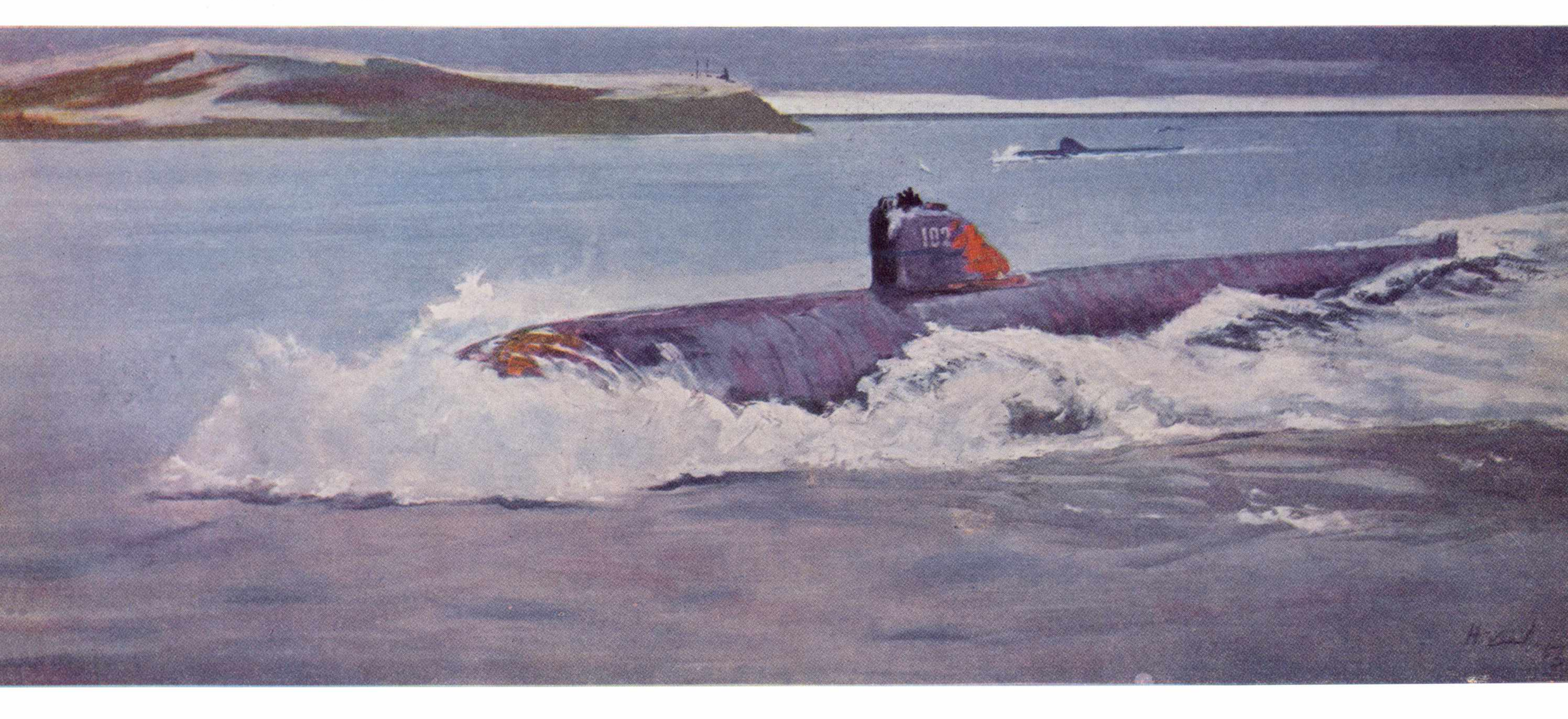
Мы прошли немного, может, сотню-две шагов. И вдруг напряженную тишину ночи разорвал резкий окрик часового. Вперед!.. Сразу все вокруг всполошилось, наполнилось беготней, криками, отрывистыми командами... Пронзительно задребезжали звонки громкого боя.

Треснул выстрел, другой, третий, затарахтели автоматные очереди. Умолк часовой, сраженный пулей...

И тут перед нами неожиданно встала стена проволочного заграждения. Навстречу, из-за проволоки, ударил пулемет. В небо взметнулись осветительные ракеты. В их ярком свете видно, как наши десантники замешкались перед проволокой, заметались из стороны в сторону. На проволоку полетели фуфайки, рюкзаки и палатки, и ребята, как по мосту, перебираются по ним. Наш длинноногий замполит Иван Гузненков быстрее всех перемахнул через препятствие. Ракеты, которыми немцы освещали нас, сослужили нам добрую службу: стало видно, что колючка держится на желез-

Н. Денисов. ПРАЗДНИК НА БАЗЕ.

ИЗ КРУГОСВЕТНОГО ПЛАВАНИЯ.



А. Широков. КЛЯНЕМСЯ!

Н. Присекин. БАЛТИЙСКИЕ АТЛАНТЫ.

ных треногах, которые свободно стоят на гранитной скале. Иван Лысенко поднял одну из треног: под проволокой образовались ворота, и мы один за другим поднырнули под нее. Иван ранен, упал на одно колено, но все еще старается удержать, пока не проскочат все.

Я добежал до края высокого обрыва. Внизу, на ровной большой площадке за каменными брустверами,— четыре орудия. Два повернули свои длинные хоботы в нашу сторону, возле них суетится прислуга. К остальным по ходам сообщений бегут немецкие солдаты.

Не успел я дать очередь из автомата, как ближнее орудие полыхнуло пламенем. За ним — другое. Снаряды рвутся рядом, выбивают щебень. Запахло гарью.

Ребята и я с ними кинулись в сторону, где склон положе. Я сел и, как на санях, мигом скатился вниз. Съехали и остальные. Ползком и перебежками мы обтекали пушки, охватывали их с двух сторон. Немцы бешено отстреливались. Но и мы не терялись: за брустверы полетели гранаты, ребята разбежались по каменистым траншеям, поливая длинными очередями. Кое-где сошлись вплотную, завязался рукопашный бой. Наконец немцы не выдержали, бросились бежать, мы настигали их, все ближе пробивались к орудиям...

Еще нажим — и орудия в наших руках. Есть батарея! Немцы катятся вниз по склону, бегут к заливу. Мы начали было преследование, но в темноте меж камней и кустарников вражеские зенитчики встретили нас плотным огнем. Пришлось укрыться за валунами. Завязалась перестрелка...

Рассветало. Все отчетливее просматривались окрестности, берег за заливом. Наступило короткое затишье.

Мы собрались у захваченных орудий. Командир спросил о потерях. Прошло очень немного времени с того момента, как мы кинулись на штурм, а потеряли уже шестерых. Убит командир нашего взвода Толя Баринов. Леонов приказал мне принять командование. Пал Иван Лысенко — он как стоял под обстрелом, подняв крестовину с проволокой, так и не бросил ее до конца. Немного не добрался до орудий Саша Манин, наш комсорг.

Погиб Володя Фаткин — удивительно красивый парень. Мимо Володи ни одна девушка не проходила равнодушно. А теперь лежит он на земле, как подстреленный сокол, широко раскинув руки...

Накрыло взрывом снаряда Павла Смирнова. Шестой убитый — наш отрядный фельдшер лейтенант Луппов.

Пока освоились с обстановкой, совсем рассвело. Хорошо виден Лиинахамари за заливом.

Опробовали захваченные пушки. Исправны. В целости дальномер и вся аппаратура. Снарядов полным-полно. С нами отправились в операцию несколько артиллеристов. Они быстро разобрались в устройстве орудий.

Зарядили одну пушку и выстрелили по Лиинахамари. Засекли взрыв возле бензобаков. После этого ударили беглым огнем через залив из всех орудий. Медные стаканы стреляных гильз со звоном откатываются по бетонному полу орудийного дворика. В порту у складов горючего, на причалах, еще в двух-трех местах поднялся густой дым. Пожары так разгорелись, что и на следующий день темные полосы дыма тянулись в сторону моря.

На том берегу гитлеровцы сообразили, что батарея на Крестовом потеряна... Вражеские батареи ударили по своей бывшей позиции.

От противоположного берега отвалили несколько катеров и шлюпок: на помощь гитлеровцам шло подкрепление. Леонов снарядил группу разведчиков и отправил их к берегу.

— Не сможете повернуть их обратно — расстреляйте на подходе к берегу, при высадке,— напутствовал командир.

Стараясь поддержать своих десантников, немцы усилили огонь артиллерии. В двух местах разведчики пробились к береговой полосе и отогнали катер и шлюпку назад. Но часть немецких десантников все-таки достигла берега и высадилась.

Под прикрытием артиллерийского огня немцы подползли на близкое расстояние и из-за укрытий обрушили на нас огонь автоматов и пулеметов.

На открытом месте держаться стало невозможно. Леонов приказал вынуть замки из орудий, отойти на гребень высоты и там занять оборону.

1944 год. На вражеской батарее, только что захваченной десантниками. На первом плане — командир отряда В. Н. Леонов, справа — М. А. Бабиков.

Минут через двадцать—тридцать добрались до гребня. Немецкие пушки здесь нас не доставали.

С левого фланга передали, что вражеские солдаты пытаются пересечь гребень и зайти нам в тыл.

Леонов приказал мне перехватить врага.

Мы успели вовремя. Подпустили немцев поближе, ударили из автоматов. Егеря побежали вниз...

Леонов по радио запросил у командования флотом поддержку.

Шестерка «ильюшиных» отбомбила и обстреляла снарядами подножие высоты, у которой укрылись гитлеровцы. Следом появилась другая, снова проутюжила немецкие позиции.

За штурмовиками подошли транспортные самолеты, сбросили на парашютах боеприпасы и продовольствие. На душе стало веселей. Быстро зарядили опустевшие диски автоматов, обвешались гранатами.

Теперь можно вновь подниматься в атаку. Стреляя перед собой длинными очередями, забрасывая врага гранатами, отряд рывком скатился к пушкам и снова захватил их. Немцы не удержались, отошли к заливу. Под покровом темноты десантники из отряда Барченко-Емельянова подползли вплотную к тяжелой береговой батарее врага, поднялись в атаку и коротким броском захватили ее. Теперь все орудия Крестового оказались в руках десантников.

Остатки вражеского гарнизона начали сдаваться в плен. Пленные рассказали, что их командир Вахнер убит еще во вчерашнем утреннем бою.

Около полудня из освобожденного морской пехотой Лиинахамари на Крестовый прибыл командующий флотом адмирал Головко. Обошел место боя, позиции захваченных батарей. Поблагодарил нас.

— Молодцы, хорошо справились с делом, чистая работа. Всех надо примерно наградить. Этот подвиг не одного, не многих, это подвиг всех, всего вашего отряда.

Мы похоронили погибших товарищей. На их могиле воздвигли пирамиду из камней, низ обложили дерном. Потом дали залп из автоматов — последняя воинская почесть боевым друзьям.

Тут, на этой могиле, теперь и стоит памятник, о котором я уже говорил. К нему-то мы, оставшиеся в живых десантники из разведотряда особого назначения, и пришли двадцать лет спустя теплым июльским днем. Поклонились земным поклоном тем, кто остался тут навсегда...

Давно нет на Крестовом тех пушек, за которые когда-то дрался наш отряд, срыты старые укрепления. Время стерло следы схватки. Но оно бессильно против памяти, которая живет в наших сердцах.

Мы ходили по местам, на всю жизнь оставившим след в сердце. И каждый насыпал в мешочки этой земли, вместе с позеленевшими пулями и ржавыми осколками, которые и сейчас тут не редкость.

Справа — участник десанта на мысе Крестовом С. П. Воронин. Слева — его сын, молодой матрос Александр Воронин.

Посланники вечнос

В большом кабинете за рабочим столом стоит Ленин. Здесь же Сталин, Луначарский, Дзержинский, Свердлов, Бонч-Бруевич.

— Вы уверены, Анатолий Васильевич, что этот ваш полковник действительно печется об Эрмитаже? — спрашивает Ленин.

— Уверен, Владимир Ильич! Я с ним долго беседовал... Он полковник по своей должности во дворце, но не военный. Это человек большой культуры и никак не агент Временного правительства!

— Допустим,— тепло улыбнувшись Луначарскому, произнес Ленин.— Но, разумеется, вы не сказали ему о том, что мы отдали приказ не вести бой в стенах Зимнего?

— Конечно. Я больше слушал, что говорил он.

— Что вы еще знаете о Татиеве, Анатолий Васильевич?

— Князь Татиев, заместитель начальника дворцового управления, хранитель Эрмитажа.

— Заместитель начальника управления дворца, осажденного большевиками, и пришел уговаривать большевиков не штурмовать Зимний! — глядя на присутствующих, говорит Ленин.— Как это вам нравится?

— Князь Татиев,— продолжает Луначарский,— в свое время окончил Парижскую Академию искусств.

— Пожалуй, надо поговорить с этим князем, Владимир Ильич! — говорит Сталин.— Если он действительно заботится о спасении Эрмитажа, его можно использовать для разложения тех защитников Зимнего, на которых он может оказать влияние... А если он пришел с иными целями, он так и уйдет.

— Ну что ж, давайте поговорим! Пригласите его!

Секретарь Ленина выходит из кабинета и направляется к Татиеву, стоящему в коридоре под охраной Никитина и двух солдат.

— Господин полковник, прошу вас!

Татиев идет к двери. У самых дверей один из красногвардейцев останавливает его, тщательно обыскивает и открывает дверь кабинета Ленина.

Татиев входит, останавливается у самых дверей.

— Здравствуйте, господа!

— Здравствуйте, господин полковник! — говорит Ленин.— Но простите, у меня нет возможности долго беседовать с вами. Потому прошу вас быть предельно кратким.

— Господин Ленин,—начинает Татиев,— сегодня может произойти непоправимая ошибка...

— Я вас слушаю,— нетерпеливо говорит Ленин.

— Зимний дворец окружен большевиками... А защитники Зимнего решили стоять насмерть!

— Нам все это известно, господин полковник! С чем вы пришли к нам? — В голосе Ленина слышится раздражение.

— Я, правда, не военный, но хорошо понимаю, что правительство господина Керенского обречено. Не сегодня, так завтра-послезавтра они вынуждены будут пойти с вами на переговоры.

Ленин перебивает Татиева:

— А мы не пойдем ни на какие переговоры! Никаких завтра, никаких послезавтра, господин полковник! Только сегодня! Сегодня, господин Татиев, сегодня штурмом будет взят Зимний дворец!

— Бои за Зимний приведут к уничтожению неповторимых произведений мирового искусства! — говорит Татиев.

— Господин полковник,— Ленин смотрит на Татиева.— Зимний дворец сегодня, именно с е г о д н я, а не завтра будет взят с боем. Вы это понимаете?

— Понимаю, господин Ленин...

— Временное правительство, укрывшееся в Зимнем, никакой власти над Россией уже не имеет! Но для мировой реакции они сегодня еще правительство России. Мы не пойдем с ними ни на какие переговоры. Мы знаем, что Керенский и его министры пускаются на всякие хитрости, чтобы оттянуть падение Зимнего хотя бы на два дня. За это время они рассчитывают подтянуть к Петрограду верные им военные части. Нам это известно! Они хотят выпустить кровь питерскому пролетариату. Но этого мы не допустим, господин Татиев! Зимний будет взят сегодня! Сегодня! А не завтра и не послезавтра. Можете сообщить об этом кому хотите, без исключения!

— Господин Ленин, я не политик. Я искусствовед! Поверьте мне, что...— Он хочет еще что-то сказать, но умолкает.

— Никакого искусства без политики не бывает и не может быть, уважаемый господин искусствовед! Это — заблуждение. Нет, это обман! Настоящий обман! Обман — тоже политика!

— Господин Ленин, в Зимнем погибнет многое из того, чем в веках гордилась, не только Россия, но и все цивилизованное человечество!

— Вы хотите сказать, господин искусствовед,— Ленин слегка наклоняется к Татиеву,— что вы лучше нас, большевиков, знаете цену мировому искусству и вечной красоте? Что вы больше нас любите Россию и больше нас заботитесь о сохранении ее национальных богатств? Вы убеждены, что все дворцы и музеи государства нами, большевиками, после нашей победы будут разгромлены, расхищены, а картины растасканы по закопченным избам и хатам мужицкой России?

— Нет, господин Ленин! Я этого не хочу сказать.

— Тогда почему вы пришли к нам — большевикам, и агитируете нас не наступать на Зимний дворец, чтобы сохранить Эрмитаж, а не уговариваете своих единомышленников не оборонять Зимний? Не защищать продажное правительство Керенского? Не стрелять по рабочим Петрограда? Почему вы не уговариваете своих, а пришли уговаривать нас, большевиков? Мы на эту удочку не пойдем, князь!

— Господин Ленин...— В голосе Татиева звучит отчаяние.

— Князь, к сожалению, у меня нет времени долго беседовать с вами. Сегодня мы совершаем пролетарскую революцию! Самую радикальную революцию, чтобы каленым железом выжечь в стране несправедливость, бескультурье, невежество! История простит нам возможные ошибки. Уверяю вас, простит! Да, мы фанатики нашей революции! Называйте нас, как хотите. Мы на этой стороне баррикад, а вы — на той! Возвращайтесь к себе, в свой лагерь. С нами вам не по пути, господин искусствовед! Не по пути! До свидания. Простите, у меня нет времени.— Ленин склоняется над бумагами, лежащими на столе.

— До свидания, господа! — Растерянный Татиев быстро выходит из кабинета.

Ленин, чуть заметно улыбаясь, смотрит на крайне смущенного Луначарского.

— Анатолий Васильевич, я, наверное, немного испортил вам настроение. Но ничего! Сегодня мы с вами на фронте! А когда стреляют, люди иногда забывают о вежливости. Завтра мы с вами уже спокойнее будем беседовать о делах культуры и просвещения,— и, прищурившись, продолжает: — А этот князь... ей-богу, мне нравится! А?..

Сталин, улыбнувшись, поворачивается к Бонч-Бруевичу:

— Владимир Дмитриевич, надо бы этого честного князя доставить обратно в Зимний в целости и невредимости, чтобы по дороге его кто-нибудь не пристукнул...

Бонч-Бруевич выходит из кабинета.

— Товарищи! Под страхом предания революционному трибуналу,— напоминает Ленин,— запретить преследовать в галереях Эрмитажа отступающего врага! Не стрелять в залах музея!

— Все, кто сегодня будет штурмовать Зимний,— отвечает Дзержинский,— об этом уже знают, Владимир Ильич!

— Но, к сожалению, никто пока Зимний не штурмует! — раздраженно говорит Ленин.

— Есть сложности, Владимир Ильич...— осторожно замечает Свердлов.

— Никаких сложностей, Яков Михайлович! На нашей стороне весь Балтийский флот! Весь вооруженный рабочий Питер! Все честные солдаты и офицеры! А кто у Керенского? Кучка желторотых юнкеров, несколько сот казаков и вооруженные «ударницы»! Это, по-вашему, «сложности»? От этих, придуманных нами же «сложностей» сегодня может погибнуть революция! Когда некоторые товарищи стремятся без всяких жертв произвести социальный переворот, они, наверно, не думают о том, вер-

---

Из одноименного сценария. Полностью печатается в журнале «Октябрь».

Георгий **МДИВАНИ**

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА

ТИ

нее, не понимают того, что завтра к Питеру на помощь Керенскому и его прихвостням придут десятки полков и зальют кровью весь Петроград! Они без всякой жалости будут расстреливать большевиков! Рабочих! Матросов! Всех революционеров, не интересуясь, к какой фракции они принадлежат. Власть надо захватить немедленно, а не ждать, пока ее подадут на подносе, в белых перчатках. Интеллигентское слюнтяйство — это самая страшная болезнь для революционеров!

По темному Невскому в окружении вооруженных матросов и солдат идет Татиев. Впереди с наганом в руке шагает Никитин. Наверно, так могут вести только на расстрел крупного преступника.

Вдалеке слышны ружейные залпы и перестрелка...

Небольшим группам солдат, матросов, красногвардейцев, попадающимся навстречу конвою Татиева, Никитин громко приказывает:

— В сторону! Сойти с дороги!

Люди жмутся к стенам домов, к оградам и удивленно глядят на Татиева. Кто-то громко замечает:

— Видать, большая птица попалась... Сволочь!

Убитый горем Татиев идет молча. Он держит в руках свою фуражку. Ветер треплет его седые волосы.

Никитин поворачивается, видит непокрытую голову Татиева и приказывает:

— Господин полковник! Надеть фуражку!

И Татиев беспрекословно выполняет приказ матроса.

* * *

Ленин, очень уставший, стоит у рабочего стола и держит в руках бумагу, молча просматривая ее. Это проект приказа о назначении директора музея Эрмитажа.

— Так,— тихо говорит он.— Значит, первый директор первого музея революционной России! А кто такой Гельбах?

— Это крупнейший ученый, Владимир Ильич! — отвечает Луначарский.— Искусствовед, академик! Его знает вся Европа!

— А вы уже разговаривали с ним? Пойдет ли он к нам работать?

— Гельбах сейчас в Париже, но я уверен, когда он узнает, что власть Советов назначила его директором Эрмитажа, то непременно вернется.

Усталые глаза Ленина оживляются.

— Гельбахов, которые за границей,— говорит он,— не надо, Анатолий Васильевич! Не надо! Почему-то некоторые у нас считают, что интеллигенция должна быть менее сознательной, чем рабочие и крестьяне, совершившие пролетарскую революцию. Что интеллигента обязательно надо убеждать в том, что свобода и равенство лучше, чем самодержавие, что интеллигента надо упрашивать, чтобы он, видите ли, не сердился на свой народ и не обижался на революцию!

— Да, с интеллигенцией почти всегда некоторые сложности,— смущенно замечает Луначарский.

— Опять «сложности»! — вырывается у Ленина.— Мы из-за границы приглашать никого не будем! Господа интеллигенты пусть сами догадываются, что нужно вернуться на родину и работать со своим народом, а не скитаться по миру и жаловаться на свою горькую судьбу! Интеллигенты, которые считают себя свободными от обязательств по отношению к обществу, пусть подумают о том, как им дальше жить... Люди, независимые от истории,— фантазия! Есть интеллигенты, любящие пококетничать даже с народом: «Смотрите, мол, какой я смелый! Хочу — работаю, хочу — не работаю!

Хочу — ругаю, хочу — хвалю! Захочу — покину родину, захочу — вернусь!» Но они забывают об одном: пролетариат не любит либеральничать! Пролетариат твердо хочет знать, кто с ним и кто против него в этой горячей битве! Анатолий Васильевич, дорогой мой, история — мамаша суровая... Об этом тоже забывают некоторые интеллигенты.— Ленин, помолчав, спрашивает: — А все же кого директором Эрмитажа?

— Найдем, Владимир Ильич!

— А где этот князь... из Зимнего? — Ленин вопросительно глядит на Луначарского.

— Татиев?

— Да-да, помните, как он убеждал нас в том, что штурмовать Зимний с оружием в руках — это безумие! Что это — преступление перед историей! Где он?

— Наверное, попал в тюрьму, как и все высшие чины, которые в те дни находились в Зимнем...

Ленин звонит. Входит секретарь.

— Дайте распоряжение разыскать князя Татиева, бывшего хранителя Эрмитажа!

Секретарь уходит.

— Ничего, Анатолий Васильевич! Не огорчайтесь насчет гельбахов! Придет время, и они увидят, что такое Советская власть! И мы одного за другим перетянем их на свою сторону — всех русских и европейских Архимедов и Рембрандтов! Тогда мир хочет не хочет, а перевернется!

По длинному коридору Смольного, где сейчас уже не так много людей, как в дни штурма Зимнего, сопровождаемый человеком в кожанке, идет Татиев, в военной форме, но без погон. Он заметно похудел за эти дни. Глаза его глубоко запали.

Навстречу им и за ними идут матросы, солдаты...

Чувствуется деловая обстановка Смольного первых дней после Октября. Слышен стук пишущих машинок. Шаги быстро идущих людей....

У кабинета Ленина стоят два вооруженных красногвардейца.

Человек в кожанке протягивает пропуск.

Красногвардеец открывает дверь кабинета и обращается к Татиеву:

— Прошу вас!

В кабинете Ленин и Луначарский.

Татиев входит и, прикрыв за собой дверь, останавливается посреди кабинета.

— Здравствуйте, господа!

— Здравствуйте, Дмитрий Петрович! — Ленин поднимается из-за стола и идет навстречу Татиеву. Они жмут друг другу руки.

Ленин дружески берет Татиева за плечи обеими руками и, заботливо заглянув в его осунувшееся лицо, говорит:

— Вы очень похудели за эти несколько дней.

— Ничего, господин Ленин,— спокойно отвечает Татиев.

— Я говорил вам, что у нас возможны и ошибки... Не обижайтесь на нас, Дмитрий Петрович!

— Что вы? На вас? За что?

И Ленин, продолжая смотреть Татиеву в глаза, говорит:

— Простите, Дмитрий Петрович, что я так резко с вами обошелся тогда перед штурмом. Но,— он разводит руками,— сами понимаете, была война! А вы пришли оттуда. И, как говорится, чем черт не шутит!

— Спасибо за откровенность, господин Ленин.— Татиев слегка кланяется.

— Вы, наверно, догадываетесь, по какому поводу мы с товарищем Луначарским пригласили вас? — спрашивает Ленин.

— Кажется, да. В дни анархии, на случай пожара или... грабежа все, что было возможно, мною спрятано в тайники запасника Эрмитажа. Как вы знаете, тайники огромны! И, конечно, я понимаю, что новым людям без моей помощи трудно будет сразу разобраться... Для этого понадобились бы годы!.. С вашего позволения, я с радостью помогу!

— Дмитрий Петрович.— Ленин внимательно смотрит на Татиева.— Мы просим вас принять на себя обязанности директора Эрмитажа! Первого музея первого в мире рабоче-крестьянского государства!

Ошеломленный таким неожиданным для него поворотом событий, Татиев молчит. Больших усилий ему стоит скрыть охватившее его волнение...

— Вы согласны? — спрашивает Ленин.

— Спасибо,— тихо произносит Татиев срывающимся голосом.

Он не может больше сказать ни слова, по его лицу катятся слезы... Ленин, чтобы не смущать Татиева, делает вид, что не замечает его слез, и поворачивается к Луначарскому:

— Анатолий Васильевич, по-моему, надо декретом правительства присоединить к Эрмитажу весь Зимний дворец!

И когда Ленин почувствовал, что прошло достаточно времени для того, чтобы Татиев овладел собой, он спрашивает:

— Что вы по этому поводу скажете, Дмитрий Петрович?

— Да, это будет правильно,— уже окрепшим голосом отвечает Татиев.— Зимний дворец — тоже музей! Можно будет расширить экспозицию Эрмитажа. Огромное количество картин хранится в запасниках... Их негде экспонировать!

Как обычно прищурившись, Ленин улыбнулся:

— Только, товарищ Татиев, не в «дни анархии», как вы изволили сейчас выразиться, а в дни великой революции! Пролетарской революции!

— Понимаю,— смущенно отвечает Татиев.

— Всем штурмующим Зимний,— говорит Ленин,— был дан приказ охранять Эрмитаж! И после взятия Зимнего наши люди обыскивали всех без исключения подозрительных лиц.

— Я это знаю. Сам видел! — говорит Татиев.

— И Эрмитаж не пострадал,— продолжа-

РЕЙС ДРУ

Марина ЧЕЧНЕВА, Герой Советского Союза

Мы едем во Вьетнам. Собственно говоря, не едем, а плывем на теплоходе, в трюме которого 120 тонн особого груза — подарки советских женщин своим вьетнамским сестрам. Мы — это делегация Комитета советских женщин. Нас четверо.

Теплоход «Лазарев», на котором нам предстоит пройти 2 560 миль от Владивостока до Хайфона, только что прибыл из Вьетнама. И едва лишь на нем просушили трюмы, как снова началась погрузка. Портовики работали без отдыха и подготовили судно к отправке в путь за два дня вместо четырех. В трюмах «Лазарева» на мешках, тюках и ящиках надписи: «Союзу женщин Вьетнама от советских женщин». Мы везли муку, сгущенное молоко, сахар, ткани, школьные принадлежности. Здесь подарки от женщин Украины — их представляет в нашей делегации Любовь Черникова, секретарь Макеевского горкома КПСС. Работницы Маргиланского шелкового комбината в Узбекистане выработали тысячи метров тканей для Вьетнама. В составе делегации — мотальщица этого комбината, депутат Верховного Совета СССР Мунисхон Тешабаева. Саратовские женщины послали во Вьетнам Нину Шестакову, главного инженера завода приемно-усилительных ламп. В Саратове женщины на свои сбережения купили медикаменты, ткани, изготовили 700 швейных изделий и отправили это вьетнамским подругам. Со всех концов страны поступали для Вьетнама подарки...

* * *

В хайфонский порт мы входили ранним утром.

Нас встречали цветами и улыбками. Прямо на корабле состоялся митинг. Капитан теплохода В. В. Олькин, который уже второй год водит «Лазарев» к вьетнамским берегам, сказал, что экипаж теплохода горд тем заданием, которое они выполняли,— дар советских женщин доставлен на героическую землю Вьетнама.

Мы рассказали о солидарности советского народа с борьбой Вьетнама. Женщины Советского Союза, заявили мы, решительно осуждают агрессию американского империализма против мужественного народа, выступают за то, чтобы вьетнамцы сами решали свою судьбу.

От имени вьетнамских женщин депутат Национального собрания ДРВ, член постоянного комитета Союза женщин Вьетнама Фан Тхи Ан сердечно поблагодарила членов делегации и экипаж теплохода за доставленные подарки. «В борьбе против американской агрессии, защищая свободу и независимость своей родины, мы всегда ощущаем большую поддержку и помощь Коммунистической партии Советского Союза, советского правительства, советского народа, советских сестер. И это глубоко запечатлено в сознании каждого вьетнамца»,— сказала она.

* * *

В Ханое нас пригласили в гости руководительницы Союза женщин Вьетнама. Крепкие объятия, поцелуи — мы встретились, как близкие подруги. Радушны лица наших хозяек, приветлива их мелодичная речь, у всех нас радостное настроение. Но мы знаем, что президент Союза Нгуен Тхи Хап — женщина с большой и сложной судьбой. Ее родина — Южный Вьетнам. Она ушла оттуда после заключения Женевских соглашений на Север, где свободный народ начинал строить социализм. Председатель комитета женщин Ханоя, маленькая, хрупкая Нгуен Кхоа Зьеу Хонг в прошлом возглавляла борьбу женщин в своей провинции против французских колонизаторов. За спиной каждой из вьетнамских подруг, с которыми мы встречались, были тяжелые годы войны, Сопротивления, пережитое за время американской агрессии, гибель близких, проводы на фронт мужей и сыновей, упорный труд во имя победы.

Мы убедились в этом еще раз во время поездки в общину Фу Тхеонг.

В один из дней воздушной войны американских империалистов против ДРВ это селение было уничтожено полностью. Преступление было совершено средь бела дня. Самолеты США несколько раз обрушивали свой смертоносный груз на жителей Фу Тхеонга. Здесь были уничтожены 42 жилых дома, разрушена католическая церковь...

27-летняя Ле Тхи Хьеонг вспоминает тот ужасный день. Она вернулась домой после работы в поле и узнала, что погибла вся ее семья — отец и мать, сестра, ребенок, ее первенец. Муж Ле Тхи Хьеонг в это время был на фронте. Он поклялся отомстить врагу.

Много горя выпало на долю Фу Тхеонг. Но следов разрушений почти не осталось. Село восстановлено. На помощь жителям Фу Тхеонг пришли люди, живущие по соседству, за неделю построили новые дома и помещение для детского сада.

* * *

Намдинь, третий по величине город ДРВ,— центр текстильной про-

ЖБЫ

мышленности. Ее основа — крупнейший в стране текстильный комбинат. До войны на нем работало двадцать тысяч человек. Сейчас ряд цехов эвакуирован и рассредоточен, в городе осталась только часть производства. Работа продолжалась здесь и в тяжелых условиях бомбардировок под лозунгом: «В одной руке — винтовка, в другой — челнок».

Основная часть из тех, кто трудится на комбинате,— женщины. Они заменили мужчин, которые ушли в армию. И как заменили: четыре Героя труда — и все женщины!

Мы посетили район, прилегающий к комбинату, где стоят сплошные руины. На территории комбината тоже большие разрушения — цеха без крыш, остатки больницы. Трудно передать словами то тягостное впечатление, которое оставляют эти следы варварства. Начальник цеха Чан Тхи Куп говорит нам, что при той помощи, которую оказывает Советский Союз Вьетнаму, через два года здесь все будет восстановлено. А ее подруга Героиня труда Нгуен Тхи Тхак добавляет:

— Приезжайте снова, и вы увидите, что здесь стало еще лучше, чем раньше!

* * *

Сегодня у нас была встреча в представительстве Национального фронта борьбы за освобождение Южного Вьетнама в Ханое. Друзья рассказывают нам об успехах патриотических сил в боях с интервентами и марионетками, о подъеме освободительного движения в городах, в котором принимают участие студенты, рабочие, представители интеллигенции, священники, патриотически настроенная буржуазия.

Мы познакомились с двумя девушками-партизанками. Вот рассказ об одной из них, Нгуен Тхи Кьен. Ей 21 год. В партизанском движении она стала участвовать с 13 лет. Ее семья, которая была связана с подпольем, помогала доставлять тайком продукты патриотам. А Нгуен Тхи Кьен стала участвовать в сражениях.

Однажды партизаны вступили в бой с американскими солдатами, которые превосходили их по численности. Вьетнамцам удалось подорвать два транспортера, уничтожить часть врагов. Но силы были все-таки неравны, и пришлось отступить. Нгуен Тхи Кьен была ранена и не могла идти быстро. Тогда она отдала товарищам оружие и попросила оставить ее одну. Она хотела выдать себя за простую крестьянку, случайно раненную американской пулей. Сначала враги ей поверили, но потом двое из местных марионеточных властей решили устроить ей проверку. Девушка оказалась в руках изуверов. Они бросили Нгуен Тхи Кьен в тюрьму, били, пытали, добиваясь, чтобы она рассказала все, что знает о партизанах. Ей отрезали ногу, а потом стали обещать, что сделают протез, если она заговорит. Но Нгуен Тхи Кьен молчала. Она решила скорее умереть, чем предать друзей. Партизанам удалось спасти юную героиню. Сейчас она лечится здесь, в Ханое. У нас стояли слезы на глазах, когда мы слушали ее рассказ...

* * *

Женщинам в Демократической Республике Вьетнам принадлежит большая роль во всех областях жизни. Они трудятся в полях и на предприятиях, учат детей, участвуют в защите родины. Широко развернулось среди женщин движение «трех обязанностей». Женщины ДРВ обещали заменить ушедших в армию мужчин, воспитывать детей в духе преданности родине и воодушевлять своих мужей в борьбе, в случае необходимости участвовать в сражениях и ухаживать за ранеными. И они с честью выполняют эти обязанности.

Есть в ДРВ общество матерей-бойцов, в которое входят женщины от пятидесятилетнего возраста. Можно много рассказать о героических поступках членов этого общества. Нам рассказали, как пожилая Нгуен Тхи Суат под огнем трижды в день переправлялась через реку, чтобы доставить продовольствие бойцам. Жительница Ханоя по имени Лоан, когда погиб ее сын, привела на батарею другого и попросила бойцов взять его на место погибшего, чтобы тот отомстил врагу.

* * *

Справедливая борьба за свободу и независимость, которую ведет вьетнамский народ, находит горячий отклик в сердцах советских людей. Кому, как не нам, понять народ Вьетнама. За полувековую историю строительства нового общества нам не раз приходилось отстаивать свои завоевания с оружием в руках.

Мы знаем, что такое война, и поэтому так горячо желаем победы вьетнамскому народу, мира каждому дому во Вьетнаме.

Мы были восхищены мужеством вьетнамского народа. Оно поистине беспредельно и неиссякаемо, потому что борьба за свободу и независимость священна.

На всем нашем пути мы постоянно ощущали горячее чувство дружбы, связывающее наши страны.

Победы тебе, Вьетнам!

Ханой — Москва

УДАР ЗА УДАРОМ

На днях американское командование в Южном Вьетнаме сообщило, что отряд американских войск попал в засаду и понес потери в ходе боя всего лишь в 10 милях от Сайгона.

Из Южного Вьетнама поступили сведения, что тяжелые бомбардировщики «Б-52» ожесточенно бомбят священную гору «Черной богоматери», которая находится в 55 милях от южновьетнамской столицы. На вершине этой горы укрылась окруженная патриотами группа американских и марионеточных солдат.

Силы освобождения нанесли удары по интервентам в Хюэ и Далате. Идут бои в провинции Тайнинь, близ камбоджийской границы.

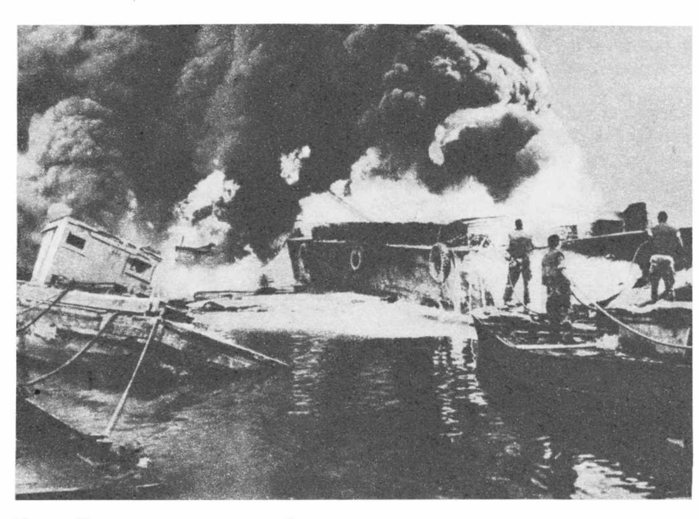
На десятках фронтов, больших и малых, сражаются патриотические силы Южного Вьетнама против американских захватчиков. Вся территория Южного Вьетнама — фронт боев за освобождение родины.

Агрессоры отвечают усилением расправ с мирными жителями. В районе Баланган провинции Куангнгай они загнали в концлагерь 11 тысяч людей. В Северном Куангнаме с ноября 1968 года по июнь 1969 года они сровняли с землей 258 селений из 486. В провинциях Митхо и Бенче на нескольких тысячах гектаров были уничтожены посевы и фруктовые сады. Снова стало известно о применении ядохимикатов для уничтожения джунглей, о расстрелах и пытках, о зверских бомбардировках мирных деревень. Отчаяние и бессилие толкают агрессоров на новые преступления.

Но мощь ударов по интервентам не ослабевает. Недавно командование Народных вооруженных сил освобождения Южного Вьетнама сообщило об итогах боев за первую половину 1969 года. 330 тысяч солдат противника за это время было убито, ранено и захвачено в плен. Почти половину из них составляют солдаты США и их сателлитов. В течение шести месяцев южновьетнамские патриоты совершили атаки почти на все города, в которых укрываются агрессоры, нанесли удары по всем отборным частям войск США и других стран — соучастников интервенции. Атакам подверглись 100 штаб-квартир противника, 50 крупных аэродромов и тыловых баз, уничтожены крупные автоколонны на дорогах. Потери врага возросли.

Все ближе подходит к катастрофе попытка заокеанских стратегов военным путем выйти из тупика затеянной ими преступной войны.

А. СЕРБИН



Близ Дананга силы освобождения уничтожили танкер противника, груженный горючим.

Фото ЮПИ.

ет Ленин.— Почти не пострадал.— Он берет со стола пачку газет, поднимает ее и сердито бросает обратно на стол.— А вот вся мировая пресса вопит о том, что большевистские банды уничтожили Эрмитаж! Разграбили все дворцы, музеи, церкви, соборы! Кричат о том, что в большевистской России не осталось ни одного культурного учреждения! Что искусство погибло!

— Это обычная клевета газетчиков,— говорит Луначарский.

— Но, правда, есть и такие газетчики, которые выступили в нашу защиту! Например, замечательный американский журналист Джон Рид и еще несколько честных корреспондентов европейских газет. Мы убеждены, Дмитрий Петрович, что вы еще и не такую клевету на большевиков услышите! Еще долго будут клеветать на нас. А как же иначе?.. Ведь наше государство — первое на земле государство рабочих и крестьян, опрокинувших старый мир. Так?

— Очевидно, так,— говорит Татиев.

— Вот вы будете у нас первым директором Эрмитажа, Дмитрий Петрович! Мы широко раскроем двери музея для всех без исключения, чтобы музей стал школой для миллионов! Чтобы удивительные мастера искусства прошлого и настоящего не только восхищали взоры людей, но и воспитывали в них чувство прекрасного! Учили, как жить и как делать жизнь! В этом и сила искусства — служить народу!

Татиеву явно начинает нравиться Ленин, и он внимательно глядит ему в глаза.

А Ленин как-то очень душевно продолжает:

— Дайте Советской власти немного окрепнуть, Дмитрий Петрович! Что мы получили в наследство? Опустошенную преступной и долгой войной страну! В России нет ни хлеба, ни топлива! Вокруг разруха...

И нам будет очень трудно. Безумно трудно... Но мы одолеем все трудности, потому что у нас власть народа! Дайте нам немного окрепнуть, и вы, Дмитрий Петрович, будете свидетелем того, как к нам в Эрмитаж потекут толпы рабочих и крестьян, чтобы смотреть и наслаждаться творениями гениев искусства прошлого и настоящего! — Ленин улыбнулся: — Вот вы сейчас уйдете отсюда и в душе будете смеяться: «Ну и фантазер же этот Ленин! Искусство и политика!» А?..

— Я верю в будущее России, товарищ Ленин! — тихо говорит Татиев.

— Ну, желаю вам успеха, Дмитрий Петрович! — Ленин жмет руку Татиеву.

Елена КНОРРЕ

Открытие советских ученых названо «Светогидравлический эффект»

Атомный взрыв в стакане

Что случится, если луч света коснется воды?

Каждый сочтет себя способным ответить на этот вопрос. И напрасно. Кроме прелестных зайчиков, бликов и поэтических дорожек, могут произойти при этом такие невероятные и фантастические вещи, что даже очень сведущим людям подчас не предугадать их.

Миллиарды лет назад луч солнца, рассеянный плотными облаками, спеленавшими юную Землю, коснулся вод ее первозданного океана, и свершилось чудо. Зародилась жизнь. Мертвая природа соединилась в нечто способное к самовоспроизводству, к направленному развитию. Никто не может сказать, каким именно образом это произошло. Сколько миллионов попыток и неудач предшествовало этому, какие критические условия — давление, температуры, освещение — способствовали удаче. Природа не регистрировала факторов эксперимента в лабораторной тетради. Мы знаем только результат. И еще знаем, что совпадение столь счастливых для человечества сочетаний было событием, вероятность которого можно подсчитать.

А если так, значит, когда-нибудь мы сможем узнать и те самые затерявшиеся во мгле времен условия таинственного зарождения начала начал и воссоздать его уже не случайно, а по желанию человека. И, может, это «когда-нибудь» уже совсем рядом.

Во всяком случае, в руках природы были всего лишь обычные вода, свет. Обычный свет. Обычная вода.

Конечно, любой ученый, имеющий отношение к физике и химии, скажет, что и вода и свет — необычные и загадочные субстанции, что вода только и знает, что отклоняется от нормы или поступает вопреки правилам. И нагревается-то она трудно, труднее любого другого вещества на Земле, и с теплом расстается неохотно, и испаряется с большой затратой энергии, и при охлаждении не сжимается, как все, а расширяется, и еще целую кучу всяких загадок задает ученым.

Так же загадочен и непонятен свет, но это вторая сторона вопроса. Сейчас речь о том, что одна из загадок света обернулась огромным его достоинством. Люди использовали способность атомов под особым воздействием производить световые колебания и создали квантовые генераторы — лазеры. О них теперь знает любой школьник. Промышленные лазеры продаются в магазинах. Многие из москвичей обсуждают свои дела по телефонному лазерному лучу. Обычная вещь. И все-таки луч лазера — это всегда чудо, это луч света необычайной силы, потому что он «отборный», «особо чистый», что ли, какого никогда не знала и не могла использовать природа на Земле. Каждый раз он открывает перед исследователями какие-то новые захватывающие и непредвидимые возможности.

Итак, что случится, если не мягкий солнечный или лунный луч, слабенький световой посланец природы, а узкий, пронзительный, концентрированный, как удар молнии, лазерный луч коснется воды?

Именно этот отнюдь не умозрительный, как вы убедитесь, вопрос интересовал известного теоретика Г. А. Аскарьяна, лауреата Ленинской и Нобелевской премий, создателя первых лазеров академика А. М. Прохорова и физика-экспериментатора Г. П. Шипуло, когда они в один из хмурых зимних дней 1962 года направили лазерный луч в кювету с водой и сфокусировали невидимый «зайчик».

Случилось то, что вода взорвалась. Взорвалась как миниатюрная атомная бомба! Крохотные пузырьки воды и пара мгновенно выплеснулись бурным фонтаном прочь из кюветы. Эффектное вышло зрелище. Особенно красиво получилось, когда воду подкрасили медным купоросом. Красная игла луча отчетливо видна в затемненной комнате. Тихо. Исследователи затаили дыхание. И нестерпимо синий, огненно-синий всплеск взрыва.

Конечно, купорос добавляли не для радости глаз. Нужно было изучить и выяснить возможность изменять мощность луча, необходимую для возникновения эффекта. Оказалось, что различные добавки понижают порог наступления процесса, то есть, добавляя в воду некоторые примеси, можно использовать меньшую мощность лазера. Так что красота тут ни при чем. Хотя одно другому никогда не мешало.

Соединение света с водой дает взрыв фантастической силы — давление вблизи фокуса доходит до миллиона атмосфер, колоссально поднимается температура. Но главная и важнейшая особенность его в том, что с увеличением расстояния и температура и давление быстро падают. Так, можно в стакане на столе воспроизвести взрыв, аналогичный атомному, и стакан не получит даже трещинки, даже крохотной царапинки. Таким образом, ученым Физического института имени П. Н. Лебедева в Москве удалось открыть способ получения сверхвысоких давлений и температур в очень малых объемах и на короткое время. Открытие названо «Светогидравлический эффект».

Значение его в науке и технике трудно преувеличить.

Мир высоких давлений — это мир необыкновенный, где одни вещества непостижимо превращаются в другие, полностью меняя свои свойства. Будничные известняки, глины и угли становятся нарядными, сверкающими рубинами, изумрудами и алмазами; полупроводники превращаются в металлы; изоляторы — в полупроводники. До самого последнего времени почти ничего не было известно о поведении веществ на кухне природы — в недрах звезд и земного ядра, где давление — примерно от миллиона четырехсот тысяч до трех с половиной миллионов атмосфер.

Лишь совсем недавно удалось в лабораториях с помощью взрывов достичь очень больших — до десятков миллионов атмосфер — давлений. Началось планомерное изучение вещества в таких критических условиях. И выяснились интереснейшие подробности о том, как перестраивают вещества свою кристаллическую решетку, меняя, уплотняя упаковку атомов. Эти сведения позволяют активно вмешиваться в перестройку вещества.

Знаете ли вы, например, что при давлении в миллион атмосфер все известные нам вещества приобретают электропроводность металла, то есть становятся проводниками электрического тока? Или что воду можно сжать? При 600 тысячах атмосфер удельный вес воды, принятый в обычной жизни за эталон, за единицу измерения, становится в два с половиной раза больше?

Между тем точное знание поведения вещества необходимо не только для создания у него новых свойств и качеств, но и для конструкционной техники сегодняшнего дня.

Как поведут себя различные материалы в условиях сильнейшего сжатия при высоких температурах? Это вопрос жизни и смерти при проектировании двигателей ракет, рабочих конструкций атом-

ных реакторов, плазменных установок.

А изучение акустических свойств жидкости, действия сверхсильных ударных волн да и многих других явлений? Мы ведь упоминали, сколь загадочным веществом считается вода.

Одно дело — исследования в больших, громоздких установках с дорогостоящими и требующими больших затрат энергии оборудованием, защитными средствами. Другое — микроисследование на столе: простое, доступное и безопасное.

Нечего и говорить о преимуществе светогидравлического метода перед электрогидравлическим, когда в жидкость опускают электроды и устраивают пробой — искру. Во-первых, ни в какое сравнение не идут величины получаемых давлений. Во-вторых, разница между бесконтактным возбуждением взрыва лучом или загрязняющими жидкость и экранирующими ударную волну инородными телами — электродами — очевидна без всяких пояснений.

Кроме важнейших научных исследований в фокусе луча — центра взрыва, можно прямо на столе, в любом удобном для данного случая сосуде штамповать и сваривать микроизделия, ковать их, упрочнять их поверхность или, наоборот, диспергировать — измельчать до состояния взвешенных частиц любое вещество, разрушать или пробивать отверстие в металлических пластинах.

Можно, наконец, бесконтактно, лишь касанием луча, возбуждать мощные ультразвуковые или гиперзвуковые колебания и посылать их на далекие расстояния.

А можно...

Первый космический корабль с Земли лег на эллиптическую орбиту вокруг планеты-гиганта Юпитера.

Сжатая чудовищным давлением ядовитая атмосфера Юпитера подобна тяжелой и вязкой жидкости. Только после долгого изучения этой плотной, раздираемой электрическими бурями атмосферы командир корабля решится выслать разведывательную ракету. Радиосвязь в этом случае бессильна. И только лазерный луч сможет пробиться сквозь поглощающий радиоволны ионизированный газ. Этот же луч в доли секунды пробьет отверстия в плавающих в сверхплотном газе осколках метеоритов, притянутых планетой. Все будет, как в той первой лабораторной кювете с водой...

Луч лазера, направленный в жидкость. Завтра он придет на наши заводы, а послезавтра понадобится на Венере, где наши исследовательские станции зарегистрировали плотную углекислотную атмосферу. Мы ведь знаем: чем сильнее сжат газ, тем ближе он по своим свойствам к жидкости.

Но больше всего работы предстоит лазерному лучу на Земле, которую по справедливости следовало бы назвать планетой Океан. Выйдя из лабораторного стакана на необъятные водные просторы, он станет могучим средством освоения и преобразования океанского дна.

Жизнь зародилась в океане. И она по-прежнему зависит от него...

Так что же случится, если луч света коснется воды?

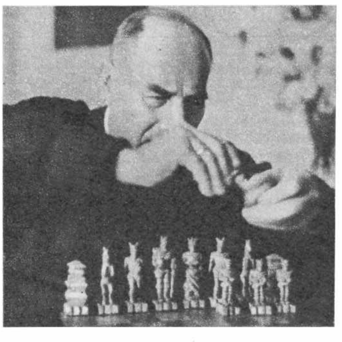
Вы задумались? Ответить исчерпывающе совсем не просто. Все зависит от того, какой свет и какая жидкость объединятся в каждом конкретном случае.

СТРОКИ ИЗ ПИСЕМ

Социалистическое отечество немецких рабочих и крестьян и Советский Союз связаны узами прочной дружбы. Мы знаем, у нашей Родины, у советских людей очень много друзей в ГДР. Об этом же рассказывают письма, которые приходят в «Огонек» из Германской Демократической Республики.

Ирма Трампош получает медаль Клары Цеткин.

«Эту фотографию я сделал во время приезда в Карл-Маркс-Штадт советской киноделегации,— пишет Вернер Дёлер.— Один из любимых нами советских артистов, Санаев, поздравляет участницу художественной самодеятельности 10-летнюю Карин».



Ветеран партии Эрнст Рауш в годы фашизма попал в концентрационный лагерь Заксенхаузен. Там он встретился с русскими. Эти шахматы Эрнст Рауш получил от них в подарок в благодарность за то, что помогал прятать русских пленных, которые были настолько слабы, что не могли работать.

Снимок прислала Гизела Скирло из Шверина.

Карл Моргенталь познакомился с Советским Союзом в 1930 году, когда вместе с группой рурских горняков приехал работать в Донбасс:

«Трудящиеся встречали нас с воодушевлением. На перронах играли оркестры, происходило братание. Это был триумф пролетарского интернационализма... Советскому Союзу приходилось тогда вести нелегкую борьбу, чтобы создать основу тяжелой индустрии. Но советские люди работали самоотверженно,— вспоминает К. Моргенталь.— Некоторые иностранные специалисты, не желая считаться с трудностями, вскоре уехали обратно в Германию. Эти люди стали всячески поносить Советский Союз. Товарищи из Эссена просили меня дать отпор антисоветчикам.

Когда я вернулся в Эссен, организовали несколько собраний. Первое состоялось в Фольксхаузе в Эссен-Край. Те, кто обычно выступал против Советского Союза, заняли места на сцене.

Я рассказал слушателям о делах советских людей, о попытках империалистических кругов задушить единственное в мире социалистическое государство. Люди в зале слушали с большим вниманием, и часто мою речь прерывали аплодисменты. Собрание превратилось в свидетельство солидарности с партией и рабочим классом СССР.

Из зала поступило предложение: пусть выступят враги Советского Союза. Они лгали, изворачивались. Их прогнали со сцены свистом и криками: «Долой из зала!»

Кульминационным пунктом того незабываемого вечера был момент, когда я передал нашему товарищу красное знамя, подарок партийной организации советской шахты, где я работал. В зале запели «Интернационал». Это было признание верности Советскому Союзу».

О верности, о пролетарской солидарности рассказывает и старый коммунист Хейнц Вильман.

«В годы войны,— пишет товарищ Вильман,— мы, немецкие коммунисты, нашли приют в Советском Союзе. Я работал в редакции журнала «Интернациональная литература» (немецкое издание). Нашим редактором был поэт Иоганнес Бехер.

Летом 1942 года многие москвичи отправлялись на лесозаготовки. Когда у нас в редакции стали набирать добровольцев, я записался одним из первых. Недалеко от Рыбинска, где мы работали, часто рвались гитлеровские бомбы. Пожилой швейцар издательства кричал мне: «Гляди, Вильман, твои летят!» Я не злился на это, но приятного было мало: ведь я с 16-летнего возраста участвовал в рабочем движении.

Соседка по дому, где я жил, попросила меня преподавать ее сыну немецкий язык. Так в деревне на Волге, у берегов которой произошло решительное сражение под Сталинградом, немецкий антифашист стал обучать русского юношу своему языку. А в это время в госпитале под Москвой лежал раненный фашистской миной отец моего ученика Павла.

Конечно, шли разговоры: «Немец в такое время обучает русских детей фашистскому языку». Но говорили и другое. Один старый большевик спорил с такими людьми и объяснял, на каком языке были написаны первые произведения научного социализма. Он говорил, что есть разные немцы и что уже сейчас надо думать о такой Германии, которая будет добрым соседом Советского Союза.

Однажды в деревню вернулся на костылях отец моего ученика. В этот день я был приглашен на 14-летие его сына. Отец Павла Сушинова ясно показал мне, что он очень хорошо отличает друга от врага. Я был его гостем и вместе со всей семьей праздновал его возвращение.

Потом я распрощался с семьей Сушиновых. «Приезжайте к нам, когда ненавистная война кончится и снова запоют соловьи»,— сказала мне хозяйка.

Наша дружба сохранилась до сегодняшнего дня. Мой бывший ученик П. М. Сушинов стал языковедом, работает в педагогическом институте в Благовещенске, кандидат наук. Он пишет мне: «И здесь, на берегах Амура, мы следим за жизнью Германской Демократической Республики. Я часто вспоминаю Ваши уроки, встречи с Вами в Москве и позднее в Берлине, когда я был удостоен чести возглавлять делегацию учителей в ГДР».

О многих памятных встречах в Советском Союзе и в ГДР рассказывается в письмах.

Руди Эйнерт из Дебельна написал о том, какую роль сыграла в его судьбе встреча с советским офицером.

«Спустя несколько дней после 8 мая 1945 года — дня освобождения от гитлеровского фашизма — я стал работать в шахте № 269, Хайденшанце, Дрезден-Гиттерзее, где встретился с советским офицером Чарновым. Товарищ «полит» называли мы его. Я не очень-то разбирался тогда в истории немецкого и международного рабочего движения, в международном положении. Обо всем этом заставили задуматься беседы товарища «полита».

Работа горняков трудная, но наш «полит» всеми силами старался доказать нам, что, создавая новую технику и машины, можно облегчить ее. Как прав он был! И не только в этом. Не раз он говорил мне, что труд развивает человека, обогащает его, открывает его способности. Благодаря товарищу Чарнову я стал учеником забойщика, потом забойщиком и, наконец, подрывником. Получая советы от «полита» и беря с него пример, я понял, что учиться у Советского Союза — значит учиться побеждать.

Не раз наша шахта имени германо-советской дружбы побеждала в социалистическом соревновании. Экономические победы, достигнутые благодаря сотрудничеству советских и немецких рабочих, стали основой дальнейшего преобразования нашей страны.

И опять в это время активно выступает наш товарищ «полит». Он разъяснял рабочим задачи партии рабочего класса, которая вместе со всеми трудящимися строила первое немецкое миролюбивое государство.

Многие рабочие стали благодаря Чарнову убежденными, активными строителями нового.

Я проработал на шахте более 10 лет. В 1960 году поступил учиться в немецкую академию Государства и Права.

Эти мои сегодняшние строки посвящены товарищу Чарнову. Именно благодаря ему я, сын рабочего, получил диплом юриста и вот уже более 8 лет работаю в государственных правовых органах. За это, дорогой товарищ Чарнов, большое Вам спасибо!

Руди Эйнерт».

О благодарности советским людям за помощь, о плодотворном сотрудничестве специалистов ГДР и Советского Союза пишут и члены молодежной бригады из ростокского пароходства:

«Мы занимаемся подготовкой и обработкой данных на электронно-счетных машинах для торгового флота ГДР.

В соревновании в честь 20-й годовщины нашей Республики боремся за звание «Передового молодежного коллектива ГДР». Все мы — члены общества германо-советской дружбы.

В процессе нашей работы возникло, особенно вначале, очень много проблем, которые мы не могли разрешить собственными силами, потому что в ГДР это — единственное предприятие такого профиля. Мы узнали, что в Советском Союзе в этой области добились наивысших успехов.

Используя дружеские связи между балтийцами Ленинграда и портовиками Ростока, три товарища от нашего коллектива в январе 1968 года поехали в Ленинград, чтобы завязать отношения с товарищами из вычислительного центра Балтфлота.

В вычислительном центре мы были сердечно приняты руководителем Борисом Ивановичем Зубаревым и его заместителем Ириной Александровной Михайловой. Мы получили от них ценные советы для нашей дальнейшей работы. Они помогли нам установить контакты с сотрудниками научно-исследовательского института и мореходным училищем имени Макарова.

Польза, которую мы получили от бесед с советскими товарищами, огромна. Советские партнеры, ведущие эксперты, не проявляли своего превосходства, а открыто и по-товарищески все нам объясняли. В Советском Союзе мы смогли убедиться, что такие взаимоотношения для советских людей не исключение, а правило. Встречи в СССР показали нам мудрость политики КПСС.

Летом 1968 года советские друзья побывали на борту нашего теплохода «Дружба народов», и наши контакты углубились.

В своей практической работе мы используем весь опыт, переданный нам в Советском Союзе. В прошлом году наш коллектив получил благодарность от руководителей предприятия и района, а также от Социалистической единой партии Германии.

Накануне 20-й годовщины Германской Демократической Республики мы поставили перед собой новые цели. Мы были бы счастливы разделить радость первых успехов с нашими советскими товарищами, так как они своей бескорыстной помощью сделали эти успехи возможными.

Поэтому мы хотели бы в этом письме пригласить наших ленинградских друзей на празднование 20-й годовщины нашей Республики в Росток.

Бюргер, Шеллер, Грисбах, Зелингер — молодежная бригада Ростокского пароходства».

«Я принадлежу к тем счастливым людям в ГДР, у которых было много незабываемых, радостных встреч с гражданами вашей страны,— рассказывает Ирма Трампош из Хермансфельда.— Началось это в 1945 году, когда к нам пришли части Советской Армии — освободительницы.

В августе 1952 года я в составе делегации немецких крестьян посетила Советский Союз. Впервые в жизни я поднялась на борт самолета и прилетела в Москву. Для меня одно это было огромным событием. Мне не забыть сердечной встречи и интересного путешествия по вашей стране! Наша группа поехала в Ростов. Там мы увидели, как солончаковые степи за годы Советской власти превратились в плодородные земли. Бескрайние поля, окруженные лесозащитными полосами, орошаемые каналами, предстали перед нашими глазами. Какая сельскохозяйственная техника! Мы были на МТС, в совхозе «Гигант». Мы увидели столько нового. Как интересно нам было узнать о жизни в советских колхозах, о детских садах, сельских поликлиниках. Я помню прекрасный Дом культуры, в котором нас принимали. А потом пять дней в Москве. Красная площадь, тогда еще только строящийся университет на Ленинских горах, метро, Кремль, Мавзолей Ленина...

Министр сельского хозяйства СССР вручил мне ценный подарок — белый шерстяной платок с прекрасными цветами. Но теперь о самом большом моем переживании.

Мы приехали в колхоз. В доме одной крестьянки я увидела фотографии пяти мужчин. Хозяйка положила руку мне на плечо и проговорила сквозь слезы: «Это четыре моих сына и муж, все они погибли во время войны». Ее руки еще крепче обняли меня, и она сказала: «Давайте всегда быть друзьями, чтобы никогда больше не пришлось испытать такого горя». Я стояла, как парализованная. Все самое дорогое, что было у этой женщины-матери, отняла война, та война, которую вели немцы, как я. А она обнимает меня и говорит такие слова! У меня перед глазами стояли две мои девочки — одной полгода, другой пять лет... Слезы лились из моих глаз. Нелегким было наше прощание. Мне нужны были часы, ночи, чтобы пережить все это.

Домой я вернулась новым человеком, истинным другом Советского Союза. Встреча с вашими людьми дала мне силы бороться за социализм. Я с гордостью могу сказать, что я ветеран германо-советской дружбы. Много раз за эти 18 лет я выступала перед людьми, рассказывала о встречах на советской земле, о вашем сельском хозяйстве. Мои выступления были напечатаны в нашей прессе. Вырезки я храню для своих дочерей.

Я хочу поблагодарить мое государство — ГДР, наградившее меня медалью Клары Цеткин.

Самая горячая, самая сердечная благодарность вам, мой советский народ, который я полюбила, который всегда был мне примером.

Для всего немецкого народа советские друзья были и остаются примером в борьбе за сохранение мира во всем мире, борцами за дело социализма и коммунизма, за счастье всего человечества»,— так закончила свое письмо Ирма Трампош.

Большое спасибо Вам, товарищ Трампош, за Ваше письмо. И всем друзьям из ГДР, которые нам написали.

Особо хочется сказать о юных гражданах Республики. От них мы получили очень много писем. На листках из школьных тетрадок ребята рассказывают о своих делах, о переписке с советскими друзьями, встречах, выставках. Главное и общее во всех этих письмах одно. О нем хорошо сказала Сабина Арнольд:

«Мне 14 лет. Я часто думаю о том, что было бы с Германией, если бы не 8 мая 1945 года. Я не могу себе представить.

Мой отец — член СЕПГ и воспитал во мне чувство дружбы к Советскому Союзу. Я часто получаю письма от советских друзей и всегда очень радуюсь. Недавно наш класс пригласил на собрание Союза Свободной Немецкой молодежи советских офицеров. У нас было много вопросов, начиная с политики и кончая литературой. Офицеры были удивлены: почему спрашивают только девочки? Когда они узнали причину, мальчишкам было очень стыдно; они плохо занимались на уроках русского языка и не задавали вопросов по-русски: боялись осрамиться...

Дружба!»

Ровесница Сабины Эрика Тишоф из маленького окружного города Рослау рассказала о том, как у них в школе были в гостях советские комсомольцы и как они вместе праздновали 50-летие комсомола.

«Различные языки нам не мешали, мы отлично понимали друг друга,— пишет Эрика.— Мы поклялись всегда дружить, мы никому не позволим разрушить нашу дружбу и вместе с братской Советской Армией будем защищать мир».

Письма из ГДР говорят о том, что за годы существования республики, которая родилась после разгрома фашизма Советской Армией, выросло поколение новых людей, граждан новой Германии, которые не мыслят своей жизни без дружбы с Советским Союзом, без социализма и мира.

Крылатые моряки

Г. МАКАРОВ

Фото автора.

Все ветры земли развевают бело-голубые краснозвездные флаги с серпом и молотом. Советские военные корабли уверенно бороздят воды Мирового океана. Среди них — сторожевые и противолодочные корабли, подводные лодки... Министр обороны СССР Маршал Советского Союза А. А. Гречко, посетив противолодочный крейсер «Москва», высоко оценил боеготовность корабля и моряков — плавающих и летающих.

Обычная аэродромная бетонная рулежка. РП — так ее сокращенно называют. Один ее конец сбегает вниз и уходит под воду, в море. Необычная машина, напоминающая огромное фантастическое животное, медленно движется к воде, опустив к ней хоботообразный нос. Басовито урча, машина уверенно плывет в море. За ней — другая, третья. Противолодочные воздушные корабли уходят на учебное задание: найти в открытом море скрывающуюся в толще воды лодку и уничтожить ее. Никаких имитаций — здесь все, как в бою. Лодка настоящая, ее курс и скорость неизвестны. Известен приблизительно только район, где она находится.

Нам уже довелось побывать в дальнем походе на борту противолодочного корабля, наблюдать работу боевой машины — торпеды, нырявшей в море на поиск подводной лодки. Мы видели полет и удар по цели реактивных глубинных бомб. Мы опускались в рубку гидроакустиков, где почти в полной темноте слышали неземной звук посыла гидролокатора.

Нередко самолеты называют кораблями. Тот, о котором идет речь, заслуживает этого вдвойне. Начать хотя бы с того, что он выкрашен традиционной шаровой краской. Добавьте к этому совершенную поисковую аппаратуру, мощное вооружение, пилотажное и навигационное оборудование, и перед вами предстанет один из боевых кораблей Военно-Морского Флота СССР — воздушный корабль противолодочной обороны.

— Это наш интеллектуал, мозг нашего корабля,— говорит радист Георгий Радев, указывая на штурмана, занявшего свое место.

Я тоже устраиваюсь поблизости от него. Кстати, отсюда отличный обзор.

...Канонические фразы: «Я, 27-й, прошу взлет» и «Взлет разрешаю». Винты перемалывают в пыль каскады воды, рвущейся из-под корабля. Крепче становятся удары волн. Словно в троллейбусе, мчимся по каменистой дороге. Слышу по переговорному устройству: «В облака не заходить». Вижу, как закрылок идет в положение «нейтрально» — взлетаем!

...Уже недалек район поиска, идем на заданной, сравнительно небольшой высоте. Но вот самолеты по команде ведущего дружно лезут в гору. Впереди облачность, и я вспоминаю предупреждение руководителя полетов. Да, полет в облаках строем, вне видимости друг друга — дело опасное.

Чиркаем крыльями по белым вершинам, и через несколько минут под нами снова море — безбрежное и пустынное. Мы не видим лодку. Не видим, но тем не менее точно знаем, где она находится. Мы слышим ее. Вернее, слышим голоса гидроакустических радиобуев. Эти чуткие приборы, сброшенные в море, следят за каждым движением подводного корабля и докладывают о нем сюда, в мозговой центр. Словно зверь, в кольце флажков мечется под водой «противник», но рука штурмана уже ложится на пульт бомбосбрасывателя.

Оторвавшись от своих приборов, он поворачивается ко мне, и я вижу мужественное лицо в складках от тугого шлемофона. И встречаю внимательный взгляд серых глаз Александра Толстопятова — Михалыча, как ласково называют своего штурмана члены экипажа. Он показывает мне пять пальцев. До выхода в точку атаки остается 5 секунд, и я нацеливаюсь в открытый проем якорного люка.

«Пятьдесятдевятка» идет справа, словно привязанная. Вижу, как открываются створки бомболюка. В ожидании сброса секунды растягиваются в томительную беспредельность, но вот наконец темные тела ныряют в голубизну. Среди невысоких волн еще успеваю увидеть всплеск.

— Разворот вправо,— слышу в наушниках команду ведущего.

В вираже мы оказываемся выше всех и видим ведущего и правого ведомого далеко внизу на фоне моря. На поверхности воды вдруг вспыхивает ярко-оранжевый огонь и тянется облачко дыма. Это «наша» лодка дает знать из-под воды о том, что атака была удачной и бомбы легли точно в районе цели.

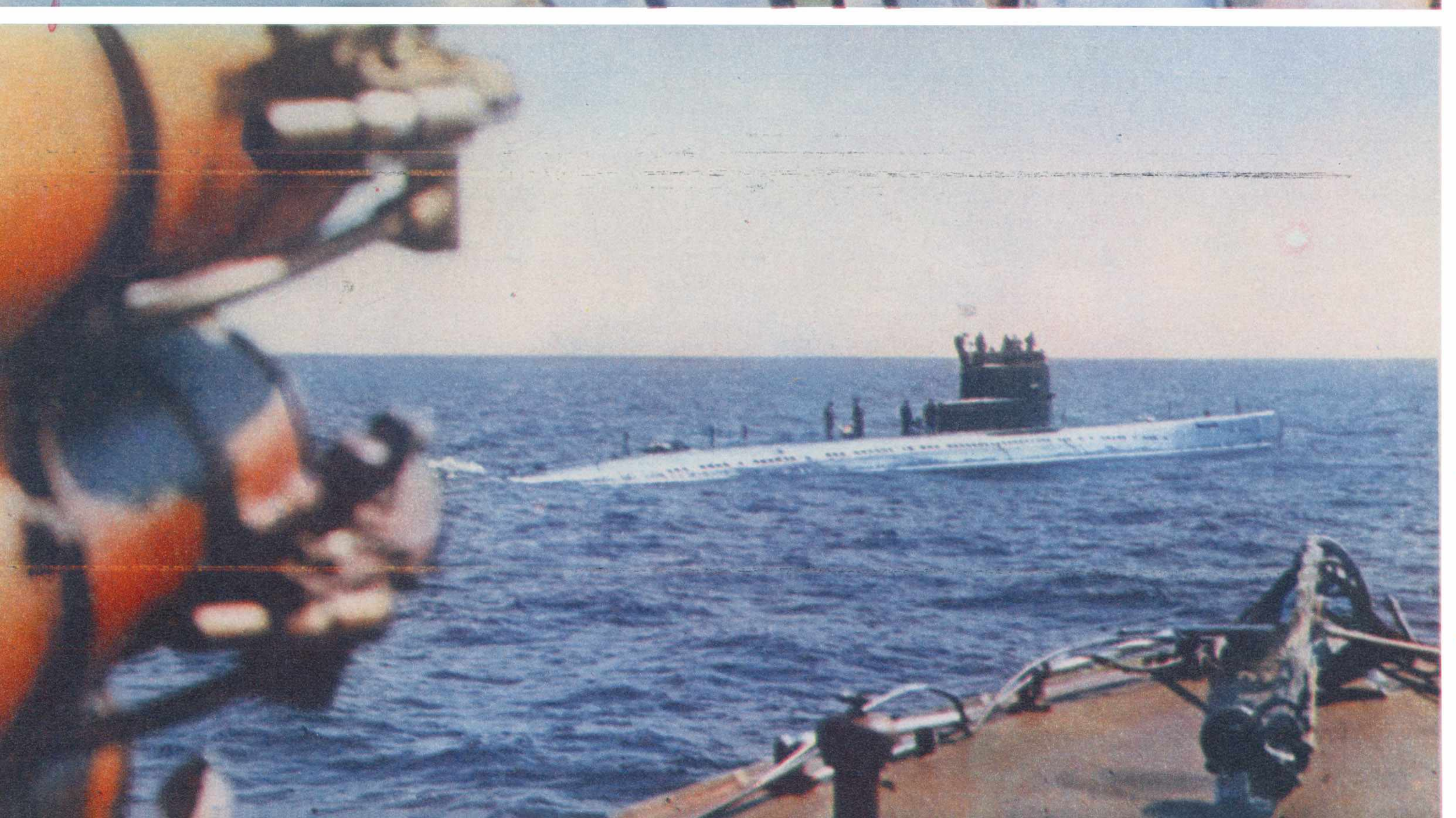
«27-й, вам взлет!»

Противолодочные корабли «дома».

«Цель вижу!»

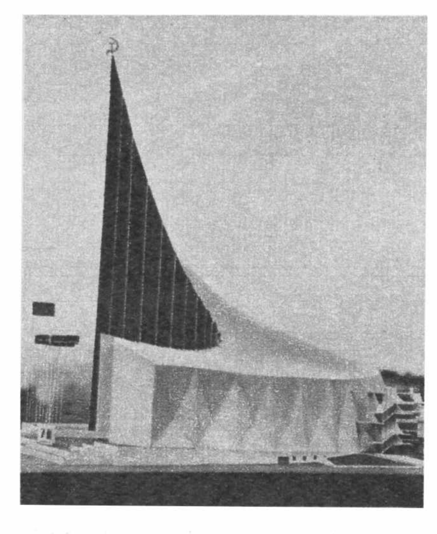
Идут корабли.

Старший лейтенант Геннадий Симагин после полета.



Лодка, которую будем искать.

„ЭКСПО-70"



Проект советского павильона на «ЭКСПО-70».

Б. А. БОРИСОВ,
Генеральный комиссар секции СССР на Всемирной выставке 1970 года в Японии

Совсем немного времени осталось до открытия Всемирной выставки «ЭКСПО-70». Вроде бы недавно еще велись проектные работы, подбиралась площадка, а сейчас в Японии неподалеку от города Осака на площади в 330 гектаров идут строительные и монтажные работы. Каркасы будущих зданий уже сегодня позволяют представить, какими архитектурными формами обогатится выставка. Ныне можно с известным приближением говорить о некоторых чертах и тенденциях, характерных для «ЭКСПО-70».

Цель Всемирной выставки 1970 года определена словами: «Прогресс и гармония для человечества». Этот гуманный девиз отражает стремление всех честных людей земли к прогрессу, к созданию гармонической жизни. Для нас, граждан Страны Советов, девиз выставки полон особого смысла. Именно наше государство впервые в мире поставило осуществление прогресса и создание гармонической жизни общества на практическую и научную основу. Этой цели подчинена вся деятельность нашего государства, труд советского народа. Понятно, это найдет широкое и многообразное отражение в экспозиции советского раздела.

...Когда вы приближаетесь к территории выставки и минуете окружающие ее причудливые сопки, несколько неожиданно открывается панорама стройки. Вдруг появляется огромная строительная площадка. Организаторы Всемирной выставки выбрали удачное место, обладающее многими достоинствами. Неподалеку расположен один из крупнейших городов Японии — Осака. Широко развитая сеть шоссейных и железных дорог связывает его со всеми населенными пунктами страны. Благоприятный климат и красивая местность, конечно, еще более усиливают впечатление от того, что располагается на выставочной площадке. На Японских островах, где совсем не просто отыскать незанятую землю, найти и высвободить необходимую территорию было делом нелегким. Нужно отдать должное Ассоциации Всемирной выставки — она прекрасно справилась с этой задачей.

Советский раздел выставки располагается на 25 000 квадратных метров. Экспозиционная же площадь в павильоне СССР займет 12 тысяч квадратных метров.

Всемирная выставка открывается в 1970 году, когда прогрессивное человечество всего мира будет отмечать 100-летие со дня рождения В. И. Ленина. Большая группа советских специалистов трудится над тем, чтобы доходчиво, просто, выразительно показать на «ЭКСПО-70», как наша страна претворяет в жизнь идеи марксизма-ленинизма. Во внешнем облике советского павильона символически воплощено динамичное развитие Советского Союза, революционная сущность его поступательного движения.

Сооружение советского павильона ведется точно по графику. Приехав в Осака, мы обратили внимание, что лишь два павильона — канадский и советский — ближе других к завершению. Дело в том, что канадцы, хозяева прошлой Всемирной выставки, по опыту знают, насколько сложное это и трудоемкое дело — возвести и оборудовать павильон. Такой же точки зрения придерживаемся и мы. Потому и начали строительство, как только представилась возможность.

Наш павильон — оригинальное сооружение. Издалека он ассоциируется с развернутым алым знаменем, древко которого с серпом и молотом вознеслось на стометровую высоту. Здание гармонично вписывается в общий ансамбль. Заметно усиливают впечатление расположенные вокруг покрытые яркой зеленью холмы.

По-моему, архитектурные формы советского павильона, весь его облик хорошо соответствуют девизу выставки: «Прогресс и гармония для человечества». И хотелось бы поздравить группу советских архитекторов, возглавляемых М. В. Посохиным, с большой творческой удачей. На строительстве нашего павильона выполнена уже половина всех работ. Сейчас возводят фасад и завершают монтаж высотной части. Завершен подвод различных коммуникаций, выложены фундамент и цокольная часть, монтируются несущие конструкции. Недавно в этом районе прошел тайфун, он на некоторое время приостановил работы, но не сбил высоких темпов, взятых на строительстве. Монтаж ведут рабочие и инженеры японской фирмы «Такинака Комутен».

Подготавливаются к установке киноэкраны и киноаппараты. В павильоне будет кинотеатр на 800 и театр на 600 мест. Здесь применят киноэкраны разных форм и размеров, некоторые специальные киноэкраны.

Экспозиция нашего павильона разместится на трех этажах. На первом — главный зал. Он посвящен Владимиру Ильичу Ленину. Мы стремимся в простой и понятной форме раскрыть перед посетителями основные черты деятельности основателя Советского государства. Хотелось бы, чтобы, осмотрев экспонаты, связанные с именем Ленина, гость нашего павильона понял, что значит Ленин для человечества, что сделал он для того, чтобы прогресс и гармония стали действительностью не только для народов Советского Союза, но и для людей всего мира. Экспозиция первого зала — своеобразный пролог к тому, что увидит посетитель в других залах.

Немалое значение придается разделу, посвященному воспитанию юных граждан СССР. Собранные здесь экспонаты позволяют проследить, как общество помогает гармоничному развитию личности — от рождения человека и до наступления зрелости. Мы представим в своей последовательности всю цепь воспитательных учреждений: детские ясли, сады, средняя и высшая школа. На стендах павильона, надеюсь, эта схема обретет зримые, убедительные формы.

В следующем разделе можно познакомиться с творчеством мастеров искусства и литературы: проза, поэзия, живопись, музыка, художественные ремесла, театр, цирк, эстрада.

Произведения мастеров народных промыслов можно будет не только увидеть в павильоне. Японская фирма «Чори» уже закупила в нашей стране многие изделия кустарных промыслов, которые представляют несомненный интерес и, надеюсь, доставят радость тем, кто их приобретет.

Мы полагаем, что для японцев представят интерес картины жизни на землях советской Сибири и нашего Дальнего Востока — эти земли непосредственно соседствуют с Японскими островами.

И, наконец, гость попадает в мир приборов, созданных для того, чтобы космос стал доступным человеку, был использован на его благо. Здесь покажут средства исследования космического пространства, новейшие приборы и аппараты космической техники, созданные учеными, рабочими, мощной индустрией СССР. Бесспорно, этот раздел вызовет живой интерес, так же, как и экспонаты, рассказывающие о результатах мирного использования атомной энергии. В нашем павильоне найдут отражение новейшие достижения науки и техники.

Японцы проявляют значительный интерес к новинкам рыбной промышленности. Одна из экспозиций павильона ознакомит с оригинальной подводной лодкой-малюткой, предназначенной для поиска рыбных косяков, изучения жизни рыб промысловых пород.

На стройке советского павильона «ЭКСПО-70».
Справа налево: посол СССР в Японии О. А. Трояновский, заместитель министра внешней торговли СССР Б. А. Борисов, советник-посланник А. П. Оконишников, архитектор М. В. Посохин.

Фото Е. Лебедева.

Все, что создается для Всемирной выставки — здание павильона, экспонаты, художественный фон экспозиции,— все делается с учетом строгого вкуса японских посетителей. Всего на «ЭКСПО-70» побывает не менее 30 миллионов человек. Надеюсь, что большинство из них станут гостями нашего павильона. Пользуюсь возможностью и приглашаю их:

— Добро пожаловать!

...Хотелось бы еще раз отметить высокую организованность работ, которые осуществляют на строительстве Ассоциация Всемирной выставки и фирма «Такинака Комутен». Мы всюду видели старательных, трудолюбивых рабочих, хорошую технологию. И я убежден, что строительство будет завершено в намеченный срок.

Японские организаторы Всемирной выставки уже на первом этапе ее создания продемонстрировали высокий уровень достижений во многих областях техники, науки, искусства. Хочется думать, что первая в Азии Всемирная выставка займет достойное место среди всемирных выставок, уже проведенных в различных странах мира.

Эдуард АСАДОВ

ПЕТРО

МАЛЕНЬКАЯ ПОЭМА

I

Вьюга метет неровно,
Бьет снегом в глаза и рот
И хочет она Петровну
С обрыва швырнуть на лед.

А та, лишь чуть-чуть сутулясь
И щеки закрыв платком,
Шагает, упрямо щурясь,
За рослым проводником.

Порой он басит нескладно:
— Прости уж... что так вот... в ночь...
Она улыбается: — Ладно!
Кто будет-то, сын иль дочь?

А утром придет обратно
И скажет хозяйке: — Ну,
Малец! Да такой занятный,
Почти шестьдесят в длину.

Поест и, не кончив слова,
Устало сомкнет глаза...
И кажется, что готова
До завтра проспать! Но снова
Под окнами голоса...

Охотник ли смят медведем,
Рыбак ли попал в беду,
Болезнь ли подкралась к детям:
— Петровна, родная, едем!
— Сейчас я... Иду, иду!

«Петровнушкой» да «Петровной»
Не месяц, не первый год
Застенчиво и любовно
Зовет тут ее народ.

Хоть, надо сказать, Петровне
Нету и сорока,
Ей даже не тридцать ровно,
Ей двадцать седьмой пока!

В решительную минуту
Нервы не подвели,
Когда раздавали маршруты,—
Прямо из института
Шагнула на край земли.

А было несладко? Было!
Да так, что раз поутру
Поплакала и решила:
— Не выдержу. Удеру!

А через час от дома,
Забыв про хандру и страх,
Летела уже в санях
Сквозь посвист пурги к больному.

И все-таки было, было
Одно не простое «но».
Все горе в том, что любила
Преданно и давно.

И надо ж вот так, как дуре,
Жить с вечной мечтой в груди:
Он где-то в аспирантуре,
А ты не забудь и жди!..

Но, видно, не ради смеха
Тот свет для нее светил.
Он все-таки к ней приехал.
Не выдержал и приехал!
Как видно, и сам любил!

Рассветы все лето плыли
Пожарами вдоль реки...
Они превосходно жили
И в селах людей лечили
В два сердца, в четыре руки.

Но дятла маленький молот
Стучит уж — готовь закрома,
Тайга — это вам не город,
Скоро пурга и холод —
Северная зима.

И парень к осени словно
Чуточку заскучал,
Потом захандрил безусловно,
Печально смотрел на Петровну,
Посвистывал и молчал.

Весь в дымке дальних проектов,
Спорил с ней. Приводил
Сотни разных моментов,
Тысячи аргументов
И все же смог, убедил.

Сосны слезой гудели,
Ныли тоской провода:
Что же ты, в самом деле?!
Куда ты, куда, куда?

А люди не причитали.
Красив, но суров их край.
Люди, они понимали:
Тайга не столичный рай.

Они лишь стояли безмолвно
На холоде битый час.
Ты не гляди, Петровна,
Им только в глаза сейчас.

Они ведь не осуждают
И благодарны тебе,
Они тебя провожают
К новой твоей судьбе.

А грусть? Ну, так ты ведь знаешь,
Тебе-то легко понять:
Когда душой прирастаешь —
Это не просто рвать!

От дома и до машины
Сорок шагов всего.
Спеши же по тропке мимо,
Не глядя ни на кого,

Чтоб вдруг не заныло сердце
И чтоб от прощальных слов
Не дрогнуть, не разреветься!
— Ты скоро ли? Я готов!

Ну вот они все у хаты,
Сколько же их пришло:
Охотники и ребята,
Косцы, трактористы, девчата,
Да тут не одно село!

Как труден шаг на крыльцо...
В горле — сушь, как от жажды.
Ведь каждого, каждого, каждого
Не просто знала в лицо!

Помнишь, как восемь суток
Сидела возле Степана?
Взгляд по-бредовому жуток,
Предплечье — сплошная рана.

Поднял в тайге медведя.
Сепсис. Синеет рука...
В город везти — не доедет.
А рана в два кулака...

Как только не спасовала?
Сама б сказать не смогла.
Но только взялась. Сшивала,
Колола и бинтовала...
И ведь смогла. Спасла!

После профессор долго
Крутил его и вздыхал.
— Ну, милая комсомолка,
Просто не ожидал!

Помнишь доярку Зину,
Тяжкий ее плеврит?
Вон она, у рябины,
Плачет сейчас и молчит.

А комбайнер Серега?
Рука в барабане... Шок...
Ты с ним повозилась много.
Но жив! И работать смог!

А дети? Ну, разве мало
За них довелось страдать?
Этих ты принимала,
Других от хвороб спасала
И всем как вторая мать!

Глаза тоскуют безмолвно...
Фразы: — Счастливый путь!..
Аннушка! Анна Петровна!
Будь счастлива! Не забудь!

Сорок шагов к машине...
Сорок шагов всего!
А сердце горит и стынет,
Бьется, как вихрь в лощине,
И не сдержать его!

Сорок, всего-то ровно...
И город в огнях впереди...
Ну, что же ты встала, Петровна?
Иди же скорей, иди!

Дорожный билет в кармане
Жжет, словно уголь, грудь.
Все как в сплошном тумане...
Ни двинуться, ни шагнуть.

И, будто нарочно, Ленка —
Дочь Зины, смешной попугай,
Вдруг, побелев как стенка,
Прижалась с плачем к коленкам:
Не надо! Не уезжай!

Петровна, еще немного...
Он у машины. Ждет...
Совсем немного вперед —
И вдаль полетит дорога!

«Бегу, как от злой напасти,
От жизни. Куда, зачем?
А может, вот это и счастье:
Быть близкой и нужной всем?!

Так что же, выходит, мало?
От лучших друзей бегу!»
Вдруг села на тюк устало
И глухо-глухо сказала:
— Не еду я... не могу!..

Не еду, не уезжаю!
И, подавляя дрожь,
Шагнула к нему: — Я знаю,
Ты добрый, ты все поймешь!

Прости меня... Не упрямься...
Прошу... Ну, почти молю!
При всех вот прошу: останься!
Я очень тебя люблю!

И будто прорвало реку:
Разом, во весь свой пыл
К приезжему человеку
Кинулись все, кто был.

Заговорили хором,
Грусть как рукой смело,
Каким будет очень скоро
Вот это у них село,

Какая будет больница,
И сколько новых домов,
Телецентр подключится.
А воздух? Такой в столице
Не купишь за будь здоров!

Тот даже заколебался:
— Ой, хитрые вы, друзья!
Хмурился, улыбался
И вроде почти остался,
Но после вздохнул: — Нельзя!..

И тихо Петровне: — Слушай,
Так не решают вопрос,
Очнись. Не мотай мне душу!
Ведь ты это не всерьез?!

Романтика. Понимаю...
Я тоже не вобла. Но
Все это... я не знаю...
Даже и не смешно!

И там, там ведь тоже дело.—
И взглядом ищет ответ.
Петровна белее мела,
Прямо в глаза посмотрела.
— Нет и еще раз нет!..

Он тоже взглянул в упор
И тоже жестко и хмуро:
— Хорошая ты, но дура...
И кончили разговор!

Как же ты устояла?
И как поборола печаль?
Машина давно умчала,
А ты все стояла, стояла,
Глядя куда-то вдаль...

Потом повернулась: — Будет!..—
Смахнула слезинки с глаз
И улыбнулась людям:
— Ну, здравствуйте, еще раз!

Забыть ли тебе, Петровна,
Глаза их?
И как, любя,
Они (виноваты словно)
Радостно и смущенно
Смотрели тогда на тебя?!

Все вдруг зашумели вновь:
— Постой-ка, ну как же? Как ты?
Выходит, что из-за нас ты
Сломала свою любовь?!

— Не бойтесь, не стану каяться,
Не брошусь дрожа вослед.
Любовь же так не ломается.
Она или есть, или нет!

В глазах ни тоски, ни смеха.
Лишь сердце щемит в груди:

ВНА

У-ехал, у-ехал, у-ехал...
И что еще впереди?!.

Что будет? А то и будет!
Твердо к дому пошла.
Но люди... Ведь что за люди!
Сколько же в них тепла...

В знак светлого уваженья
Они ее у крыльца,
Застывшую от волненья,
Растрогали до конца,

Когда от смущенья бурый,
Лесник — седой человек
Большую медвежью шкуру
Рывком постелил на снег.

Жар — в щеки! А сердце словно
Сразу зашлось в груди!..
Шкуру расправил ровно:
— Спасибо за все, Петровна,
Шагни вот теперь... Входи!

Слов уже не осталось...
Взглянула на миг кругом,
Шагнула, вбежала в дом
И в первый раз разрыдалась...

II

На улице так темно,
Что в метре не видно зданья.
Только пришла с собранья,
А на столе — письмо!

Вот оно! Первый аист?
С чем только ты заглянул?
Села, не раздеваясь,
Скинув платок на стул.

Кто он, этот листочек:
Белый иль черный флаг?
Прыгают нитки строчек...
Что ты? Нельзя же так!

«...У вас там еще морозы,
А здесь уже тает снег.
Все в почках стоят березы
В парках и возле рек.

У нас было все, Анюта,
Дни радости и тоски,
Мне кажется почему-то,
Что оба мы чудаки...

Нет, ты виновата тоже:
Решила — и все. Конец!
Нельзя же вот так. А все же
В чем-то ты молодец!

В тебе есть какая-то сила.
И хоть далек я от драм,
Но в чем-то ты победила,
А в чем — не пойму и сам.

Скажу: мне не слишком нравится
Жить так вот, себя закопав.
Что-то во мне ломается,
А что-то кричит: «Ты прав!»

Я там же. Веду заочный.
Поздравь меня: кандидат!
Эх, как же я был бы рад...
Да нет, ты сидишь там прочно!

Скажу еще ко всему,
Что просто безбожно скучаю,
Но как поступить, не знаю
И мучаюсь потому...»

III

Белым костром метели
Все скрыло и замело,
Сосны платки надели,
В платьицах белых ели,
Все что ни есть бело!

К ночи мороз крепчает,
Лыжи, как жесть, звенят,
Ветер слезу выжимает
И шубку, беля, крахмалит,
Словно врачебный халат.

Ночь пала почти мгновенно.
Синею стала ель,
Синими — кедров стены,
Кругом голубые тени
И голубая метель...

Крепчает пурга и в злобе
Кричит ей: — Остановись!
Покуда цела, вернись,
Не то застужу в сугробе!

Э, что там пурга-старуха!
И время ли спорить с ней?!
Сердце стучится глухо:
Петровна, скорей, скорей!

Лед на реке еще тонок.
Пускай! Все равно на лед!
На прииске ждет ребенок,
Он болен. Он очень ждет!

Романтика? Подвиг? Бросьте!
Фразы — сплошной пустяк!
Здесь так рассуждают гости,
А те, кто живет,— не так.

Здесь трудно, здесь не до шуто
Не веришь, так убедись.
Романтика не поступок,
Романтика — это жизнь!

Бороться, успеть, дойти
И все одолеть напасти
(Без всякой фразы, учти),
Чтоб жизнь человеку спасти —
Великое это счастье!

IV

Месяц седую бороду
Выгнул в ночи, как мост.
Звезды висят над городом,
Тысячи ярких звезд...

Сосульки падают в лужицы,
Город уснул. Темно.
Ветер кружится, кружится,
Ветер стучит в окно.

Туда, где за шторой тихою
Один человек не спит,

Молча сидит за книгою
И сигаретой дымит.

К окошку шагнул. Откинул
Зеленую канитель.
Как клавиши ледяные,
Позванивает капель.

Ветер поет и кружит
Сначала едва-едва,
Потом, все преграды руша,
Гудит, будто прямо в душу,
А в ветре звучат слова:

«Трудно тебе и сложно...
Я к вешним твоим ночам
Примчал из глуши таежной,
Заснеженной и тревожной,
Откуда — ты знаешь сам.

Да что говорить откуда?
Ты понял, небось, и так.
Хочешь увидеть чудо?
Смотри же во тьму, чудак!

Видишь: дома исчезают,
Скрываются фонари,
Они растворяются, тают...
Ты дальше, вперед смотри...

Видишь: тайга в метели
Плывет из белесой тьмы,
Тут нет никакой капели,
Здесь полная власть зимы.

Крутятся вихри юрко...
А вон, в карусельной мгле,
Крохотная фигурка
Движется по земле.

Без всякой лыжни, сквозь ели,
Сквозь режущий, колкий снег
Она под шабаш метели
Упрямо движется к цели:
Туда, где в беде человек!

Сквозь полночь и холод жгучий,
Сквозь мглистый гудящий вал...
Сощурься, взгляни получше!
Узнал ты ее? Узнал?

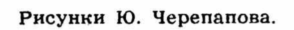
Узнал ты ее такую,
Какую видал не раз:
Добрую, озорную
И вовсе ничуть не стальную,
С мягкою синью глаз...

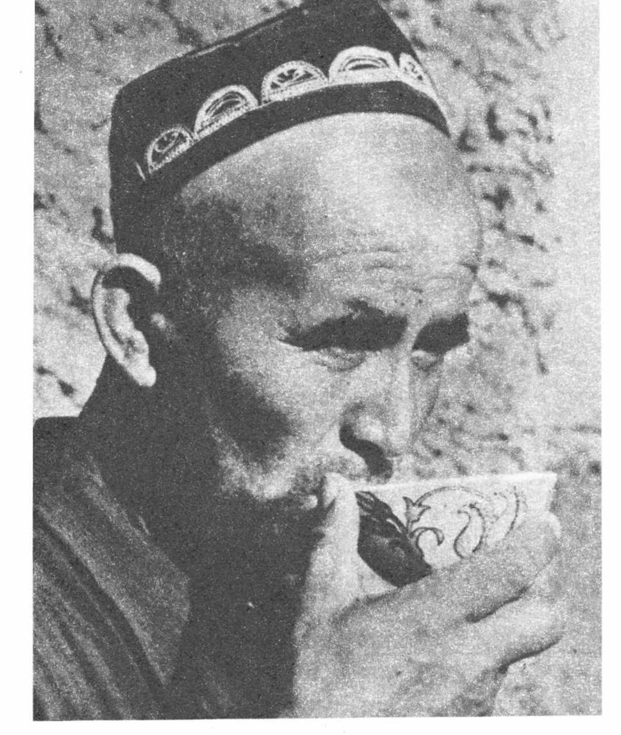
Веки зажмурь и строго,
Какая б ни шла борьба,
Скажи, помолчав немного,
Это ли не дорога
И это ли не судьба?

Сейчас вам обоим больно.
И, может, пора сказать,
Что думать уже довольно,
Что время уже решать?

Снова город за стеклами,
В город идет апрель.
Снова пальцами звонкими
По клавишам бьет капель...

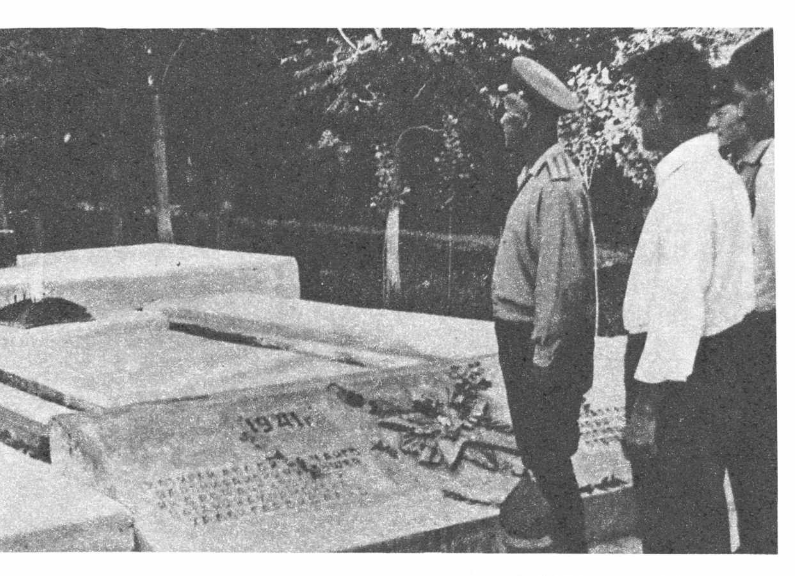
Нелепых сомнений ноша
Тебе ли, чудак, идет?
Вернись к ней с последней
порошей,
Вернись, если ты хороший!
Она тебя очень ждет...


Рисунки Ю. Черепапова.



Николай Яковлевич Яковлев — Абдусамад Холмурадов.

РУССКОЕ ИМЯ



Священна память о павшем друге. Вместе с сыновьями пришел Николай Яковлев к вечному огню.

Абдусамад Холмурадов. Снимок военного времени.

...Дед и отец с внучкой и младшим сыном.

Живет в Вахшской долине в богатом кишлаке семья таджиков. А фамилия у них русская — Яковлевы. Учатся в вузах Душанбе три их сына, все трое таджики. И все Яковлевы. Бегает по двору маленькая смуглолицая девочка с черными глазами — таджичка. Зовут ее Райса. А фамилия Яковлева. В чем тут дело?

...В пору Великой Отечественной войны подружились крепкой солдатской дружбой два воина-артиллериста — таджик Абдусамад Холмурадов и русский Николай Яковлев. Воевали в одном артиллерийском расчете, делили последнюю махорку, ели из одного котелка. Не раз спасали жизнь друг другу. Вместе тяжко переживали военные неудачи, вместе радовались победам: на войне как на войне...

— Разобьем фашистов, поедем ко мне в Таджикистан,— говорил Абдусамад.— Будем жить и работать вместе. Какие у нас сады, какие персики, какие хлопковые поля! Мой дом поделим пополам. Женим тебя на лучшей девушке из нашего кишлака. Увидит, что силен ты, как Рустам, а стихи сочиняешь, как Рудаки, и первая красавица склонится перед тобой...

Однажды перед боем Николай сказал другу:

— Знаешь, Абдусамад, если я погибну, то и извещение некому будет послать. Один я остался на белом свете.

Абдусамад тогда ответил:

— Зачем о смерти думать, давай лучше жить. Пусть фашисты получают похоронные. У меня на родине говорят: человек цветка нежнее, но и железа тверже. Мы с тобой должны до победы дожить.

Однако не суждено было русскому парню Николаю Яковлеву дожить до светлого дня Победы. В августе 1943 года в бою у реки Миус пал он смертью храбрых.

...Спустя некоторое время в короткий перерыв между боями шло партийное собрание батареи. Парторг вслух зачитал заявление: «В партийную организацию Н-ского гвардейского артиллерийского полка от наводчика Николая Яковлевича Яковлева.

Прошу принять в ряды Коммунистической партии. Не пожалею сил и жизни для окончательной победы над врагом. Николай Яковлев».

Собрание замерло. Наступила тишина: «Как же так — все знают, что Николай Яковлев погиб».

И вдруг выходит вперед Абдусамад Холмурадов и говорит:

— Я родился в Вахшской долине, в Таджикистане. Но теперь я Николай Яковлев. Он мой побратим. Мы поклялись друг другу перед боем — имя погибшего всегда будет носить его товарищ. В память о павшем.

В протоколе партийного собрания Н-ского гвардейского артиллерийского полка было записано: «Удовлетворить просьбу наводчика Холмурадова, дать ему другое имя и фамилию». В партию его приняли единогласно.

Так появился на таджикской земле таджик с русским именем, коммунист Николай Яковлев.

Дружба дороже богатства, говорят у него на родине.

М. КИСЕЛЕВА

Фото А. Маршани.

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ БИБЛИОТЕКАРЬ РУМЯНЦЕВСКОГО МУЗЕЯ

С 1962 года крупнейшее книгохранилище нашей страны — Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина — вступила во второе столетие своего существования как один из центров отечественной книжной культуры. За это время в библиотеке работали многие крупные деятели книги — библиографы, библиотековеды и библиотекари, среди которых одним из самых замечательных был Николай Федорович Федоров (1824—1903). Почти четверть века — с 1874 по 1898 год — Н. Ф. Федоров занимал скромную должность заведующего алфавитным каталогом библиотеки Московского публичного Румянцевского музея, снискав себе глубокое уважение необыкновенной широтой эрудиции и столь же необыкновенным, самоотверженным и подвижническим отношением к книге, к своим обязанностям — быть помощником и наставником читателя.

Цель настоящей заметки — рассказать о Н. Ф. Федорове как библиотекаре, который, по словам статьи, опубликованной в «Русских ведомостях» 17 декабря 1903 года — через три дня после его смерти,— был «незаменимым руководителем для всех работавших в библиотеке Румянцевского музея». Рассказывают, что посетители библиотеки, заказавшие книги по интересовавшему их вопросу, неожиданно получали дополнительные труды, позволявшие более широко и глубоко изучить круг намеченных проблем... Потом прибавлялись и прибавлялись все новые и новые книги — их подбирал Николай Федорович, считавший своим долгом просматривать все требования, а потом вызывавший к себе читателя для личных бесед-консультаций, которые нередко имели решающее значение для читателя. Так было, например, когда завсегдатаем библиотеки стал Константин Циолковский. Н. Ф. Федоров помогал ему своими библиографическими консультациями.

Эрудиция Н. Ф. Федорова и его умение разыскать нужные книги были поистине не знающими себе равных. Однажды в библиотеку Румянцевского музея зашли инженеры-путейцы, ехавшие в Сибирь, где шло строительство великой транссибирской железнодорожной магистрали. Познакомившись с Н. Ф. Федоровым, инженеры узнали от него о существовании таких описаний Сибири, о которых они раньше совершенно не подозревали. Тогда инженеры показали Николаю Федоровичу проект предполагавшегося пути. Внимательно ознакомившись с картой, Н. Ф. Федоров указал на то, что в одном месте была неправильно показана высота горы, а в другом — пропущен большой ручей, пересекавший дорогу. Инженеры возражали, отстаивая верность своей карты... Однако года через два один из них на обратном пути из Сибири зашел в Румянцевский музей, чтобы поблагодарить Николая Федоровича и сказать, что его замечания были справедливы.

Писательница Е. С. Некрасова, часто обращавшаяся к Н. Ф. Федорову в работе по изучению биографии А. И. Герцена, закончила свою статью о необыкновенном библиотекаре следующими словами: «Низкий поклон пред прахом незаменимого библиографа-энциклопедиста. Многообязанная покойному Екатерина Некрасова».

Вл. БЕЗЪЯЗЫЧНЫЙ

Николай СИЗОВ

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

ИЗ ЦИКЛА «НЕВЫДУМАННЫЕ РАССКАЗЫ»

У ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕРТЫ

В один из вечеров в «Колосе», где они коротали вечер с друзьями, появилась Нинель Белявская. Каштановая копна волос, большие синие глаза, длинные, тяжелые ресницы, стройная фигурка — все это, как громом, поразило воображение Потанина. Он стал деланно весел, громче всех хохотал. Настоял, чтобы ужин закончить изрядным количеством шампанского. Потом шумной компанией ходили по улице Горького, приставали к прохожим, горланили песни. С трудом отговорившись от дружинников, поехали к Нинель. Остаток ночи прошел так же бурно и весело. Наконец приятели разъехались, а Семен остался.

Нинель Белявская оказалась особой с изысканным вкусом. Ей нравились и французские духи и итальянские джерсовые костюмы, японские плащи и австрийские туфли. И все это она без труда доставала через каких-то своих знакомых и подруг. Но чтобы рассчитываться за элегантные подарки, Семен занимал деньги у всех друзей и приятелей, у всех сослуживцев в тресте, забрал все крохи, что оставались у матери. Наконец эти малые и шаткие источники иссякли. Надо было что-то делать! Но что? Начальник отдела предложил сверхурочную работу.

Это было как нельзя кстати, верный и немалый заработок. Потанин согласился. Можно будет и с долгами рассчитаться и погулять. Правда, недельку, ну, может, две придется поработать вечерами. Позвонил Нинель, объяснил ситуацию. Та одобрила и заверила, что будет все это время сидеть дома. Но когда на второй день поздно вечером Семен заехал к ней, то нашел короткую записку: «Мальчики увезли меня в «Янтарь». Если соскучишься — приезжай».

В «Янтаре» Потанина встретили пьяным веселым гулом и довольно недвусмысленными шутками: «Выдохся старик, на мель сел».

И тут же снисходительно предложили:

— Садись, садись. Чавкай. Разживешься косыми — отпотчуешь.

Потанин сидел мрачный, неразговорчивый и все смотрел, смотрел на Нинель. А она откровенно флиртовала с длинным чернявым парнем, работником какого-то телевизионного ателье. Парень хвастался, что деньги для него — сущая ерунда. Они приготовлены почти в каждой квартире. Ибо нет ничего вечного под луной, а тем более вечных телевизоров.

Потанин смотрел на Нинель, на чернявого парня, на всю компанию своих друзей, и в сердце входили мучительная ревность, зависть, жалость к себе и злость на бездеженье. Взять бы сейчас, думал он, да заказать всем по полному набору. От зернистой икры и маслин до шашлыка или цыплят-табака, от коньяка и «Столичной» до цинандали и шампанского. Вот было бы кутерьмы, суматохи, криков и восторгов! И как бы Нинка удивилась. И как бы вытянулась рожа у этого телевизионщика. Но нет, не может этого сделать Потанин, не может.

Он шел к себе домой мрачный, злой, с опущенными плечами. Его мутило и от выпитого в «Янтаре», и от вероломства Нинель, и от острого недовольства жизнью.

— Тоже мне жизнь,— бормотал он вполголоса.— От получки до получки перебивайся... Да и получка-то что? Два-три вечера посидел — и все.

Потанин думал, что идет один, а сзади, оказывается, вышагивал Федор Чеглаков — его друг-приятель и сослуживец по тресту. Услышав сокрушенное бормотание Семена, Чеглаков с готовностью разделил его мысли.

— Да, ты прав, старик, на сто процентов прав. Чертовщина получается. Кто живет припеваючи, а кто копейки считает.— И после долгого молчания продолжал: — Сережка, брательник, рассказывал — бывает он у своего приятеля-пацана. Вот живут люди! Барахла, разных там драгоценностей полна квартира.

Ничего больше не сказал в тот вечер Чеглаков. И ничего не спросил его Потанин. Но назавтра, когда встретились в столовой, Чеглаков спросил:

— Что сегодня делаем?

— Не знаю пока.

— Заходи, потолкуем.

— Хорошо, зайду.

...Предложение Чеглакова сначала так испугало Потанина, что он чуть не сбежал из комнаты приятеля. Но тот, толкнув его в плечо, усадил опять на диван и стал весело, с шуточками убеждать:

— Чего ты психуешь? Неужели ты такой жидкий? Вот не знал. Дело и верное и тихое, гарантию даю. Конечно, если с умом его провернуть. А это я тебе гарантирую. Дрожать и потеть причин нет. Помнишь дело в Черкизове? Ну, а это будет еще тише.

Да, Потанин хорошо помнил происшествие в Черкизове. Как-то на их компанию случайно набрел подвыпивший толстяк. Было это в сквере недалеко от Преображенской площади. Не прошло и пяти минут, как незадачливый прохожий лежал избитым в кустах. Карманы его были очищены в мгновение ока. Документы и какие-то там ведомости и накладные Чеглаков бросил в почтовый ящик, а солидный денежный куш доставил немало удовольствия их компании.

Правда, с месяц или два Потанин не мог ходить по улицам, не оглядываясь по сторонам. Тревожно спал ночи, при любом стуке в дверь дрожал как осиновый лист. Но то ли толстяк промолчал, то ли милиции не удалось напасть на след «смельчаков», дело заглохло. И друзья потом вспоминали эту историю с удовольствием и дерзко посматривали при этом на милиционера, если он по случаю находился вблизи.

Напоминание Федора о черкизовском случае развеселило Потанина, он плотнее уселся на диване и стал внимательно слушать приятеля. Затем спросил:

— Ну, а если завалимся?

Федор посмотрел на выжидающее, смятенное лицо Семена и, снисходительно усмехнувшись, небрежно процедил:

— Допустим. Хотя это и исключено. Но

Окончание. См. «Огонек» №№ 28, 29.

допустим. Что будет? А вот что: дадут тебе пятишник, а через два-три года домой притопаешь.

— Это как же?

— Да очень просто. Предварительное заключение — день за два, это раз. За примерное поведение — скидка, это два. Скидка же за ударный труд во имя перевыполнения плана по производству какой-нибудь там тары или, допустим, хомутов — это три. А в сумме — условно-досрочное освобождение. Так что даже и при твоем дурацком «а вдруг» ничего такого страшного не предвидится. Мне, правда, посложнее, в случае чего, все припомнят... Но я в те палаты вновь попадать не собираюсь. А ты думай, решай. Конечно, я обойдусь и без тебя, только смотри...

Федор замолчал, и Семен не настаивал, чтобы он продолжал. Он прекрасно его понял. Понял в том смысле, что, если не пойдешь, пеняй на себя, потеряешь редкую удачу. А сболтнешь — опять же плохо: можешь потерять еще больше. Причастность к тайне, как известно, обязывает.

Прежде чем «идти на дело», преступник часто задумывается о последствиях. В нем идет борьба «за» и «против». Начинающий сомневается: надо ли это делать, стоит ли рисковать? У того же, кто идет на преступление не впервой, борьба «за» и «против» идет лишь временная, тактическая. Дело у него решенное, вопрос лишь в том, когда его осуществить, сейчас или при другой, более удобной ситуации.

Но в любом случае человек идет на этот шаг, уверив себя, что все сойдет гладко, следов и улик не будет. Ведь не зря же он все продумал и все предусмотрел. Эта уверенность преступника — его стимул, его опора и надежда, она питает его энергию.

План был выработан в тот же вечер. Во всех деталях. И как ни подвергал его Семен сомнениям, как ни искал прорех и просчетов, должен был признать, что план действительно приемлем во всех отношениях.

— Только ты достань эфир,— наставлял на прощание Чеглаков.

План казался приятелям предельно простым и в то же время хитроумным. Сергей Чеглаков должен прийти после школы к Вите Чернецову и незаметно усыпить его эфиром. Парнишку в эти дни мучал насморк, и он все время нюхал ватку, смоченную в какой-то жидкости. Пузырек с лекарством стоял на кухне, в холодильнике, и он часто посылал приятеля смачивать ватку. На этом и решили все построить. Ну, в самом деле, чего проще смочить вату в эфире? А потом, когда парень уснет, придут они — старший Чеглаков и Потанин. Вот и все. Ходи себе по квартире и выбирай, что нравится. Ну, а выйти? Мало ли людей выходит из пяти подъездов огромного десятиэтажного дома?

Все шло по плану. Уже два раза Сергей Чеглаков бегал на кухню и приносил Вите смоченный в эфире ватный тампон. Но парень не засыпал. Это было и странно и страшно в одно и то же время. Вот-вот придут брат с товарищем, а Витька не спит и не спит. Сергей побежал в третий раз и опять принес вату. Витя запротестовал:

— Не надо так часто.

Но Сергей бесцеремонно сунул ему в нос вату и прикрикнул:

— Нюхай, нюхай, чего там...

Витя удивленно посмотрел на него и, взяв вату, стал нюхать.

В это время раздался звонок в передней. Серега встрепенулся, вскочил. Витя спокойно сказал:

— Это, наверное, мама.— Но, посмотрев на часы, усомнился: — Нет. Рано очень. Она придет позже, к шести. Иди узнай, пожалуйста, может, кто из соседей.

Сергей пошел в коридор, а Витя откинулся на подушку. Что-то дурманило голову, клонило в сон. Но, уловив какой-то шепот, приглушенный разговор в коридоре, он привстал на диване, прислушался. Слышался плаксивый, испуганный шепот Сережки: «Три раза давал, не засыпает»,— и басовитый сиплый шепот в ответ:

— Щенок, не сумел...

Затем послышались тяжелые шаги по направлению к комнате. Витя еще не понял, что произошло и что произойдет, но чувствовал, что к нему идет беда. Он поспешно поднялся с дивана, встал во весь рост и прижался к стене, к ковру, как бы пытаясь вдавиться в стенку, пройти через нее, уйти от этой неотвратимой страшной опасности.

Первым в комнату вошел Федор Чеглаков. Увидев его суженные, выражающие холодную решимость глаза, Витя, смертельно испуганный, закричал:

— Кто вы? Зачем? Не трогайте меня... Я...

Но рука в засаленной перчатке зажала ему рот, опрокинула на диван. Втискивая слабенькое, извивающееся тело паренька в мякоть подушек, Федор приглушенно, сипло и зло крикнул Потанину:

— Бей, бей чем-нибудь.

Семен суетливо заметался по комнате, ища что-нибудь. Взгляд его упал в угол около балконной двери. Там, на коврике, рядом с весами лежали гимнастические гантели. Он быстро, лихорадочно поднял одну из них и показал Федору. Тот, злобно выругавшись, прошипел:

— Бей, идиот... Чего же ты...

Потанин подбежал к дивану, где в цепких руках Федора извивался Витя, и с размаху ударил прямо в всклокоченный хохолок светлых волос, что метался на подушках. Ударил и отпрянул, брызги крови будто отбросили его от дивана... Он замычал что-то нечленораздельное и, утирая лицо и руки белой занавеской, которую ветер услужливо подал ему от балконной двери, судорожно запричитал:

— Что мы наделали, что натворили...

Федор посмотрел на скорченное и затихающее тело мальчика, подошел к Потанину, взял его за ворот ковбойки и резко, рывком встряхнул:

— Теперь поздно канючить. Поздно. Дело сделано. Приди в себя. Выпить бы тебе надо.

— У них есть, на кухне...— проговорил младший Чеглаков.

Он, зорко следивший за всем, что делается на лестничной клетке, только сейчас вошел в комнату и стоял теперь, словно пригвожденный к одному месту, с недоумением смотря на труп приятеля.

— Ну, что ты стоишь? — прорычал на него Федор.— Чего губы развесил? Неси скорее водку. Нюни вы оба, тряпки.

Сергей принес бутылку, накрытую стаканом, отдал брату и хрипловато спросил:

— Ключи-то нашли?

— Нашли, нашли. Ступай к двери. Если что, сразу давай знать.

Он сам налил Потанину водки, тщательно следя, чтобы не перелить лишнего. «Еще опьянеет, возись тогда с ним»,— зло подумал он.

Себе тоже налил полстакана и одним глотком опрокинул в рот. И только тогда спохватился, что орудует бутылкой и стаканом без перчаток. Размахнулся, чтобы выбросить бутылку в окно, но вовремя опустил руку. Можно привлечь чье-либо внимание. Позвал брата и коротко бросил:

— В мусоропровод.

Младший Чеглаков осторожно выглянул в коридор. Никого не было. Он торопливо открыл крышку люка, бросил посуду. Ему было не до того, чтобы прислушиваться, упала ли бутылка на дно мусоропровода.

Через полчаса из дома № 6 в Ключевом переулке вышел молодой человек с большим аккуратным свертком и чемоданом в руках и спокойно направился к станции метро. Минут через пять из того же подъезда вышел еще один человек с двумя чемоданами. Этот направился на стоянку такси и, сев в машину, сразу же уехал. Оба вышли незамеченными.

А еще через несколько минут после их ухода в доме начался пожар. В поднявшейся суматохе никто не обратил внимания на юркнувшего в толпу Сережку Чеглакова.

Так было совершено это преступление.

. . . .

Вот наконец позади и суд.

На столе комиссара милиции лежит большой белый пакет из Верховного Совета республики. Просьба Федора Чеглакова и Семена Потанина о помиловании отклонена. Приговор суда с короткими, предельно суровыми словами — к высшей мере — будет приведен в исполнение.

Майор Дедковский прочитал документ, осторожно положил на место белую согнутую вдвое бумагу и задумчиво проговорил:

— Что ж, я так и думал. Иначе быть не могло.

Потом вдруг попросил:

— Товарищ комиссар, разрешите вызвать Потанина?

— Зачем?

— Хочу побеседовать.

Не было для этого разговора какой-либо служебной необходимости. Фабула дела, как выражаются юристы, была предельно ясна, мотивы преступления установлены и проанализированы. Все касающееся этого дела было хорошо известно Дедковскому. Раньше, чем кому бы то ни было. И все же он решил встретиться с Потаниным. Именно с Потаниным. Чеглаков был для него ясен. Чеглаков пришел к концу пути, который избрал сам. А Потанин? Может быть, есть у него что-нибудь несказанное, оставленное в глубине души? Может быть, он может сказать что-нибудь такое, что еще полнее объяснит происшедшую трагедию?

И вот Семен Потанин в кабинете Дедковского.

С той первой встречи, когда их привезли с вечеринки, запомнились длинные, черные, «языком» подстриженные волосы, возбужденно блестевшие, тревожно бегающие, но полные жизни глаза, аккуратные, с ухоженными ногтями руки.

Сейчас перед майором сидел совсем другой человек. Перемена произошла не только во внешности. Да, конечно, и голова у него была острижена наголо, и выбрит хуже, чем тогда, и лицо было похудевшим и бледным. Все это было. Но поражало другое. Его глаза. Его речь. Это были глаза не молодого человека, а глубокого старика — тусклые, безжизненные. Он с трудом переводил взгляд с одного предмета на другой. Речь стала вялой, медлительной, отрывистой. Фразы не вязались одна с другой, рассыпались. Набор слов был удивительно однообразен. Говорил он, почти не разжимая губ, тихо, и приходилось напрягать слух, чтобы уловить смысл, понять значение слов, их связь между собой.

Он автоматически, видимо, без каких-либо вкусовых ощущений выпил чашку кофе, вяло, скованным движением закурил сигарету. Казалось, затея говорить с ним бесполезна. Вряд ли можно вывести его из этого состояния, расшевелить, заставить выйти хоть на время из тупого оцепенения. Хоть бы разозлился, озлобился, дал волю своим чувствам. Так бывает у иных преступников — то упадет в обморок, то начнет симулировать потерю речи или памяти, то вдруг начнет разыгрывать из себя сумасшедшего. Но Потанин больше молчал и безучастно, бездумно смотрел в одну точку. Вошедший в кабинет дежурный положил на стол майора отпечатанную на машинке бумажку: «Осужденному разрешено свидание с матерью. Может, сообщить ему?»

Дедковский согласно кивнул и проговорил:

— Осужденный Потанин, вам разрешено свидание с матерью.

Потанин недоуменно взглянул на майора. Эти слова дошли наконец до его сознания. Бледные, впалые щеки стали покрываться румянцем. Он вдруг торопливо заговорил:

— Не надо, не надо! Ни в коем случае! Я не пойду на свидание! — жестко, почти истерично прокричал он и опять вдруг сник, опустил плечи и добавил, как бы объясняя: — Так и мне и ей будет легче...

От свидания с матерью он отказался наотрез. Но возбуждение, вызванное напоминанием о ней, как бы оживило его, он стал более разговорчив, хотя речь его оставалась по-прежнему отрывистой и сбивчивой. Говорил с паузами, две-три фразы — молчание. Иногда молчит долго, уткнув руки в колени, и мерно, бездумно качается взад и вперед. Потом выдавит из себя слово, обрывок фразы, междометие, и, чтобы понять его, прихо-

дится мысленно собирать, связывать сказанное, будто склеивая куски разбитого стекла.

— Мать... любила меня... очень. В тресте тоже... хорошо было... Иван Терентьевич — начальник отдела, поругивал за поведение, а за работу хвалил. Быстро, говорит, подсчеты делаешь, что-то вроде счетной машины.

Сказав это, Потанин поднял свои желтовато-серые руки к глазам, долго разглядывал их и потом безвольно, со вздохом опустил на колени. В какой-то момент на лице Потанина промелькнула еле-еле заметная тень. Из коротких фраз стала понятной причина.

Оказывается, Потанину вдруг вспомнилась Катя Баталова, оператор из бухгалтерии. Она, пожалуй, больше всех беспокоилась за него. Все уговаривала, увещевала. Многие в тресте, видя помятую физиономию Потанина, понимающе и с иронией улыбались, она же напустилась на него:

— Опять с Бахусом знался! И что ты, Потанин, за человек? Ну, просто удивительно! Честное слово, за тебя всерьез надо браться.

Потанин отмахивался от нее, как от осенней мухи. Но как-то раз, когда она опять отпустила по его адресу шпильку, осклабился кривой ухмылкой, дохнул водочным перегаром и предложил:

— Что, очень хочется поруководить мной? Приходи вечером к нам в отдел, никого не будет. Там все и обсудим...

Потанин и сейчас поежился, вспомнив, как гневно вспыхнули глаза Кати и как она сквозь слезы обиды воскликнула:

— Какой же ты, Потанин, оказывается, грязный...

И все-таки Потанин вспоминал сейчас Катю Баталову как далекий, далекий сон, вспоминал с неизменным чувством щемящей сердце нежности. Она явственно и рельефно вставала перед ним — тоненькая, в подпоясанном халатике, с копной взбитых, туго перевязанных синей ленточкой волос...

За окнами сверкала вечерними огнями Москва. Сквозь ажурную листву бульваров проглядывалась улица Горького, толпы гуляющих по ней. По комнате метались зеленые, оранжевые, розовые блики. Потанин подошел к окну и долго жадно всматривался в посеребренные прожекторами дома, в сверкающий поток машин, в неоновые буквы вывесок и реклам магазинов, с каким-то лихорадочным трепетом следил за потоком молодежи на тротуарах. И вдруг, облокотившись на подоконник, истерично, с какими-то стонущими всхлипываниями заплакал.

Дежурный отвел его от окна, усадил в кресло, подал стакан.

— Воды вот выпейте.

Потанин не мог успокоиться. Положив голову на руки, он плакал навзрыд, громко, не сдерживаясь. Сквозь эти рыдания неожиданно выдавил из себя:

— Мы называли ее... улицу Горького — Эрзац-Бродвей...

И опять обрывки слов.

Им, видите ли, не нравилось все. И наш город и его улицы. И костюмы без иномарок не нравились и наши машины. Не нравилось то, что надо ходить на работу. Не нравились рестораны потому, что рано закрывались.

И вот теперь, когда все, что окружало Потанина, уходило от него, уходило навсегда, он понял, что оно было чудесным и дорогим. И дом, в котором жил, совсем не халупа, а нормальный современный дом, и соседи по дому и по работе, с которыми раньше он даже забывал здороваться,— хорошие, приветливые люди.

Все вдруг осветилось как бы другим светом, предстало в каком-то другом измерении. Он с мучительной, режущей сердце ясностью понял, что все это было настоящей жизнью, прекрасной и светлой, что он мог, мог жить, как все, как эти люди, что ходят сейчас по улицам, по бульварам и скверам города. Мог утром пойти на работу, вечером сходить в кино, или на стадион, или в эти сияющие приветливыми огнями рестораны и кафе.

Мог, мог, мог... Но теперь уже не сможет. Будут ходить другие, но не он. Для него уже все это не существует. Точнее, он уже не существует ни для кого и ни для чего. Он уже вне жизни.

Потанин поднял глаза — серые, будто пепел, от смертельного, животного страха — и глухо, с еще теплившейся надеждой, ожидая ответа и боясь его, спросил:

— Скажите, неужели... вышка... ну, высшая мера... у нас есть?..

И тут же пояснил:

— Чеглаков всегда говорил, да и другие тоже, что это так, чтобы боялись...

Дедковский вздохнул:

— К сожалению, есть. Есть пока высшая мера. Раз есть такие, как вы, Потанин, и как Чеглаков, должна быть и высшая мера...

Потанин не удивился, он уже понял, что искру надежды в душе своей поддерживал и подогревал напрасно. После долгого молчания глубоко вздохнул и, не поднимая глаз, тихо, но твердо, с какой-то отчаянной и суровой серьезностью проговорил:

— Если бы позволили жить, согласен хоть тридцать, хоть пятьдесят лет... на хлебе и воде сидеть, камни ворочать, на голых нарах спать. Только бы жить...

Уходил он медленно, тяжелой, шаркающей походкой. Еще долго после его ухода в комнате стояла тягостная, гнетущая тишина.

Только что здесь сидел человек, который скоро умрет. Что-то вроде жалости шевельнулось тогда в душе Дедковского. Но сразу же вспомнилось другое. Маленький мертвый человечек на диване с застывшим от удивления и ужаса лицом — Витя Чернецов, его родители — отец и мать, обезумевшие от страшного горя.

Те, кто знал их до трагедии, говорят, что это были жизнерадостные, совсем не старые еще люди, много и любовно трудившиеся, заботливо и нежно растившие своего единственного сына. Смерть Вити изменила их неузнаваемо и навсегда. На суде это были уже согбенные горем, безмерно несчастные старики. Только горячее участие близких людей, товарищей и сослуживцев и надежда, что гибель их сына будет отомщена, поддерживали в них жизнь.

И жалость к Потанину, вдруг, на какую-то секунду закравшаяся в душу майора, исчезла и больше не возвращалась.

Дежурный, словно поняв его мысли, брезгливо, двумя пальцами взял пачку сигарет, положенную перед Потаниным, который только что сидел здесь, у стола, и выбросил ее в мусорную корзину.

Да, Потанину уже ничем нельзя было помочь, да и не надо было этого делать. И он и Чеглаков сами лишили себя права на жизнь.

* * *

Долго майор Дедковский и супруги Чернецовы сидели на садовой скамейке Тверского бульвара. Говорили о многом и разном — о московском, капризном в этом году лете, о том, что скоро здесь вырастет новое здание МХАТа, о том, что все-таки нет, пожалуй, лучше памятника Пушкину, чем вот этот — опекушинский.

Вспомнили и о событиях в Ключевом переулке. Сначала Дедковский опасался затрагивать эту тему, чтобы не ворошить старую боль. Но Чернецовы не обиделись, не ушли от разговора. Сердца их были переполнены этим горем до краев, помнили они о нем поминутно, и ни ослабить, ни усилить его было уже нельзя.

Именно это обстоятельство и вооружило майора некоторой смелостью. Он мягко, осторожно стал говорить о том, что нельзя без конца мучить себя переживаниями, что зло наказано, что им надо беречь себя. Он понимал, что поступает самонадеянно, беря на себя роль советчика этим сдержанным, прожившим немалую жизнь людям, но их убитый, отрешенный вид толкал его на это. Они слушали молча, не прерывая. Потом обменялись взглядами, и Леонид Александрович мягко ответил:

— Спасибо за совет, за участие. Спасибо. Но должен сказать вам, что живем мы не только своим горем. Мы... работаем. Я консультант... — он назвал одну из внешторговых организаций.— Валя по-прежнему в библиотеке. Мы пока еще в пенсионеры не вышли,— попытался улыбнуться он и потом, согнав с лица это подобие улыбки, тихо, как бы вслушиваясь в свои слова, проговорил:

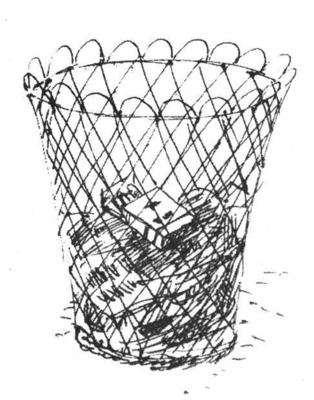
— Зло наказано, это верно. Но надо, чтобы такого... у нас не было... совсем не было. Это можно сделать, если все будут помнить, что все начинается с малого... И такие ужасные преступления — тоже.

Простившись с Дедковским, они пошли по бульвару, медленно, не спеша, перебрасываясь редкими фразами. Два нестарых еще человека, переживших одно из самых тяжких несчастий, которые могут выпасть человеку в жизни.

Велико горе людей, потерявших своих близких на полях сражений за родную землю, в схватке с разбушевавшейся стихией или от болезни, еще не побежденной наукой. Но во сто крат горше, когда такая беда приходит к людям от злого умысла выродков, потерявших человеческий облик.

Какой мерой измерить горе Чернецовых? Какими средствами облегчить их постоянную и безмерную скорбь? Ведь она будет с ними спутником до конца дней.

— Да. Такого у нас не должно быть,— повторил про себя майор Дедковский слова Чернецова и долго сидел задумавшись. Потом встал, посмотрел на часы и торопливо зашагал вверх по бульвару, к Петровке.



СЛАВНАЯ ФАМИЛИЯ: СТАСОВЫ!

Николай КРУЖКОВ

В этом году исполнилось двести лет со дня рождения замечательного зодчего, одного из столпов русского архитектурного классицизма, Василия Петровича Стасова, и 145 лет со дня рождения его сына — Владимира Васильевича Стасова, пламенного критика, борца за народность русского искусства, стоявшего у колыбели великих мастеров живописи, скульптуры и музыки нашего отечества, пестовавшего Репина и Антокольского, Перова и Верещагина, Мусоргского и Бородина, громом своего красноречия, блеском своего неистового пера защищавшего их от всяческих нападок, пролагавшего им творческий путь.

Да и не будь этих дат, этого повода, всегда можно и должно вспоминать людей, давших России так много, составивших одной своей фамилией — Стасовы! — плеяду славных имен на небосклоне русского искусства, русской культуры и русской общественной жизни.

Василий Петрович Стасов — современник и ученик Казакова, Баженова, Старова, Захарова, Воронихина — давно ушел из жизни, но сделанное им осталось, живет и радует человека. На Марсовом поле в Ленинграде стоит великолепное здание бывших казарм Павловского полка. Это менее всего утилитарное сооружение. Современники рассматривали его как памятник подвигам русских войск на полях сражений с Наполеоном. Здание восхищает соразмерностью и строгостью своих линий, идейно-художественной выразительностью. Зодчий передал в нем чувство национальной гордости, запечатлел в камне достоинство и силу народа, отразившего неслыханное нашествие. Триумфальные ворота у Московской заставы в Ленинграде, сооруженные Стасовым, хранят в себе черты мужественной величавости, являясь, по выражению Щусева, «лебединой песнью мастера, сохранившего до преклонных лет всю силу своего выдающегося таланта».

Он пламенно любил Россию и верил в нее. Еще в 1807 году Василий Петрович, говоря о Наполеоне, писал своему другу Полторацкому: «Я себя предал бы на все ужасы войны охотно, с радостью, без малейшей робости, чтобы только эта ехидна не могла малейше вредить моему любезному отечеству». Современники знали его как человека великодушного, доброжелательного, высокообразованного, с широким кругом интеллектуальных интересов. Вокруг него создавалась жизнь, полная честности и правды.

В этой обстановке росли и его дети.

Владимир Васильевич Стасов бесконечно любил своего отца и, что еще важнее, глубоко уважал его. Атмосфера света, знаний, талантливости и добра, в которой жила семья Стасовых, дала свои прекрасные плоды. От отца перешла к сыну любовь к России.

Поэт С. Маршак посвятил Владимиру Стасову волнующие строки:

При этой жизни в даль и глушь
Был сослан цвет России.
При ней страницы «Мертвых душ»
Печатались впервые.
Ей рубежами служат две
Немеркнущие даты —
Год двадцать пятый на Неве
И год девятьсот пятый.
. . . .
Полвека нет его на свете,
Но он такой прорезал путь,
Что, вспомнив прошлое столетье,
Нельзя его не помянуть.

И, восхищаясь мастерством и силой художников-передвижников, создавших необыкновенную летопись русской жизни, с глубокой радостью слушая музыку Мусоргского, Бородина, Римского-Корсакова, Балакирева, мы помним, знаем, что их любящей и строгой нянькой был человек богатырской силы и мощного духа — Владимир Васильевич Стасов. Это было время, когда гордые слова Ломоносова о том, что российская земля может рождать «собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов», многими рассматривались как романтическое, но беспочвенное речение старинного пиита, когда искусство почиталось благородным лишь в том случае, если оно драпировалось в тогу привычной классики, доставленной нам из-за рубежа, когда все свое, русское казалось низменным, маловажным, ничтожным.

И вдруг раздался громовой голос Владимира Стасова: «Только то и искусство великое, нужное и священное, которое не лжет и не фантазирует, которое не старинными игрушками тешится, а во все глаза смотрит на то, что везде вокруг нас совершается... Только там и есть настоящее искусство, где народ чувствует себя дома и действующим лицом; то только и есть искусство, которое отвечает на действительные чувства и мысли, а не служит сладким десертом, без которого можно и обойтись».

Гром пошел по пеклу! Как только не обзывали Стасова: атеист Аполлона, труба иерихонская, грубый вандал красоты, Вавила Барабанов, мамаева дубина. Небезызвестный Буренин назвал его тараном. «Его бы устами да мед пить!» — воскликнул Стасов в ответной статье и добавил: «Но, мне кажется, против г. Буренина не нужны «тараны». Что он за крепость, что за твердыня? С него будет и метлы да корзинки, которыми убирают грязь и навоз с улицы». А одного своего оппонента, Дьякова, Стасов прибил к земле звучной фразой: «Укус клопа не опасен, только вонь от него отвратительна».

Но, может быть, В. В. Стасов и в самом деле был ограничен в своем восприятии прекрасного? Может быть, привязанность к русскому, национальному закрывала ему глаза? Илья Ефимович Репин в своих воспоминаниях рассказывает, как, путешествуя по Италии вместе с ним, Владимир Васильевич увидел в Капитолийском дворце статую Афродиты. «Она была как живая, ни малейшей рутины не чувствовалось в этом реальнейшем образе живой красоты...» Владимир Васильевич пришел в такой восторг, что сейчас же «подставил близко к богине табурет, вскочил на него и влепил Афродите страстный поцелуй».

Не с красотой классики боролся Стасов, а с рутиной, с рабским подражанием!

В стремительном, пылком и необычном выражении своего восторга перед статуей Венеры весь Стасов, юноша до старости лет, вся его кипучая личность, очень колоритная и очень национальная. Описывая Владимира Стасова в речи, посвященной 100-летнему юбилею со дня его рождения, А. Н. Римский-Корсаков, сын композитора, говорил, что в нем были щедро представлены свойства размашистой русской натуры, нашедшей прекрасное выражение в известном стихотворении Алексея Толстого:

Коль любить, так без рассудку,
Коль грозить, так не на шутку,
Коль ругнуть, так сгоряча,
Коль рубнуть, так уж сплеча.

Его обвиняли в тенденциозности; он отвечал, что всякое истинное искусство всегда было тенденциозным, в том числе и искусство древних греков. Тезис Чернышевского «прекрасное есть жизнь» он воспринял всем своим пылким сердцем. Революционные демократы — Герцен, Белинский, Чернышевский — определили его идейный настрой. У него была удивительная способность находить талантливое и сильное. А найдя талант, он влюблялся в него и со всей яростью защищал от ложной критики, направлял на правильный путь, если нужно, бранил, если нужно, пел осанну. В сущности, он никогда не писал просто так, перо его никогда не было спокойным — он сражался, бросал или принимал вызовы, рубил, колол, крушил, стрелял из пушек, подбодрял, развивал, просвещал, бранился ожесточенно и хвалил восторженно. Случалось, что хватал через край, ошибался, но в смущение никогда не впадал, снова садился на своего огненного коня и устремлялся в бой. Казалось, что в его жилах течет не кровь, а расплавленный металл.

Был он собой огромен, могуч, силен, громогласен, с бородой, развевающейся, как хоругвь,— истый богатырь с виду, Илья Муромец. И при этом всегда оставался добрейшим ребенком, к которому льнули все, с кем он только не соприкасался.

Он был прекрасным музыкантом и страстно любил музыку. По его предложению возникли такие произведения, как опера «Князь Игорь» Бородина, «Хованщина» Мусоргского, «Садко» Римского-Корсакова, «Анджело» Кюи. Бывало так, что он буквально сидел на шее у своих друзей и трепал их и требовал, чтобы они работали. Еще Глинка жаловался на тогда совсем молодого критика: «Стасов больно пристает: пиши да пиши».

Владимир Васильевич страшно бранил Мусоргского, когда он своих раскольников в «Хованщине» решил сделать аристократами.

«Какой черт пихает вас? Кто же, наконец, из всех ваших персонажей будет не князь и не а р и с т о к р а т, кто будет прямо из н а р о д а?.. Из избы, деревни и поля, от сохи и прялки, от тяжелой, давящей работы и с мозолистыми руками».

Мусоргский нежно почитал своего наставника. В одном из своих писем к Стасову он говорил: «Никто жарче Вас не грел меня во всех отношениях; никто проще и, следовательно, глубже не заглядывал в мое нутро; никто яснее не указывал мне путь-дороженьку. Любы Вы мне — это Вы знаете; люб и я Вам — это я чую...»

Стасова называли художником без портфеля... Может быть, это и верно. Он сам не рисовал, не лепил, не писал опер. Но он был творцом по своей натуре, ваятелем, формовщиком художественной жизни, могучим ее организатором, сказали бы мы теперь. Высокообразованный человек, ученый — библиограф и библиофил, полиглот, обладавший глубокими, разносторонними знаниями, он всю свою жизнь, все сердце отдал русскому искусству и двинул его вперед.

На 70-летнем юбилее Владимира Васильевича было получено послание от одного из его почитателей, в котором говорилось: «Глядите, молодые люди, на Владимира Васильевича Стасова и кланяйтесь ему, да не головой только, а всей поясницей кланяйтесь! Поклонитесь ему и учитесь на нем!»

По выражению И. Е. Репина, Владимир Васильевич Стасов «совершил свой земной круг большой блестящей звездой».

И это правда! Умер он восьмидесяти двух лет, в 1906 году, а память о нем до сих пор свежа и след его жизни отчетлив!

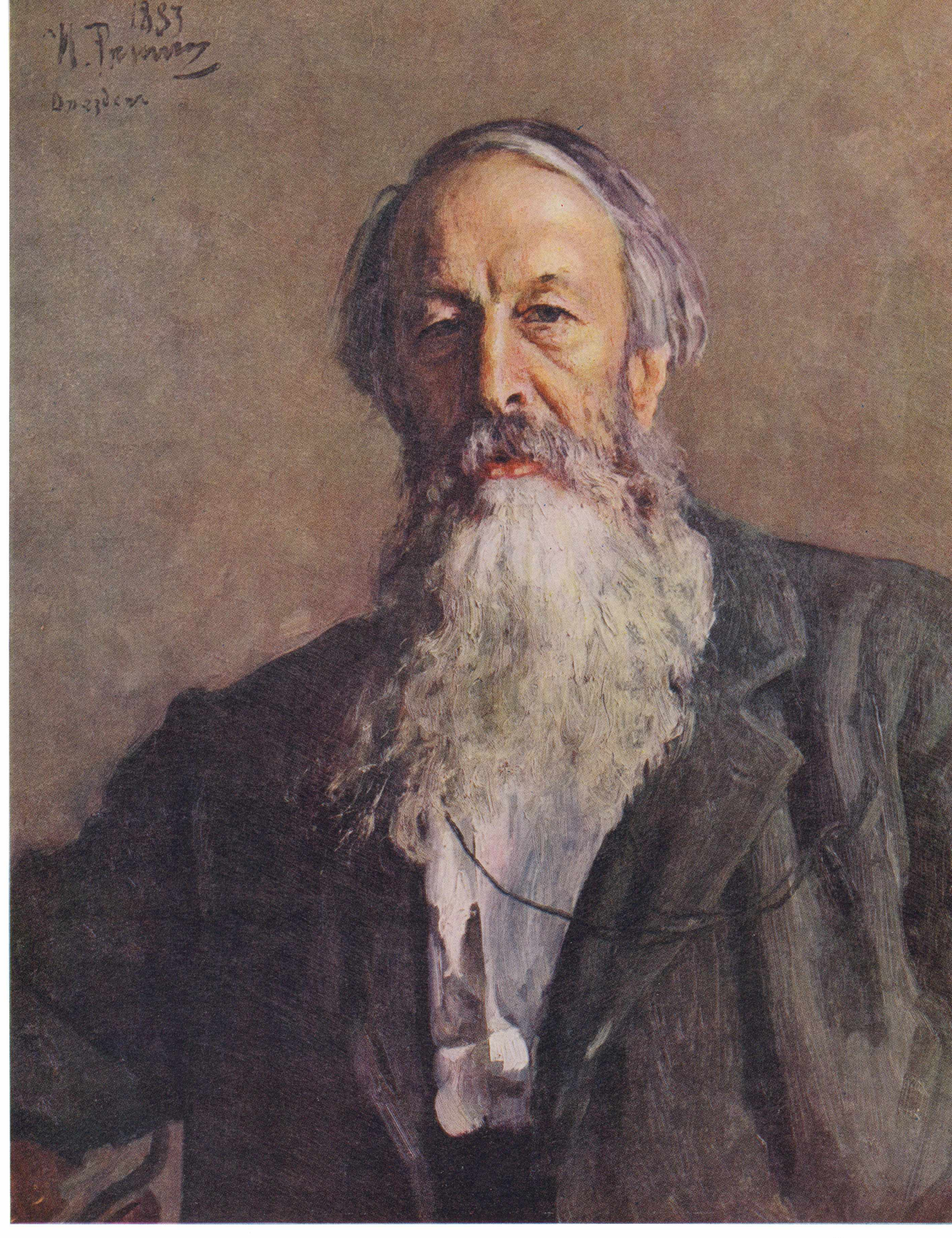
Сын умножил славу отца. Владимир Васильевич Стасов, критик и борец, вплел золотые ветви в венок на могиле Василия Петровича Стасова, прекрасного русского зодчего.

Но и другие дети архитектора были замечательными людьми, о которых следует рассказывать, чтобы все о них знали.

Старшая сестра Владимира Васильевича, Надежда Васильевна, была одним из борцов за высшее образование для женщин, учредительницей высших женских курсов — Бестужевских. Младший брат, Дмитрий Васильевич, видный юрист, защищал Каракозова на судебном процессе, дружил с Глинкой, был крупным общественным деятелем.

Дочь Дмитрия Васильевича, Елена Дмитриевна Стасова, племянница Владимира Васильевича, внучка Василия Петровича,— соратница Ленина, член КПСС с 1898 года. Она умерла совсем недавно, и многие помнят ее как пламенную большевичку, организатора масс, прекрасного человека, известного всей партии своей героической жизнью.

Какая славная фамилия — Стасовы!



И. Репин. ПОРТРЕТ В. В. СТАСОВА. 1883. Государственный Русский Музей.

Ф. Васильев. 1850—1873. В КРЫМСКИХ ГОРАХ. 1873.

Государственная Третьяковская галерея.

Заседает редколлегия журнала «ЛОТОС»

Недавно в Москве состоялось первое заседание редакционной коллегии журнала афро-азиатской ассоциации писателей «Литература Африки и Азии». Журнал был создан во исполнение решений конференций писателей стран Азии и Африки, состоявшихся в Ташкенте, Каире и Бейруте.

За это время вышли 1-й, 2—3-й (сдвоенный) номера журнала. Сейчас в производстве находятся 4-й и 5-й номера. Редакция журнала помещается в столице Объединенной Арабской Республики — городе Каире. Журнал выходит на арабском, английском и французском языках. По дружескому предложению писателей Германской Демократической Республики журналы на английском и французском языках печатаются в ГДР. На арабском языке — в Каире. Создание и выпуск такого журнала, объединяющего прогрессивных писателей двух великих континентов, является большим и важным событием. Редколлегия журнала по решению III конференции писателей стран Азии и Африки, состоявшейся весной 1967 года в Бейруте, составлена из писателей двух континентов. Главным редактором журнала является генеральный секретарь Ассоциации писателей стран Азии и Африки, известный писатель Юсеф эс-Сибаи, заместитель редактора — литературный критик и драматург Мурси Саад эд-Дин. Двухдневное заседание, прошедшее в Москве под председательством Юсефа эс-Сибаи, прошло очень оживленно, деловито и выявило полное совпадение взглядов у членов редколлегии этого уникального, впервые в истории созданного такого литературно-художественного журнала, члены редколлегии которого находятся друг от друга на тысячи километров.

Были высказаны мнения, что в журнале должны печататься произведения, в которых ярко выражены идеи борьбы с империализмом, колониализмом и неоколониализмом; показаны жизнь и борьба народов Азии и Африки за свою свободу и независимость. Журнал также должен рассказывать об исторических и культурных ценностях народов Азии и Африки. В журнале должна быть острая публицистика, статьи, разоблачающие враждебную борьбе народов Азии и Африки идеологию. (Выступления участников этого заседания мы публикуем в этом номере журнала в сокращенном виде.)

На заседании были обсуждены также вопросы распространения журнала.

Монгольская писательница Сономын Удвал внесла предложение об издании журнала на русском языке. Это предложение было горячо поддержано участниками московской встречи. Было также внесено предложение об изменении названия журнала. Все члены редколлегии единодушно решили, чтобы в дальнейшем журнал назывался «Лотос». Известный индийский писатель Мулк Радж Ананд так мотивировал это предложение: «Уже три тысячи лет с этим цветком связаны поэтические ассоциации. Это очень красивый цветок, корнями своими уходящий глубоко в почву. Он всегда для народов Азии и Африки символизировал пробуждение, для наших стран он является символом пробуждения».

Редколлегия журнала «Лотос» решила второе свое заседание созвать в декабре 1969 года в Каире.

Собравшихся в Москве писателей Азии и Африки приветствовал секретарь правления Союза писателей СССР узбекский писатель Камиль Яшен.

По приглашению писательских организаций Казахстана и Узбекистана члены редколлегии журнала «Лотос» побывали в Алма-Ате и Ташкенте, где познакомились с жизнью двух советских республик.

В Алма-Ате писатели были приняты кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС, первым секретарем ЦК Компартии Казахстана товарищем Д. А. Кунаевым, а в Ташкенте — кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС, первым секретарем ЦК Компартии Узбекистана товарищем Ш. Р. Рашидовым.

В Ташкенте к гостям советских писателей присоединился член редколлегии журнала Махмуд Сулейман, представляющий писателей Судана.

Встречи в Москве, Алма-Ате и Ташкенте, как сказала писательница Южной Африки Занеле Дламини, «наполнили наши сердца еще большим чувством единства и уверенности в высокой роли литературы, служащей интересам своих народов».

Советские писатели также надеются, что журнал «Лотос» будет служить высокому делу братства народов, станет организующим центром борьбы писателей Африки и Азии за свободу и независимость своих народов.

Нам бы также хотелось особо отметить благородную роль в издании журнала «Лотос» писателей Объединенной Арабской Республики.

Член редколлегии журнала «Лотос»

А. СОФРОНОВ

Камиль **ЯШЕН**

(СССР)

В наше время в решении проблемы войны и мира огромная роль принадлежит писателям — выразителям дум и чаяний народа, их активным совместным действиям. Массовые акции сторонников мира и участников различных антивоенных движений принесли конкретные и важные результаты в борьбе за срыв агрессивных планов империалистических кругов.

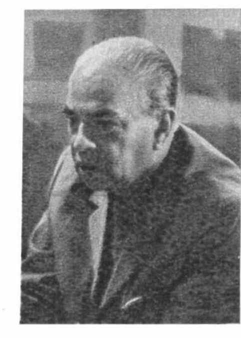
Сейчас, когда американская агрессия против вьетнамского народа еще продолжается и воинствующие правители Израиля, отказываясь вывести войска с оккупированных территорий арабских государств, усиливают напряженность на Ближнем Востоке, когда греческая военная хунта грубо подавляет демократию, мы, литераторы, должны сплотить свои ряды. Дружба, сотрудничество, солидарность, единство прогрессивных писателей являются лучшей гарантией наших дальнейших успехов, усиления их влияния на развитие международной обстановки.

Недавно закончившееся московское Совещание коммунистических и рабочих партий еще раз подтвердило необходимость активной борьбы против империализма, непременным условием которой является сплоченность прогрессивных сил мира.

Я с удовольствием отмечаю, что члены редколлегии нашего журнала — прогрессивные писатели Азии и Африки, стоявшие у истоков нашего движения, с неослабевшим энтузиазмом продолжают свое благородное дело.

Дорогие друзья, дорогие гости, примите наши горячие пожелания больших успехов в работе редколлегии журнала. Надеемся, что этот журнал будет могучим орудием в руках писателей стран Азии и Африки в борьбе за независимость, за мир, за социальный прогресс.

●



Мулк Радж **АНАНД**

(Индия)

Я очень счастлив тем обстоятельством, что журнал начал выходить. Я уже много лет издаю свой журнал в Индии. Мне пришлось бороться за существование моего журнала в крайне трудных условиях. Я бы сказал, что по сравнению с ними те условия, которые созданы для нашего афро-азиатского журнала, гораздо лучше. У нас есть все возможности для того, чтобы начать издавать динамический, воинствующий журнал, который бы показал пробуждение личности в Азии и Африке и выражение этого пробуждения в поэзии и прозе.

Я считаю, что у нашего журнала есть одно огромное преимущество: он может взять на себя смелость сказать о тех вещах, о которых Британское содружество наций молчит. И, таким образом, он может позволить себе выразить мнение, недоступное другим журналам.

Насколько мне известно, второго аналогичного журнала пока на свете нет, поэтому я полон надежд.

В деле распространения журнала очень большую роль будет играть его содержание. Следует рассмотреть вопрос об издании одного специального номера в год. Я всегда собираю рассказы и стихи вьетнамских писателей; и я хотел бы предложить выпустить специальный вьетнамский номер, на будущий год — специальный номер о борьбе арабских народов против агрессии Израиля, а также о борьбе партизан Мозамбика и Португальской Гвинеи.

●

Эйсуке **НАКАДЗОНО**

(Япония)

Я, безусловно, тоже согласен с господином Анандом, который сказал, что одним из важнейших условий обеспечения распространения журнала является его содержание.

Позвольте мне в кратких словах передать мнение моих коллег о содержании уже вышедших номеров.

Мы обнаружили в этих журналах явные свидетельства огромных усилий редакции, находящейся в Каире. Они отражены в самом содержании.

Мы получили два номера и рецензию на содержание первого номера поместили в японском журнале. Один специалист по литературе выразил наше общее мнение, сказав, что там помещены прекрасные вьетнамские стихи.

Мы были тронуты тем, что вьетнамские писатели, находящиеся сейчас в столь тяжелых условиях, сохранили способность создавать произведения, полные прекрасных чувств.

Кроме того, высокую оценку получили помещенные в журнале произведения Мухаммеда Диба и Малека Хаддада, а также статьи, написанные ливанским писателем Адонисом. Статьи этого автора касаются проблем, чрезвычайно близких проблемам, стоящим перед движением писателей Азии и Африки.

Высокую оценку получили у нас и многие другие интересные материалы, помещенные в журнале.

●

Мулуд **МАММЕРИ**

(Алжир)

Значительная часть прогрессивных писателей Азии и Африки заинтересована в контакте с нашим журналом. Я очень хорошо их знаю, поэтому мог бы наладить контакт со многими из них.

Думаю, что распространение журнала в значительной степени зависит от содержания. Содержание журнала должно соответствовать задачам, стоящим перед народами Африки и Азии.

Хусейн
МУРУВВЕ
(Ливан)

Просмотрев ряд названий произведений и список авторов, можно с уверенностью сказать, что подбор материалов для будущих номеров журнала сделан очень хорошо.

Перед нами стоят две проблемы — форма и содержание. Глубокое содержание должно быть выражено в соответствующей форме. Поэтому нам следует выбирать произведения тех писателей, которые имеют уже известное имя.

В дальнейшем мы будем опираться на то, что пишется специально для журнала, на новые произведения, но вместе с тем мы должны перепечатывать и то, что издается в других странах. Я считаю, что перепечатка произведений из других источников должна остаться нашим принципом.

●

Сономын
УДВАЛ
(МНР)

Наш журнал имеет большую будущность. И, может быть, через некоторое время писатели афро-азиатских стран будут благодарны нам, нескольким людям, которые предоставили борющимся прогрессивным писателям возможность ознакомиться с жизнью других континентов, с творчеством других писателей.

Поэтому я и мои коллеги в нашей стране с большим удовольствием будем и далее участвовать в работе нашего журнала.

Я хочу прежде всего выразить просьбу, желание монгольских писателей и читателей: надо выпускать этот журнал и на русском языке. Если журнал не будет издаваться на русском языке, мы не сможем достичь больших успехов в его распространении.

Мечтаю я и о том, чтобы этот журнал начал печататься на монгольском языке.

О первых номерах журнала, которые мы получили на английском, французском и арабском языках, у нас хорошие отзывы. В дальнейшем мы будем постоянно присылать материалы.

●

Занеле
ДЛАМИНИ
(ЮАР)

Мои коллеги передают горячий привет участникам этого совещания.

К сожалению, они не смогли приехать и уполномочили меня выразить их мнение по поводу журнала.

Особенно довольны они оформлением и содержанием второго номера.

Поскольку журнал преследует цель выявления молодых дарований, новых писателей, его нужно лучше рекламировать, особенно в Африке, где много литературы, которую можно популяризировать через наш журнал.

Нужно усилить распространение журнала в африканских странах. Особенно это важно для тех писателей, которые по ряду причин не могут жить на родине. Они могли бы пользоваться трибуной журнала для того, чтобы проникать на родину.

Я привезла с собой несколько рассказов и стихотворений. Было бы желательно, чтобы эти произведения были напечатаны в журнале.

●

Юсеф
эс-СИБАИ
(ОАР)

Дорогие друзья!

Позвольте от имени редколлегии журнала выразить нашу признательность Союзу писателей СССР.

Мы очень признательны за то, что нас пригласили сюда, за то, что было сделано все, чтобы наше заседание проходило успешно.

Нам необходимо найти способ получения в рукописях тех вещей, которые еще не публиковались. При этом надо учитывать, что даже когда мы брали уже опубликованные материалы, нам приходилось очень много работать с ними: ведь они переводятся на два дополнительных языка, не говоря уже о том, что нужно следить за содержанием журнала, за тем, чтобы каждый номер представлял в какой-то мере панораму развития литературы в Азии и Африке.

«Афро-азиатской литературе» почти никогда не удается найти антологию, которая вся была бы на одном языке и собрана в одной книге. Таким образом, даже эта работа, которая на первый взгляд может показаться простой перепечаткой, на самом деле публикация заново, требующая очень серьезной подготовки.

Поэтому мне представляется таким ценным мнение, высказанное здесь господином Накадзоно из Японии. Это значит, что мы работаем не зря, наша работа получает отклик, если пока не во всем мире, то в афро-азиатских странах.

Что касается конкретного предложения, которое было сделано госпожой Удвал, об издании журнала на русском языке, то я целиком это поддерживаю. Я думаю, что не следует ограничивать издание этого журнала только тремя языками. Дело в том, что не все человечество говорит на одном из этих трех языков. От наших немецких друзей поступило предложение издавать журнал на немецком языке. Есть также идея об издании журнала на испанском языке для Латинской Америки.

Мне кажется, что начать издание журнала на других языках надо именно с русского языка. Я думаю, что Союз писателей СССР не лишит миллионы читателей удовольствия читать журнал на русском языке.

Надо печатать лучшие произведения писателей Азии и Африки для всего мира. Только так мы сумеем познакомить мир с нашим прошлым, великой цивилизацией, с тем, что происходит в наших странах сегодня.

На мой взгляд, это благодарная и великая задача.

В заключение разрешите поблагодарить наших советских друзей, наших любезных хозяев за их колоссальную энергию, за участие в деятельности редакционной коллегии журнала и в Постоянном бюро афро-азиатских писателей.

Фото А. Гостева.

ПРОТИВ ЧЕГО

Письмо в редакцию

Нас побуждает обратиться в редакцию журнала «Огонек» то обстоятельство, что в течение последнего времени в печати появились выступления, дающие искаженное, а порою умышленно извращенное толкование позиции журнала «Молодая гвардия». Используя некоторые промахи отдельных авторов, иные критики на этом основании стремятся перечеркнуть всю линию журнала, очернить его программу в целом. Идеологический, а иногда прямо политический характер обвинений в адрес журнала — все это, бесспорно, не может и не должно остаться без ответа.

О какой позиции «Молодой гвардии» идет речь? Журнал «Молодая гвардия» ставит своей задачей прежде всего воспитание в молодом человеке, комсомольце чувства советского патриотизма, беззаветной любви к своему социалистическому Отечеству, интернационализма и непримиримости ко всякого рода враждебным идеологическим влияниям, опасность которых резко возросла в последние годы (укажем хотя бы на всем известные события в Чехословакии). В сегодняшнем мире, разделенном на два лагеря, буржуазная пропаганда, используя провокационную тактику «наведения мостов» и «идеологического сосуществования», ведет неустанную и все более изощренную, коварную обработку умов, проповедуя среди молодежи нигилизм во всех видах, стремление к легкой, «изящной» жизни на западный образец и поверхностный интеллектуализм без нравственных норм. Всякая вольная или невольная попытка преуменьшить значение этой опасности играет на руку только нашим идеологическим противникам.

Лучшие, наиболее значительные произведения, опубликованные в последние годы на страницах «Молодой гвардии», как раз и служат благородному делу отстаивания коммунистических идеалов, воспитанию молодежи в героико-патриотических традициях. Именно в журнале «Молодая гвардия» выступили с письмом-обращением к молодежи писатель Л. М. Леонов, художник П. Д. Корин, скульптор С. Т. Коненков, призывая беречь святыни нашего народа, любить свою землю.

Журнал охотно предоставляет свои страницы прославленным маршалам, ветеранам войны, людям трудных, героических профессий. Обращаясь к молодежи, Маршал Советского Союза В. Чуйков призывает воспитывать в себе верность Родине, усваивать героический опыт и революционные традиции отцов. «Они, эти традиции,— пишет маршал,— нужны вам, молодым, как воздух, как стартовая площадка для взлета в новые, еще не изведанные области на земле и в космосе: ведь на героическом прошлом отцов воспитывается патриотическое чувство сыновей. Для вас мы жили и боролись». Ясными гражданскими и патриотическими чувствами проникнуты такие разные по манере и содержанию произведения, как повесть В. Курочкина «Железный дождь», «Господин Великий Новгород» Д. Балашова, повести М. Барышева «Листья на скалах», «Потом была победа», как романы «Наследники» Н. Сизова, «Час Быка» И. Ефремова, повести «Где твой дом...» В. Битюкова, «Спроси зарю» С. Высоцкого, «Кассиопея» Ю. Иванова, «Корабли уходят в легенду» А. Елкина и т. д. Авторы этих произведений стремились показать настоящих героев нашего времени, идущих в авангарде строителей нового, коммунистического общества.

В своем поэтическом разделе журнал широко печатал произведения как признанных мастеров советской поэзии (Н. Рыленков, М. Танк, В. Солоухин, Г. Леонидзе, А. Решетов и др.), так и талантливых молодых поэтов — В. Фирсова, Ф. Чуева, Р. Амашукели, В. Сидорова, О. Алексеева, И. Савельева, В. Сорокина и т. д. и т. д.

Под рубрикой «Берегите святыню нашу» журнал систематически публикует материалы, рассказывающие о революционных традициях народов нашей страны, об исторических истоках национальных культур.

В критическом отделе журнала за последние год — полтора было опубликовано много статей четкого гражданско-патриотического звучания. Назовем для примера такие выступления, как «Весна солдата» В. Чукреева, «Не казаться, а быть» Ф. Овчаренко, «Комсомольская классика» Л. Кореневича, «Второе солнце» В. Назаренко, «Просвещенное мещанство» М. Лобанова, «Думы о Волге» Г. Коновалова, статью Ю. Иванова об И. А. Крылове и т. д.

Любой непредубежденный читатель, ознакомившийся хотя бы со статьей М. Лобанова «Просвещенное мещанство» («Молодая гвардия», 1968, № 4), ощутит, что написана она искренне и страстно, что автора глубоко волнует невыдуманная опасность чуждых идеологических влияний, активизации «просвещенного мещанства», космополитической интеграции. Критик точно определяет черты современного мещанина, который становится для него синонимом безыдейности, мелкотравчатости, пошлости: «У мещанства мини-язык, мини-мысль, мини-чувство — все мини. И Родина для них — мини. И дружба народов — тоже. Только разлагатели национального духа народов могут не желать этой дружбы».

Такова позиция журнала «Молодая гвардия». Кажется, невозможно даже поставить под сомнение партийность и гражданственность этой позиции. И тем не менее, повторяем, некоторые критики, фальсифицируя факты, произвольно истолковывая отдельные мысли авторов «Мо-

ВЫСТУПАЕТ «НОВЫЙ МИР»?

лодой гвардии» и произведения целиком, с помощью бесконечных и бесчисленных передергиваний и подтасовок, пытаются это сделать. Пожалуй, дальше других пошел по этому неблаговидному пути критик А. Дементьев в своей статье «О традициях и народности», а журнал «Новый мир» (см. № 4 этого журнала за 1969 год), естественно, с готовностью предоставил ему для этого свои страницы.

Почему естественно?

Мы полагаем, что не требуется подробно читателю говорить о характере тех идей, которые давно уже проповедует «Новый мир», особенно в отделе критики. Все это достаточно широко известно. Именно на страницах «Нового мира» печатал свои «критические» статьи А. Синявский, чередуя эти выступления с зарубежными публикациями антисоветских пасквилей. Именно в «Новом мире» появились кощунственные материалы, ставящие под сомнение героическое прошлое нашего народа и Советской Армии (не было ни «выстрела «Авроры», ни «даты рождения Красной Армии»), глумящиеся над трудностями роста советского общества (повести В. Войновича «Два товарища», И. Грековой «На испытаниях», роман Н. Воронова «Юность в Железнодольске» и т. д.). Известно, что все эти очернительские сочинения встретили осуждение в нашей прессе. В критических статьях В. Лакшина, И. Виноградова, Ф. Светова, Ст. Рассадина, В. Кардина и других, опубликованных в «Новом мире», планомерно и целеустремленно культивируется тенденция скептического отношения к социально-моральным ценностям советского общества, к его идеалам и завоеваниям.

Вот и на этот раз автор «Нового мира» А. Дементьев в своей статье многократно призывает читателя не преувеличивать «опасности чуждых идеологических влияний». Он даже ссылается при этом на слова И. С. Тургенева, высказанные им в 1868 году: «Неужели же мы так мало самобытны, так слабы, что должны бояться всякого постороннего влияния и с детским ужасом отмахиваться от него, как бы он нас не испортил?»,— совершенно забывая при этом о недопустимой антиисторичности подобной параллели. Дело ведь вовсе не в том, что за сто лет «мы стали куда более сильными и самостоятельными», как пишет А. Дементьев. В обстановке сегодняшней непримиримой борьбы двух враждебных идеологий коренным образом изменился самый характер «посторонних влияний». В условиях царской России 1868 года они могли быть прогрессивными (влияние материалистической философии, революционных идей, наконец, марксистской мысли); в условиях существования Советского Союза в сегодняшнем расколотом надвое мире отравляющее воздействие буржуазной пропаганды очевидно всякому. И тут деланно-простодушное заявление критика «Нового мира», по существу, носит разоружающий, более того, капитулянтский характер.

Зачем же понадобилось А. Дементьеву так явно приглушать и умалять опасность враждебного идеологического влияния? Куда направлен отвлекающий маневр критика «Нового мира», журнала, своей позицией способствующего попыткам размывания идеологических рубежей или, говоря словами В. И. Ленина, пытающегося «согнуться до точки зрения **общедемократической** вместо точки зрения пролетарской» (выделено В. И. Лениным. Соч., изд. 4-е, т. 35, стр. 90—91)? Впрочем, здесь удивляться нечему: «Новый мир» давно уже утратил представление о своем истинном месте в борьбе с чуждой идеологией.

А. Дементьев стремится в своей статье «О традициях и народности» в качестве жупела выставить идеи так называемого национализма и псевдопатриотизма, будто бы заполнившие не только критический, но и другие разделы журнала «Молодая гвардия». При этом наиболее удобным «испытательным полигоном» для критического обстрела и материалом для тенденциозного обобщения всей работы журнала становятся статьи В. Чалмаева «Великие искания» и особенно «Неизбежность» («Молодая гвардия», 1968, №№ 3, 9). В оценке других критических, поэтических и прозаических материалов «Молодой гвардии» он пытается всех «постричь под Чалмаева», будь то автор повести «Спроси зарю» С. Высоцкий, поэт В. Сидоров или критики М. Лобанов, П. Глинкин и т. д.

Спору нет, названные статьи В. Чалмаева страдают серьезными недостатками, они содержат грубые фактические и методологические ошибки, неточность ряда формулировок, уязвимые места в системе доказательств. Мы считаем, что редакция «Молодой гвардии» при публикации этих статей не проявила должной требовательности.

Но вместе с тем статьи В. Чалмаева и прежде всего «Неизбежность» имеют, на наш взгляд, одну главную цель, которую верно почувствовал, понял и которой отдал должное, резко отметив ошибочные положения, профессор А. Метченко («Москва», 1969, № 1). Он назвал «Неизбежность» «криком души», протестующей против проникновения или «инфильтрации» в нашу среду нездоровых явлений западной (буржуазной) культуры. И действительно, многое в статье В. Чалмаева подчинено именно этой контрпропагандистской задаче — сорвать «успешное» наведение мостов между классово чуждыми идеологиями. «Мерой подлинной интеллектуальности и прогрессивности в искусстве в наши дни неизбежно становится реальное, а не призрачное участие в борьбе Коммунистической партии и народа с идеологическими противниками нашей Родины»,— пишет В. Чалмаев. И далее, раскрывая смысл заголовка статьи, автор делает прямой акцент: «Осознание этого бескомпромиссного размежевания идеологий — историческая неизбежность нашего времени».

Та же идея выражена автором статьи в полемике со стихотворением О. Чухонцева, опубликованным в «Юности», об Иване Грозном и Курбском, в котором поэт оправдывал.... право «личности» на предательство по отношению к родине. В. Чалмаев прямо называет такие «рецепты» самоутверждения «логичным обоснованием предательства...» Вся глава статьи «Неизбежность», посвященная проблеме «толпы», как конечного продукта буржуазной нивелировки личности, насыщена пафосом борьбы за идеал человека будущего, за идеи Программы КПСС. Но именно этих мыслей В. Чалмаева постарался в первую очередь не заметить А. Дементьев.

Ну, конечно, автор «Нового мира» — опытный и тертый полемист. И поэтому не излишне здесь охарактеризовать некоторые «особенности» этого критика. Д. Молдавский в журнале «Октябрь» (№ 10, 1966 г.) в статье «...А литературная критика—творчество!» приводил разительные примеры того, как А. Дементьев поспешно, по конъюнктурным соображениям, меняет свои литературные оценки и взгляды. Так, в статье «Против антипатриотического эстетизма и формализма в поэзии» (журнал «Звезда», 1949, № 3) А. Дементьев писал: «Или возьмем так называемую «южную», одесскую группу литераторов, существовавшую в первые годы после революции, к которой в свое время принадлежали Э. Багрицкий, Ю. Олеша, Ильф и Петров и др. До сих пор эта группа благодаря стараниям ряда критиков и литераторов окружена в глазах отдельных писателей и читателей неким поэтическим ореолом... А между тем, очевидно, что одесская группа литераторов — в их числе и Багрицкий — находилась на декадентских позициях и как никакая другая группа в литературе была заражена низкопоклонством перед иностранщиной».

Спустя несколько лет тот же А. Дементьев, так категорически оценивший Ильфа и Петрова, становится членом редколлегии собрания их сочинений.

Ныне мы наблюдаем А. Дементьева в новой роли. В статье «О традициях и народности» он как-то уныло и вскользь говорит о том, что ему дорого чувство Родины, традиции русского народа, слава русского оружия в прошлом. Но эти полупризнания, полусетования необходимы, как оказывается на деле, для того, чтобы обрушиться на действительную, а не иллюзорную пропаганду патриотических идей в журнале «Молодая гвардия». И если заслуживают критики непродуманные ссылки В. Чалмаева на К. Леонтьева и В. Розанова [1], то совершенно беспочвенны предъявляемые автору обвинения в проповеди русского мессианства, исключительности, избранничества какой-то одной нации. В статье «Неизбежность» говорится лишь о необходимости исторической правды в освещении «подвига — ратного, трудового, нравственного,— который совершил вместе с другими братскими народами великий русский народ». В статье утверждается ленинская мысль о том, что лозунгу буржуазной интеграции наций, нивелировки их мы должны противопоставлять лозунг сближения социалистических наций через расцвет лучших черт национальных культур, что интернационализм — это не единение космополитических модернистских форм искусства и духовной жизни. Ведь еще в 1913 году В. И. Ленин писал С. Шаумяну: «Как Вы не хотите понять той психологии, которая особенно важна в национальном вопросе и которая при малейшем принуждении поганит, пакостит, сводит на нет бесспорное прогрессивное значение централизации, больших государств, единого языка?»

А. Дементьев с исключительным возмущением выписывает из статьи В. Чалмаева все характеристики буржуазных нравов капитала и т. п. Его коробят слова «проституированная, продажная пресса», «натиск буржуазной морали», «бездуховное слово» и т. д. За кого и за что обижается и оскорбляется А. Дементьев? Или он беспокоится, что мы при этом чересчур «обидим» разного рода «Голоса Америки», «Свободные Европы»?..

Выступая на словах в защиту истинного патриотизма, критик «Нового мира» не упускает случая поиздеваться надо всем, что связано с любовью к отчим местам, к родной земле, к деревне и почему-то особенно к русской старине. Здесь он не делает разницы между беллетристикой и статьями, повестью С. Высоцкого «Спроси зарю» и отчетом о

[1] В. Чалмаев приводит слова В. Розанова, не упоминая его фамилии. А. Дементьев не поленился установить имя цитируемого автора и название его труда. И иронически восклицает: «Почему же В. Чалмаев не назвал столь известного писателя? В. Розанов составил бы хорошую компанию К. Леонтьеву» («Новый мир» № 4, стр. 222). Любознательный читатель, отсчитав от этого места 36 страниц назад, легко убедится, что тот же В. Розанов в комментариях к «Письмам Марины Цветаевой» скромно характеризуется «Новым миром» как «писатель, философ, публицист и критик». Остается вернуть слова о «хорошей компании» их автору и редакции «Нового мира». Кстати, можно напомнить еще и о «Кубике» В. Катаева («Новый мир» № 2, 1969 г.), где В. Розанов цитируется с откровенной симпатией.

Ирина Петреску. Румыния. Звезда Московского кинофестиваля. Лучшая женская роль. Фильм «Женщина на один сезон».

Исполнители главных ролей в фильме «Оливер» (Великобритания) — Марк Лестер (слева) и Рональд Моуди.

Фото Е. Умнова.

Тадеуш Ломницкий. Польша. Фильм «Пан Володыевский».

Кадр из фильма «Доживем до понедельника». СССР.

Знакомьтесь: ПОБЕДИТЕЛИ!

Отшумел в Москве VI Международный кинофестиваль. В обстановке большой торжественности были вручены победителям призы и награды. Сейчас для участников и гостей фестиваля широко распахнулись ворота наших городов, где снова предстоят интересные встречи, новые знакомства на киностудиях и предприятиях, во дворцах и клубах.

Мы обещали познакомить читателей с победителями. Начнем знакомство со звезд. Румынская картина «Женщина на один сезон» — еще один триумф хорошо знакомой зрителям артистки Ирины Петреску. Ее Анна — человек сильной воли и мужественный. Несмотря на большие страдания, она находит в душе силы уйти от любимого, почувствовав его скрытую холодность, отчуждение. Она справится с собой!

Сейчас Ирина Петреску — звезда Московского фестиваля — в самом расцвете творческих сил и славы. Она мечтает участвовать в фильме, основанном, по ее словам, на энтузиазме, вере и истине.

С Анной Марией Пикнио зрители встретились в аргентинском фильме «Узкая полоска неба» ре-

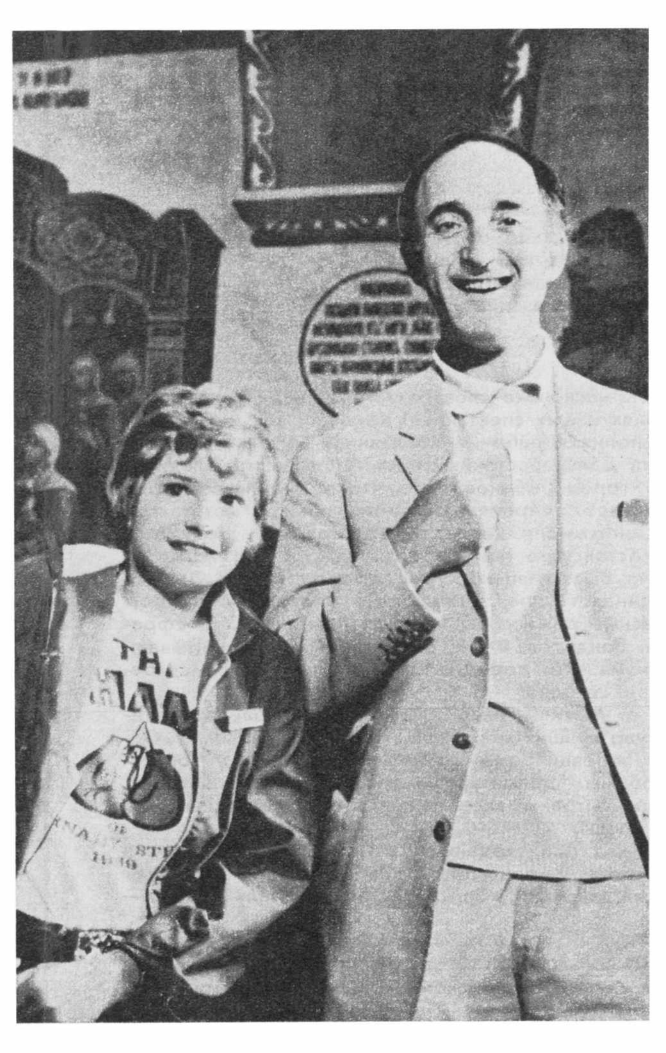
---

Новгородской конференции, посвященной тысячелетним корням русской культуры. А. Дементьев без устали подчеркивает, что «советский патриотизм не сводится к любви к «истокам», к памятникам и святыням старины...» Верно, не сводится. Но и не может существовать без них. Здесь уместно напомнить А. Дементьеву слова М. И. Калинина: «Проповедь советского патриотизма не может быть оторванной, не связанной с корнями прошлой истории нашего народа. Она должна быть наполнена патриотической гордостью за деяния своего народа. Ведь советский патриотизм является прямым наследником творческих дел предков, двигавших вперед развитие нашего народа» («Статьи и речи о коммунистическом воспитании», 1951 г., стр. 113).

Особое раздражение вызывает у критика поэзия «Молодой гвардии», которой, по его словам, «свойствен некий «деревенский уклон». С одной стороны, А. Дементьев осторожно оговаривается, что не претендует «на полный обзор и исчерпывающую характеристику всего разнообразного содержания журнала», а с другой,—вооружившись разрозненными цитатами, он категорически заявляет, что «деревенские» стихотворения, напечатанные в «Молодой гвардии», не отражают реальную жизнь современной деревни. Всех, кто пишет в «Молодой гвардии» о «земле», А. Дементьев презрительно (и не раз) именует «мужиковствующими», прекрасно зная (как историк советской литературы), что слово это было в 20-х годах пущено в ход Троцким (и разгуливало по страницам рапповского журнала «На литературном посту») для шельмования русских писателей-патриотов («мужиковствующими» обзывались Есенин, Шолохов и многие другие известные писатели).

Резкое неудовольствие А. Дементьева вызывает почему-то то обстоятельство, что «Молодая гвардия» стремится воспитывать в молодых читателях, будущих хозяевах страны, любовь к «земле», «истокам», к «деревне». С каких это пор любовь ко всему этому стала считаться предосудительной? Партия придает огромное значение хозяйственно-культурному укреплению деревни (в которой за последние годы произошли благотворные изменения), и мы можем только радоваться, если молодежный журнал вносит в это поистине всенародное дело и свой скромный вклад.

Бросается в глаза стилистическая увертливость статьи А. Дементьева. Открыто, прямо он, понятное дело, не может выступать против тех ценностей, которые защищает журнал «Молодая гвардия», но, признавая их, он тут же делает многозначительные оговорки, вроде: «Конечно, любовь к «малой родине» и отечественной старине — хорошее, доброе и сильное чувство. Но...», «это, разумеется, вовсе не означает, что в обличениях М. Лобанова совсем нет правды, над которой следовало бы задуматься. Она есть. Но...», «Прошу понять меня правильно. Я не нахожу оправданий не вызывавшемуся необходимостью разрушению наших монастырей и церквей и хорошо сознаю значение охраны и восстановления памятников старины. Но...», «Наша наука, конечно, не игнорирует своеобразия исторического развития отдельных наций и особенностей национального характера и культуры того или иного народа. Но...» и т. д. и т. д. Здесь хочется уже спросить: с каких это пор человеку, любящему свою родину, будь то Армения, Россия, Украина, Грузия, Латвия,— ставят эту любовь в вину? И не намеревается ли уж А. Де-



жиссера Давида Хосе Коона. Анна Мария Пиккио также получила приз за лучшую женскую роль.

Английский артист Рональд Моуди играет роль притонодержателя, корыстного и злого Фэджена в «Оливере». Фильм этот сделан по Диккенсу свежо и интересно. Роль очень трудная: Фэджен ведь прикидывается другом ребят, которых толкает на страшный путь: они станут квалифицированными жуликами, чтобы обогащать его, Фэджена... Как рассказывал артист, ему не просто было наладить контакт со своими маленькими коллегами. Рональд Моуди говорит, что основным своим призванием считает оперетту и ревю; это определило своеобразие фильма.

Другой лауреат премии за лучшую мужскую роль — Тадеуш Ломницкий. Он играет заглавную роль в польском фильме «Пан Володыевский». Этот костюмный, как принято выражаться, фильм полон изящества, но и в нем главное — сильные характеры, их борьба, их столкновение. За событиями зрители следят не отрываясь.

Теперь — о фильмах, ставших главными лауреатами.

О советском фильме «Доживем до понедельника», поставленном режиссером С. Ростоцким, «Огонек» рассказывал еще до выхода на экраны, оценив его высокие достоинства. Теперь их признало и международное жюри. Картина получила золотой приз.

Среди победителей конкурса есть дебютанты. Золотую медаль получил Умберто Солос, представитель молодой кинематографии Кубы. Он привез на фестиваль свой первый полнометражный художественный фильм — «Люсия». Это произведение состоит из трех новелл, и каждая рассказывает о Кубе. Фильм о трех кубинских женщинах, которые носят одно и то же имя, обретает полноту национальных характеров, историческую широту. Каждая из новелл повествует о многолетней борьбе кубинцев за национальное освобождение. Героини разными путями приходят к участию в этой борьбе, разделяя свою судьбу с судьбой родного народа.

Большой интерес своей народностью, острым юмором вызвала картина итальянского кинорежиссера Пьетро Джерми «Серафино». В главной роли снимался Андриано Селентано, один из популярных артистов Италии. Фильму тоже присужден золотой приз.

Известно шутливое замечание Джанни Родари, члена жюри детского фестиваля, что в СССР существует привилегированный класс: это дети. Оно и на сей раз подтвердилось! Во Дворце пионеров на Ленинских горах дети первыми вручили фестивальные премии победителям от своего специального детского жюри.

Известно, что ребята всего мира — шалуны и придумщики. Советские ребята такие же. Зал громким смехом встретил вручение двух «живых премий»: пушистого черного терьера и сибирского котенка. Их получили Марк Лестер и Ингер Нильсон, исполнители главных ролей в фильмах «Беги, Дикий, беги» — Великобритания и «Пеппи — длинный чулок» — ФРГ. Ингер Нильсон, к сожалению, не смогла приехать в Москву. А Марк Лестер, одиннадцатилетний англичанин, пожалуй, был одним из самых популярных гостей фестиваля: в Москве его видели сразу в трех фильмах; взрослые зрители горячо аплодировали маленькому актеру за превосходное исполнение роли Оливера Твиста в фильме «Оливер». Надо сказать, что к своему кинематографическому успеху Марк относится вполне философски; к тому же он вообще не определил окончательно свое будущее: очень возможно, что Марк еще сядет за штурвал самолета, а может, займется спортом. Во всяком случае, о регби мальчик говорит с бо́льшим удовольствием, чем о кино.

Высокую награду — золотой приз получил советский фильм «Зимнее утро» Н. Лебедева; и хоть речь в нем идет о грустных временах — о войне, о блокаде Ленинграда,— дети нашли этот фильм самым добрым. А самый смешной фильм «Кот в сапогах», сделанный японскими кинематографистами, удостоился смешной награды: авторам вручили пластинку с записью смеха и аплодисментов зрителей во время сеанса.

Премий, наград, грамот много. Особо хочется сказать о премии УНИАТЕК, врученной за техническое совершенство фильму «2001 — Космическая Одиссея». Вручение этой премии означает высокое признание достоинств картины, сделанной американскими кинематографистами Артуром Кларком и Стенли Кубриком. Они предложили нам удивительное кинопутешествие к звездам в межпланетных кораблях...

Сложнее всего, как мы и предполагали, протекала работа жюри короткометражных фильмов. Хороших картин оказалось так много, что вместо одного приза пришлось утвердить три равноценных. Их получили: «Юность мира» — СССР; «Дорога на передовую» — Республика Южный Вьетнам; «Испытание насилием» — Великобритания.

Итак, до новых встреч!

Н. ЗЫБИНА

Н. Н. СЕКУНДОВ

Умер Николай Николаевич Секундов — старый большевик, член КПСС с мая 1917 года. Он вступил в партию 17-летним подростком, неся в своем сердце горячую веру в победу революции, в силы рабочего класса.

В годы гражданской войны Н. Н. Секундов с оружием в руках защищал дело Октября. Потом был на партийной, советской и журналистской работе.

Его темперамент, энергия, организаторские способности нашли себе широкое применение на литературной работе в газетах и журналах, где он и сам писал и умел создавать вокруг себя творческий актив. Много лет он сотрудничал в редакции журнала «Огонек», где руководил отделом юмора, а впоследствии — отделом литературных приложений. Он был жизнерадостным, общительным человеком, душевным товарищем, пользовался большим уважением в коллективе. Много лет возглавлял партийную организацию журнала. Его любили и уважали за принципиальность, честность, взыскательность и доброе отношение к людям.

Николай Николаевич Секундов являлся для своих товарищей примером того, как надо работать и жить. Был он настоящий, доблестный большевик!

ментьев запретить белорусу писать о Белоруссии, казаху — о Казахстане, узбеку — об Узбекистане?

Сплошь и рядом А. Дементьев не утруждает себя хоть какими-то доказательствами своей правоты в споре, без всякой видимой логики наделяет оппонентов всевозможными грехами и приписывает им самое неожиданное «родство» с деятелями прошлого. Так, например, он безоговорочно отождествляет суждения В. Чалмаева и А. Григорьева, М. Лобанова и славянофила К. Аксакова, полагая, видимо, что все средства хороши в борьбе с теми, кто не разделяет направление «Нового мира».

Таким образом, постепенно вырисовывается во всей своей неприглядности тактико-стратегический прием А. Дементьева: воспользовавшись действительными ошибками, содержащимися в статьях В. Чалмаева, автор из «Нового мира» весь свой критический запал направляет не против этих ошибок, а вообще против тех произведений, которые отстаивают традиции русской и других национальных культур, идеи преемственности поколений, народно-революционной борьбы, советского патриотизма. Ну, а тут уж, мы полагаем, каждый читатель поймет генеральную идею дементьевской статьи, в которой за дымовой завесой радения о якобы истинном патриотизме ясно и отчетливо проступает ее асоциальная сущность. Ясен становится читателю и истинный смысл этой очередной публикации «Нового мира».

Мы кончим тем же, с чего начали. Наше время — время острейшей идеологической борьбы. Вопреки усердным призывам А. Дементьева не преувеличивать «опасности чуждых идеологических влияний» мы еще и еще раз утверждаем, что проникновение к нам буржуазной идеологии было и остается серьезнейшей опасностью. Если против нее не бороться, это может привести к постепенной подмене понятий пролетарского интернационализма столь милыми сердцу некоторых критиков и литераторов, группирующихся вокруг «Нового мира», космополитическими идеями. И, если хотите, наглядным подтверждением такой опасности является сам тот факт, что у нас уже появились литераторы вроде А. Дементьева. В провокационной тактике «наведения мостов», сближения или, говоря модным словом, «интеграции идеологии» они словно бы не хотят видеть диверсионного смысла. Более того, прикрываясь трескучей фразеологией, они сами выступают против таких основополагающих морально-политических сил нашего общества, как советский патриотизм, как дружба и братство народов СССР, как социалистическое по содержанию, национальное по форме искусство социалистического реализма. И это не может не беспокоить нас, советских писателей, ибо защита главных духовных ценностей нашего общества, патриотических традиций, воспитание чувства гордости за социалистическое Отечество, его прошлое и настоящее, борьба за коммунистическое мировоззрение народов были, есть и будут главной задачей советской литературы.

Михаил АЛЕКСЕЕВ, Сергей ВИКУЛОВ, Сергей ВОРОНИН, Виталий ЗАКРУТКИН, Анатолий ИВАНОВ, Сергей МАЛАШКИН, Александр ПРОКОФЬЕВ, Петр ПРОСКУРИН, Сергей СМИРНОВ, Владимир ЧИВИЛИХИН, Николай ШУНДИК.

ТЕАТР ПРИМО

В Москве гостит Владивостокский драматический театр имени М. Горького. Спектакли проходят с большим успехом. Наш корреспондент встретился с главным режиссером театра Н. И. БАСИНЫМ. Вот что он рассказал о работе коллектива.

Прежде всего я хотел бы несколько слов сказать о Владивостоке, его жителях, постоянных зрителях наших спектаклей. Конечно, как и в других городах, по вечерам зал заполняют рабочие, колхозники, интеллигенция,— в городе восемь вузов, есть Дальневосточный институт искусств. Владивосток—порт, город моряков, город рыбаков. И то, что большинство наших зрителей связаны с морем, любят героику, романтику и ждут от театра утверждения мужества, во многом определяет репертуар.

Датой рождения Владивостокского театра считается 1931 год, когда из нескольких небольших трупп, выступавших в городе еще с начала 20-х годов, была организована единая труппа, постоянная. Руководили театром талантливые, яркие, интересные режиссеры: А. Б. Надеждов, И. С. Ефремов, А. А. Добротин, Н. А. Бондарев, Ф. Е. Шишигин. Они воспитывали актеров в традициях реализма. Эти дорогие традиции мы стараемся беречь, развивать и продолжать сегодня.

Хотя театр наш далеко от Москвы, на его сцене всегда шли произведения, украшавшие репертуар лучших московских театров: «Разлом», «Оптимистическая трагедия», «Любовь Яровая», драмы Афиногенова, Погодина, Ромашова... Однако любимым драматургом всегда оставался Горький. В разное время у нас были сыграны все его пьесы, поставлены многие инсценировки горьковской прозы.

Мне приятно отметить, что произведения местных авторов, получив путевку в жизнь на нашей сцене, широко потом шли по стране. Это пьесы Е. Бондаревой «Хрустальный ключ» и «Сергей Лазо», Г. Халилецкого — «Шторм 8 баллов» и другие.

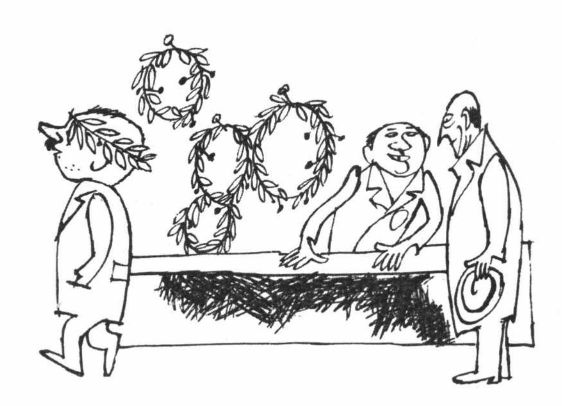
Театр много разъезжает, побывал он и за границей. Несколько лет назад мы гастролировали в Китае, в Корейской Народно-Демократической Республике. До сих пор вспоминаем горячий прием, который был оказан театру китайскими зрителями, поэтому с особой болью воспринимаем со-

«Дело» Артамоновых. Петр — М. Шальников.
Фото А. Бертика.

«Хлеб». Паша — С. Зима.

Рисует Т. Пин

Первый рисунок болгарского художника Т. Пиндарева появился в печати двадцать пять лет назад. Теперь он известный мастер графики и карикатуры. Его работы экспонировались на международных выставках в Берлине, в Монреале, на Кубе, в Лугано.



– Маленьких размеров у нас нет.

Медовый месяц.

— Мой муж берет работу на дом.
— А кем он работает?
— Дегустатором.

Без слов.

Воскресная прогулка матери семейства.

РСКОГО КРАЯ

бытия последнего времени и те страшные перемены, которые там произошли.

Выступали мы почти во всех больших городах Дальнего Востока, Сибири... Часто выезжаем к угольщикам, рыболовам, в города и поселки, куда и добраться-то не так просто. Об одной из таких поездок мне хотелось бы рассказать.

На юге Курил лежит остров Шикотан. Живет на острове всего восемьсот человек рыболовов и рабочих рыбозавода; правда, летом наезжают туда студенты обрабатывать сайру. В 1965 году получили мы приглашение приехать на остров на гастроли. Нам дали корабль, куда мы погрузили декорации, костюмы, и двинулись в путь. Плыли целых шесть дней — через пролив Лаперуза, мимо берегов Японии. Честно говоря, мы не очень хорошо представляли себе, что будем делать на Шикотане. Едем на двадцать дней, везем весь репертуар, а кто будет его смотреть? Однако опасения оказались напрасными. На пристани нас встречал, как говорится, весь остров, с оркестром и цветами. А наш администратор, приехавший раньше, сообщил, что билеты проданы на все дни. Играли мы в очень приятном клубе, который всегда был переполнен.

Так маленький Шикотан оказался одной из самых театральных точек на карте наших гастролей.

В октябре во Владивостоке мы открываем новый, очень ответственный сезон, посвященный великой дате — столетию со дня рождения В. И. Ленина. Предполагаем показать две премьеры: «Канат альпиниста» Д. Медведенко — пьесу, рассказывающую о наших современниках и поднимающую важную тему товарищества, взаимовыручки, настоящей и мнимой дружбы, а также «Бронепоезд 14-69» Вс. Иванова — о революционной борьбе на Дальнем Востоке.

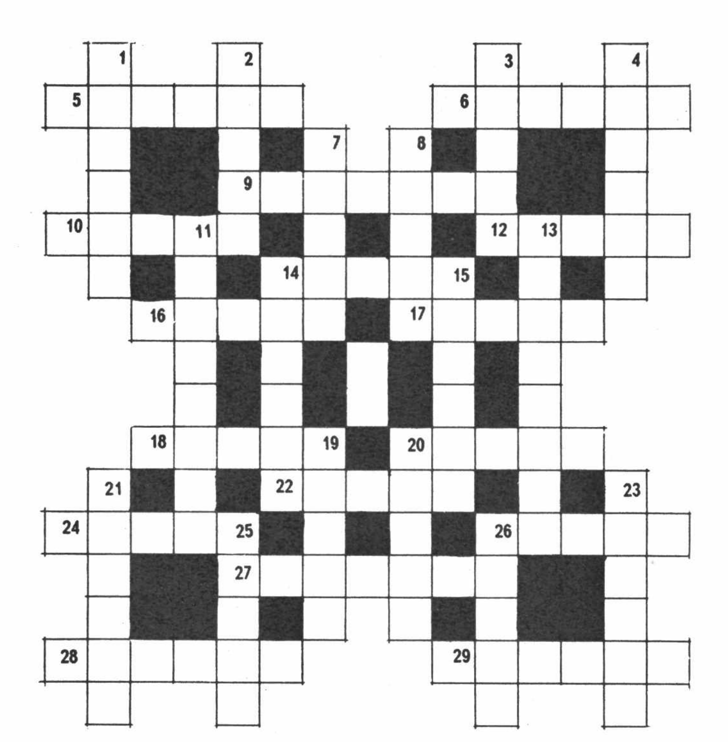
Уже много лет театр волнует проблема, которую я мог бы определить так: народ и история. Нас привлекают произведения, осмысливающие историю на крутых ее переломах, на стыке эпох. Потому закономерным было появление в репертуаре трагедии Шекспира «Юлий Цезарь», драмы «Иван Грозный» А. Толстого, пьес В. Киршона «Хлеб» и «Рельсы гудят».

Нам близка драматургия большого эпического дыхания; мы любим пьесы, раскрывающие смысл формулы: народ — творец истории. Все народное нас волнует и трогает. И именно об этом хотим мы говорить со зрителем в юбилейном году.

д а р е в

Комбинат бытового обслуживания.

— Не беспокойтесь, я немедленно выполню ваш заказ.



КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Озеро в Сибири. 6. Спортивная игра. 9. Прибор для измерения расхода газа. 10. Почтовый знак. 12. Город в Японии. 14. Киргизский народный эпос. 16. Курорт на Черном море. 17. Узбекский поэт и мыслитель. 18. Государство в Африке. 20. Спутник планеты Сатурн. 22. Римский историк. 24. Старейший ледокол советского арктического флота. 26. Сеть для ловли рыбы. 27. Советская балерина. 28. Химический элемент. 29. Пятиглавая гора на Северном Кавказе.

По вертикали: 1. Стихотворение А. С. Пушкина. 2. Морская полярная птица. 3. Писатель, собиратель французских народных сказок. 4. Цветок. 7. Украинский танец. 8. Руководитель факультета. 11. Ягода. 13. Арифметическое действие. 14. Трагедия Шекспира. 15. Южное вечнозеленое дерево или кустарник. 19. Порт на Атлантическом океане. 20. Персонаж драмы А. Н. Островского «Гроза». 21. Советский художник-баталист. 23. Станционное здание. 25. Река в Архангельской области. 26. Рассказ Л. Н. Толстого.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 29

По горизонтали: 4. Леонкавалло. 7. Ондатра. 8. Горацио. 12. Индейка. 14. Колорит. 15. Вишера. 17. Форинт. 18. Балет. 19. Аягуз. 22. Мадрас. 23. Трость. 24. Бионика. 26. «Дачники». 27. Ноктюрн. 29. Околица. 30. Валентность.

По вертикали: 1. Колобок. 2. Банан. 3. Алфавит. 5. Парапет. 6. Алгебра. 9. Олимпиада. 10. Хлестаков. 11. Причастие. 13. Конвертер. 16. Аванс. 17. «Фауст». 20. Граната. 21. «Контора». 24. Бинокль. 25. Ангарск. 28. Плато.

На первой странице обложки: В Казани открылся Дом национальной кухни, пользующийся популярностью в городе. На снимке: Нелли Милькина — участница республиканского конкурса официантов.

Фото Д. Ухтомского.

На последней странице обложки: Проект Советского павильона на ЭКСПО-70 в Осаке (Япония). Авторы проекта — архитекторы М. В. Посохин, В. А. Свирский, инженер В. А. Кондратьев, художник К. И. Рождественский.

Фото А. Гостева.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Л. ШУМАНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-10; Очерка — 250-15-33; Библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 250-14-70; Юмора — 253-32-13; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-30-39.

А 00153. Сдано в набор 8/VII 69 г. Подписано к печ. 22/VII 69 г. Формат бумаги $70 \times 108^{1}/_{8}$. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1404. Тираж 2 125 000 экз. Заказ № 2020.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Пастух из сельского цинандальского бюро добрых услуг Фируз Тандилашвили.

Ия МЕСХИ,
Татьяна ТРОИЦКАЯ

Фото И. ТУНКЕЛЯ
и Г. КАВЛЕЛИШВИЛИ.

«Отроду не встречал я ни в России, ни в Турции ничего роскошнее тифлисских бань»,— писал Пушкин и рекомендовал перенять кое-какие нововведения: «Знатоки будут благодарны»...

Хорошие, удобные бани — это сервис. Пусть ревнители возвышенного не упрекнут нас за то, что мы воспользовались записками великого поэта, хотя речь идет о бытовом обслуживании.

Как моются в тбилисских банях и как чинят обувь, как шьют платья и ремонтируют телевизоры, быстро ли стирают белье и чистят костюмы? Одним словом, что нового и полезного делает служба быта? С этим вопросом мы обратились к министру бытового обслуживания Грузии Фатуше Давыдовне Думбадзе.

— Конечно, бани, парикмахерские, химчистки, прачечные, ателье,— ответила она,— у нас такие же, как и во всех других городах Союза. Те же, наверное, достоинства и те же недостатки. Хотя лет пять-шесть назад отдать белье в стирку или починить телевизор было проблемой. Сейчас в Грузии больше девяти тысяч пунктов бытового обслуживания. Семьдесят тысяч человек готовы оказать различные услуги населению. Изменилось и само содержание услуг. Наши бюро добрых услуг могут выполнять любую работу дома: рояль настроить, окна и полы помыть, английский язык со школьниками проштудировать, стиральную машину починить... Больше четырехсот различных услуг оказываем мы населению республики. Планы у нас широкие. Пройдем в проектно-конструкторское бюро к Гивию Джапаридзе.

...По стенам развешаны проекты будущих и уже построенных зданий. Современные линии, большие окна, много солнца и света. В оформлении — национальные мотивы. Вот Дом добрых услуг, уже действующий в Кутаиси. А это проект нового здания, которое будет построено в Тбилиси. У него еще нет названия — оно состоит из больших и малых банкетных залов. Здесь можно будет отпраздновать свадьбу, день рождения, просто пригласить друзей к ужину. Посуда, скатерти, музыкальные инструменты — все это вам дадут напрокат.

В этом же бюро знакомимся с планами реконструкции и реставрации старинных тбилисских бань: ведь они со времен Пушкина не подвергались никаким улучшениям! Но так как они не памятники «бытовой культуры» 19-го века, а вполне действующие учреждения гигиены, такие реконструкции необходимы.

Джапаридзе обращает наше внимание на проекты индивидуальных домов для сел Западной и Восточной Грузии. Милые, уютные двухэтажные коттеджи, крытые террасы-галереи — учтены местные особенности и привычки, и в то же время есть современные удобства: отопление, гаражи, вместительные службы. И стоить это будет сравнительно недорого — 4 000—5 000 рублей.

— Вот мы и добрались до того нового, что сделано нашей службой быта,— говорит министр Ф. Думбадзе.— Я имею в виду деревню. И тут без цифр не обойтись. Если за два последние года объем услуг в целом по республике возрос на 34 процента, то в сельских местностях он увеличился на 60. Из 1 780 новых предприятий, которые уже действуют, 1 200 открыты в деревнях. До недавней поры сельское население справлялось со своими домашними нуждами как придется. Часто за самым малым — платье сшить, приемник починить — приходилось ездить в город. А у нас в деревнях живут хорошо: крестьяне имеют телевизоры, холодильники, стиральные машины, автомобили. В квартирах полированная мебель. Прибавилось бытовых забот у крестьян! Поезжайте в деревню — увидите все своими глазами.

...Какое наслаждение видеть Кахетию весной! Ехать по дороге, которая, кажется, ведет прямо в рай — так его представляешь себе, когда смотришь с перевала на Алазанскую долину, на горы, подернутые синей дымкой, и персиковые деревья в цвету — розовом, как будто бы наполненном утренним солнцем! Не беремся утверждать точно, но думаем, что земля обетованная находится в Кахетии. И именно в Телавском районе — может быть, в селе Напареули, может, в Цинандали. Во всяком случае, живут здесь люди, довольные своей судьбой, красивые, здоровые и добрые...

Толчок. Машина остановилась. Медленно, игнорируя отчаянные гудки автомобилей, пересекают шоссе рыжие крутобокие коровы. За ними семенят овцы.

— Вы наблюдаете одну из форм обслуживания сельского населения,— торжественно возвещает начальник районного управления бытового обслуживания Ладо Хелашвили.— Пастух работает у нас в комбинате, а эти овцы и коровы — собственность жителей сел Цинандали и Напареули.

Когда наконец коровы и овцы уступили шоссе, мы быстро добрались до села Напареули и остановились около деревянного, довольно просторного здания. Сельский комбинат бытового обслуживания. Кроме обычных услуг, здесь есть и свои, чисто деревенские. Бывает, надо коня подковать или деревья вовремя подрезать, виноградники от вредителей спасти или печь для хлеба построить, зер-

ДЕРЕВЕНС

Ремонт сложной бытовой техники.

Автопрофилактическая станция.

К рабочим Цинандальского винного завода приехал Дом моделей.

но смолоть, колодец вырыть. За всеми этими нуждами обращаются в комбинат...

Невысокая, худенькая женщина энергично и страстно что-то втолковывает большому, тучному человеку. Он робко посматривает на нее, изредка вставляя два-три слова, видимо, в свое оправдание. Это председатель сельсовета Зизи Холдашвили распекает заведующего мастерской по ремонту радио и телевизоров. Жители села жалуются на долгие сроки ремонта.

— И такое бывает... А что мы можем сделать, если трудно достать нужные детали? — вступает в разговор Демури Надибаидзе, заместитель председателя сельсовета. Он отвечает за организацию сельской службы быта. В его подчинении двадцать шесть постоянных работников, а летом и все сорок — пятьдесят, в зависимости от спроса.

Начальник районного управления рассказывает нам о новшествах сельского сервиса.

— В Напареули должны построить 28 новых объектов. 16 уже готовы. Что именно? Бани, парикмахерские, ателье, ремонтные мастерские, кузница, химчистки, прачечные. Есть у нас и сейчас приемные пункты, но чистят и стирают в городе. А стало быть, долгая это песня. Какая хозяйка согласится отдать белье в стирку и неделями ждать? Надо иметь все это здесь, в селе.

То, что изменился облик села, что в центре, где раньше стоял раскидистый дуб — место деревенских сходок,— ныне высится современное здание клуба, сельский универмаг из бетона и стекла,— это уже стало привычным. Тем значимее первые попытки облегчить быт селянина, приблизить его к быту городского жителя.

КИЙ СЕРВИС

Сельская кузня.

Эдуард Шавадзе из телавского бюро добрых услуг опрыскивает виноградники на приусадебном участке.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.